А. Уманец.

Исторические рассказы о Крыме.

V

1887

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ О КРЫМѢ.

А. У—ЦА

СЕВАСТОПОЛЬ.
Типографія „Севастопольскаго Листка".
1887.

Дозволено цензурой. Одесса, 4 Сентября 1887 года.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ О КРЫМѢ.

А. УМАНЦА.

СЕВАСТОПОЛЬ.
ТИПОГРАФІЯ „СЕВАСТОПОЛЬСКАГО ЛИСТКА".
1887.

Дозволено цензурой. Одесса, 4 Сентября 1887 года.

4-20-00

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ.

Стра

Предлагаемые «Историческіе разсказы о Крымѣ» не составляютъ спеціально-историческаго сочиненія,—а рядъ статей о событіяхъ изъ прошлой жизни Тавриды. Изъ этихъ разсказовъ читатели, не знакомые съ Крымомъ, узнаютъ о происхожденіи, нравахъ и обычаяхъ татаръ, которыхъ мы, русскіе, застали здѣсь, по присоединеніи Крыма. Углубившись въ прошлое Крымскаго ханства, увидятъ страшные набѣги татаръ на Россію и Польшу, оканчивавшіеся приведеніемъ сюда множества плѣнныхъ христіанъ.... Въ связи съ этими набѣгами, увидятъ и отважныхъ запорожцевъ, наѣзжавшихъ въ Крымъ мстить татарамъ за ихъ жестокости.... Ознакомятся и съ кровожадными героями бывшаго ханства,—знаменитыми Гиреями, надъ могилами которыхъ до настоящаго времени сохраняются памятники въ Бахчисараѣ.

Въ разсказы войдутъ также разныя свѣдѣнія и о другихъ народахъ, населявшихъ Тавриду,—особенно о древнихъ грекахъ, римлянахъ и генуэзцахъ,—съ характеристикой ихъ, на сколько было возможно представить.

Здѣсь будетъ сказано о первыхъ русскихъ походахъ въ Крымъ, съ объясненіемъ состава древней нашей арміи. Будетъ сообщено и о дальнѣйшихъ удачныхъ походахъ. Отсюда узнаютъ, какъ этотъ полуостровъ былъ поко-

ренъ Долгоруковымъ. Увидятъ здѣсь и другихъ доблестныхъ полководцевъ, участвовавшихъ въ пріобрѣтеніи этой прекрасной страны.

Ознакомятся съ тогдашней политикой Россіи въ отношеніи Крыма и съ послѣднимъ ханомъ Шагинъ-Гиреемъ.

Будетъ изложено о началѣ и развитіи христіанства въ Тавридѣ, съ описаніемъ первоначальныхъ обрядовъ христіанъ, совершавшихся въ пещерныхъ храмахъ.

Объ учрежденіи Таврической области и объ отношеніяхъ татаръ къ русскимъ послѣ присоединенія Крыма. О сельской промышленности татаръ того времени и о проч.

Наконецъ, читатели прочтутъ и о замѣчательномъ путешествіи въ Крымъ Екатерины II,—ровно сто лѣтъ тому назадъ.

Разнообразныя, всестороннія свѣдѣнія о Крымѣ почерпались мною изъ всякой интересной книги, заключавшей въ себѣ, хотя что нибудь объ этомъ краѣ, а также—изъ рукописей, имѣющихся у меня, не бывшихъ еще въ печати. Читая ихъ, я дѣлалъ замѣтки и выписки. Эти записки я велъ для себя, нисколько не помышляя тогда объ ихъ изданіи. Когда-же ихъ набралось достаточно, я принялся за составленіе отдѣльныхъ статей, изъ которыхъ нѣкоторыя были уже помѣщены въ періодическихъ изданіяхъ.

Быть можетъ, въ моихъ разсказахъ найдутся слабыя стороны. Повторяю, книга эта не составляетъ спеціальнаго изслѣдованія о Крымѣ; она издается не для ученыхъ. Если-бы не представилось побудительной

причины,—благотворительной цѣли, — можетъ быть, этотъ трудъ и не видалъ-бы печати.

Для того, чтобы ближе освоиться съ Крымомъ, я самъ объѣздилъ всѣ его достопримѣчательныя мѣстности и, такимъ образомъ, въ натурѣ провѣрилъ свѣдѣнія, извлеченныя мною изъ книгъ относительно крымской природы, объ археологическихъ памятникахъ и о проч.

Чтобы не увеличивать объема своихъ статей и не затруднять читателя частыми ссылками на источники, которыми я пользовался,—ограничусь только ихъ перечисленіемъ, а именно:

1) «Крымскій сборникъ» П. Кеппена; 2) «Исторія Малой Россіи» Д. Бантышъ-Каменскаго; 3) «Досуги крымскаго судьи» П. Сумарокова; 4) «Записки Л. Н. Энгельгардта»; 5) «Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ» кн. П. Долгорукова; 6) «Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края» А. Скальковскаго; 7) «О Россіи, въ царствованіе Алексѣя Михайловича» Г. Кошихина; 8) «Правленіе царевны Софіи» П. Щебальскаго; 9) «Татарское нашествіе» М. Погодина; 10) «Универсальное описаніе Крыма» В. Кондараки; 11) брошюры Ѳ. Ливанова (Севастополь, Бахчисарай и др.); 12) «Древніе памятники христіанства въ Тавридѣ», брошюра Д. Струкова; 13) «Памятная книга Таврической губерніи», К. Ханацкаго; 14) «Высочайшіе рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по дѣламъ Крымскимъ», изъ семейнаго архива гр. В. Н. Панина; 15) «Архивъ князя Воронцова»; 16) «Исторія Екатерины II» А. Брикнера. Кромѣ того, нѣкоторыя данныя я почерпнулъ изъ сочиненій Д. Мордовцева—о запорожцахъ на Черномъ морѣ и о невольникахъ на галерахъ, а также изъ статей, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ» и въ «Кіевской Старинѣ» за прошлые годы.

А. Уманецъ.

I.

Нашествіе въ Крымъ татаръ. Половцы. Монгольскія орды. Владычество улусъ-бековъ въ Тавридѣ. Бейлыки. Образованіе Ханства. Цыгане.

Въ лѣтніе дни 1224 года жители степной части Тавриды были поражены необыкновеннымъ зрѣлищемъ: съ сѣверной стороны полуострова, въ туманѣ пыли, неожиданно появились густыя массы невиданнаго народа. Эти массы все болѣе прибывали и быстро расходились въ разныя стороны.... Когда облака пыли, наконецъ, разсѣялись, — на зеленой степи оказалось множество стадъ овецъ, рогатаго скота, табуновъ лошадей.... Между ними толпы смуглыхъ дикарей, въ пестрыхъ одеждахъ, разбивали себѣ шатры изъ шкуръ, снимая ихъ, вмѣстѣ съ разнымъ скарбомъ, съ вьючныхъ верблюдовъ. Многіе другіе —вооруженные всадники, съ гикомъ бросались на половецкія кочевья и раззоряли ихъ, а самихъ половцевъ безжалостно умерщвляли... Въ воздухѣ разносился оглушительный гулъ: то слышался отчаянный крикъ, который сливался съ ржаніемъ лошадей, то выдѣлялись звуки роговъ, то ревъ скота, то визгъ женщинъ, заглушавшійся пронзительной музыкою.... Ящерицы и мыши отъ испуга

скрывались въ норы; зайцы и дикія лошади уносились въ даль, а дикіе гуси и утки улетали въ море....

Чтобы объяснить причину появленія этого народа въ Крыму, обратимся къ предшествовавшимъ событіямъ.

Въ первой четверти XIII столѣтія управленіе южной Русью было сосредоточено въ г. Галичѣ, гдѣ княжилъ Мстиславъ-Удалой. Тогда въ Новороссійскихъ степяхъ кочевали Половцы, или Команы. Половцы—азіатскіе выходцы; они жили въ кибиткахъ (шатрахъ), занимались обыкновенно грабежемъ, питались кобыльимъ молокомъ и сырымъ мясомъ.

Въ 1223 году вдругъ къ князю Мстиславу является своякъ его, половецкій ханъ Котянъ, съ товарищами,—всѣ въ паническомъ страхѣ. «Помогите намъ!», вопили они,—«помогите! На насъ напали сильные враги и ограбили наши кочевья. Если вы, русскіе князья, со своими дружинами, теперь намъ не поможете, они придутъ и въ вашу землю, и раззорятъ васъ, какъ насъ раззорили!»

Русскіе никогда не видали Половцевъ въ такомъ страхѣ; и признаковъ не было ихъ надменности временъ набѣговъ на русскую землю.... Они стояли теперь смиренными, униженными; просили помощи съ низкими поклонами, поднося дары.

— Что сдѣлалось съ вами, кто раззорилъ васъ? какіе враги? спрашивалъ князь и бояре.

— Не знаемъ; пришли они съ береговъ «Хазарскаго» (Каспійскаго) моря, въ огромной массѣ; оказали необыкновенную силу,—злобы еще больше.... Собой

они смуглы, глаза у нихъ узкіе, носы сплюснутые, губы толстыя, скулы выпуклыя, уши длинныя, плечи широкія... Они побѣдили Яссовъ и Касоговъ *). Мы стали было отбиваться, но не могли пересилить.... Много насъ разбѣжалось,—кто за Донъ, кто за Днѣпръ, а часть перебралась черезъ валъ половецкій, въ Русскую землю...

— А какъ ихъ зовутъ?

— Татарами!

И вотъ въ первый разъ на Руси услышалось зловѣщее имя *татаръ!*

Мстиславъ немедленно созвалъ въ Кіевъ русскихъ князей на совѣтъ. Между тѣмъ, половцы обходили и всѣхъ удѣльныхъ князей, униженно вымаливали помощи, дарили коней, верблюдовъ и буйволовъ, уговаривая: «Нынче враги возьмутъ нашу землю, завтра—вашу»: Мстиславъ же, зная вѣроломство своихъ сосѣдей, говорилъ: «если мы не поможемъ половцамъ, они сами передадутся татарамъ и наступятъ, вмѣстѣ съ ними, на Русскую землю». Онъ убѣдилъ князей идти на встрѣчу татаръ!

Вскорѣ татары узнали о вооруженіи русскаго ополченія и о прибытіи сего войска къ Днѣпру. Тогда поспѣшили выслать къ князьямъ на островъ Варяжскій (сборный пунктъ) пословъ, съ наказомъ такую рѣчь вести: «Слышно, будто вы собираетесь противъ насъ, повѣривъ половцамъ. Да мы не на васъ пришли; вашихъ селъ и городовъ мы не грабили, а пришли на

*) Или «казаховъ», кочевавшихъ у Кавказскихъ горъ (родоначальники казаковъ).

своихъ холопей и конюховъ,—на половцевъ. Лучше намъ сойтись и вмѣстѣ уничтожить безпокойное племя. Если они прибѣгнутъ къ вамъ,—убивайте злодѣевъ, имущество ихъ берите себѣ; они и вамъ дѣлали много зла».

Половцы же продолжали склонять князей на брань и до того ихъ возбудили, что они приказали пословъ умертвить.

Не смотря на очевидную опасность переговоровъ, татары снова прислали пословъ, которые князьямъ говорили: «Теперь мы навѣрное знаемъ, что вы хотите поддержать половцевъ, потому что убили нашихъ пословъ. Ясно видимъ, что идете противъ насъ;— идите; мы же опять завѣряемъ, что васъ не трогаемъ».

Однако, удѣльные князья, сгорая нетерпѣніемъ сразиться съ «невиданной ратью», забыли свои враждебныя отношенія къ половцамъ, и переправились со ста тысячами воиновъ за Днѣпръ; бросились выручать своихъ-же враговъ! Столкнувшись съ татарами,— выдержали нѣсколько битвъ, что ихъ сильно ободрило; наконецъ, черезъ нѣсколько дней достигли береговъ рѣки Калки *).

Но за этой рѣкою стояли главныя силы татаръ.

Честолюбивый Мстиславъ ринулся на нихъ съ одной только своей дружиною, да половцами. Какъ только начался бой, половцы бросились назадъ и смяли русскую рать. Когда-же подошли другія княжескія дружины, татары навалились на нихъ,—и закипѣла лютая сѣча.... Къ довершенію несчастья, князья дѣй-

*) Рѣка Калецъ, Маріупольскаго уѣзда.

ствовали не единодушно,—вслѣдствіе чего русскіе и потерпѣли пораженіе.

Въ этой сѣчѣ погибло нѣсколько князей, множество витязей, а изъ простыхъ воиновъ спаслась едва десятая часть. Татары до того озлобились, что отпраздновали свою побѣду на тѣлахъ убитыхъ князей.— Это было 31 мая 1224 года.

Затѣмъ татары двинулись дальше, предавая все огню и мечу; дойдя до Днѣпра,—на которомъ всѣ русскія лодки были уже изрублены по приказанію Мстислава,—за сто верстъ отъ Кіева, грозные враги вдругъ повернули назадъ и исчезли. Скрылись они лишь на тринадцать лѣтъ, чтобы потомъ съ новыми силами, подъ предводительствомъ Батыя *), броситься на Русскую землю, тогда уже раздробленную на множество княжествъ и ослабленную междоусобными войнами удѣльныхъ князей,—и на долго, почти на двѣсти лѣтъ, поработить ее....

«Что это за люди? откуда они?» спрашивали себя русскіе послѣ Калкскаго побоища, и никто не могъ дать себѣ опредѣленнаго отвѣта.

Исторія объяснила впослѣдствіи, что это были Монголы; что они вышли изъ гористой степи Гоби, за Байкаломъ; что они отличались дикими нравами, занимались скотоводствомъ, звѣриной ловлею и грабежемъ. Монголы дѣлились на кочевья, которыя назывались: «юрта», «улусъ», «орда». Всякая орда имѣла свой владѣльческій княжескій родъ, а князья составляли высшее сословіе подъ названіемъ «улусъ-

*) Внука Чингизъ-Хана.

бековъ», или «беевъ». Собраніе знатныхъ лицъ составляло «курилтай» (совѣтъ). На курилтаѣ избирались ханы.

Въ началѣ XIII столѣтія былъ избранъ главою Монголовъ Темучинъ (или Темуджинъ) Багатуръ оглу, человѣкъ гигантскаго роста. Онъ въ юномъ еще возрастѣ отличался необыкновенной жестокостью; такъ напримѣръ, по усмиреніи взбунтовавшагося было своего улуса, онъ приказалъ виновныхъ сварить живыми въ 70-ти котлахъ кипящей воды. Этотъ Темучинъ особенно прославился завоеваніями, почему и прозвали его монголы своимъ „Чингизъ-Ханомъ“ (великимъ повелителемъ).

Онъ ухитрился, при помощи своей жестокости, овладѣть многими другими ордами Турко-татарскаго племени, кочевавшими на западныхъ равнинахъ Средней Азіи. Увеличивъ такимъ образомъ силу своихъ улусовъ, онъ дѣлалъ набѣги на Восточный Туркестанъ и другія владѣнія Монголо-татарскаго племени, присоединяя ихъ къ своему народу. Китайцы, въ огражденіе себя отъ Темучина, построили на границѣ своихъ владѣній знаменитую «Каменную стѣну», длиною въ 4000 верстъ. Но Чингизъ-Ханъ и чрезъ нее прорвался; проникъ въ могущественный Китай, раззорилъ страну и сжегъ главный его городъ Пекинъ. Затѣмъ повернулъ въ Югозападный Туркестанъ преслѣдовать турецкаго султана Магомета за его вѣроломство; взялъ Бухару, Самаркандъ, Мервь, Гератъ, и не щадилъ побѣжденныхъ. Въ Самаркандѣ основалъ онъ свою резиденцію, гдѣ издалъ замѣчательный „Яса“ (наказъ),

которымъ обязывалъ Монголовъ покорить всѣ страны къ западу и считать всѣ эти народы, съ ихъ имуществомъ, своей собственностью, а его, Чингизъ-Хана, главою надъ всѣми. Онъ говорилъ: „Какъ на небесахъ одинъ Богъ, такъ и на землѣ долженъ быть только одинъ властелинъ!“ Грамоты его и послѣдующихъ монгольскихъ хановъ всегда начинались такъ: «Силою Божіей повелитель всѣхъ людей».... Въ теченіи своей жизни Чингизъ-Ханъ умертвилъ нѣсколько милліоновъ душъ.

Онъ-то отправилъ своихъ полководцевъ Джебе-Нойона и Субудай-Багатура за Каспійское море для истребленія половцевъ *).

Орды эти потянулись черезъ Кавказскія горы, но въ ущельяхъ были окружены самыми половцами, при содѣйствіи черкесовъ. Попавъ въ засаду, Джебе-Нойона и его товарищъ обѣщали половцамъ далѣе ихъ не преслѣдовать, лишь-бы они вывели ихъ изъ горъ; когда-же выбрались, быстрымъ натискомъ бросились на половцевъ,—и нисколько ихъ не пощадили. Тогда-то старшій половецкій ханъ Котянъ устремился къ своему зятю, князю Мстиславу, искать спасенія,—послѣдствіемъ чего и было побоище при р. Калкѣ.

Во время преслѣдованія половцевъ, до Калкскаго еще столкновенія, часть Монголовъ расположилась у береговъ Азовскаго моря; оттуда они (на отнятыхъ, вѣроятно, у грековъ корабляхъ) впервые сдѣлали нападеніе на Таврію (Крымъ). Раззорили богатый городъ

*) Половцы вытѣснили Печенѣговъ, прогнавъ ихъ въ Азію, и заняли ихъ степи въ XI вѣкѣ.

Сурожъ *) и вернулись съ большой добычею, наведя своимъ грабежемъ необычайный страхъ на всѣхъ колонистовъ....

Вскорѣ за тѣмъ, семь монгольскихъ «улусъ-бековъ» (князей) изъ Чингизъ-Ханова рода, отдѣлясь со своими ордами отъ главныхъ его полчищъ,—отправившихся обратно восточной стороною Каспійскаго моря,—съ береговъ р. Волги направились въ Тавриду. По пути необузданные дикари окончательно раззорили половцевъ, отбивъ у нихъ отары (стада) овецъ, табуны лошадей, верблюдовъ и рогатый скотъ.

Вступленіе этихъ татаръ въ предѣлы Крыма сравнивалось съ налетомъ саранчи. Нашествіе такой массы привело въ ужасъ все крымское населеніе. Греки караимы, венеціанцы и другія племена бросались спасаться: кто въ море, кто въ горы, гдѣ жили потомки Тавровъ, подъ защиту древнихъ крѣпостей на неприступныхъ скалахъ; многіе-же—просто въ пещеры. Расзореніе было всеобщее....

Семь улусъ-бековъ быстро овладѣли полуостровомъ и расположили свои улусы преимущественно въ степной части Крыма, гдѣ передъ тѣмъ кочевали половцы. Каждый изъ нихъ объявилъ себя самостоятельнымъ вождемъ своей орды. Они назывались и здѣсь «беями». Утвердившись въ странѣ, они образовали независимыя удѣльныя имѣнія, каждое подъ названіемъ «Бейлыкъ» (родъ маіората).

Разпредѣливши между собой Бейлыки, улусъ-беки

*) Впослѣдствіи Судакъ,—въ древности же именовался Сугдея. «Су-дагъ» въ переводѣ: водяная гора, т. е. гора, обильная водою. Судакская крѣпость построена генуэздами.

со своими татарами перестали вести жизнь кочевую. Съ покоренныхъ жителей Тавриды, какъ-то: грековъ и готѳовъ, евреевъ и караимовъ, половцевъ, а потомъ генуэзцевъ и армянъ брали дань,—то деньгами («акча»), то продуктами съ земельныхъ доходовъ; требовали даже дань со всѣхъ, вступавшихъ въ супружество. Неисправныхъ плательщиковъ наказывали жестоко: ихъ выводили предъ народомъ, связывали и безпощадно били по пятамъ,—до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ сострадательныхъ зрителей не выкупалъ ихъ, или сами провинившіеся не умирали подъ палками; другихъ же, совершенно неимущихъ, просто брали въ рабство и изнуряли чрезмѣрными работами.

Впослѣдствіи, въ XV ст., они учредили *Крымское Ханство.* Въ званіе «хана» (властителя) *) избирали на «курилтаѣ» лицъ изъ своего же рода. Себя они нѣсколько подчинили ханской власти,—тѣмъ, что, по его повелѣнію, обязательно выходили въ набѣги, съ войскомъ изъ подвластныхъ татаръ; помѣстья-же свои оставили независимыми отъ хана.—Первоначальной резиденціей крымскихъ хановъ былъ городъ «Солхатъ», или «Эски-Крымъ» (Старый-Крымъ),—а потомъ «Карасу-базаръ». Хотя позже прибыли въ Тавриду изъ Кабарды и Анатоліи другіе князья, со своимъ-же племенемъ (изъ нихъ кабардинцы поселились въ долинѣ р. Бельбека),—но тѣ управлялись непосредственно ханской властью. Это были «Уланы» и «Капыхалки» (Капу-Халки). «Беи» составляли первую степень знат-

*) *Ханъ*—отъ слова «канлы» (кровный).

ности, а «Уланы» и «Капыхалки» (ханскіе чиновники)— вторую.

Отъ явившихся въ Крымъ семи монгольскихъ завоевателей существуютъ и теперь у насъ потомки ихъ подъ фамиліями: *Ширинскихъ*, *Мансурскихъ*, *Суджеутскихъ*, *Баринскихъ*, *Аргинскихъ*, *Кипчакскихъ* и *Яшлавскихъ*.

Въ потомствѣ монгольскихъ князей право собственности на бейлыки, равно право полученія дани съ покоренныхъ племенъ, и неограниченная власть надъ ними переходили только къ одному старшему въ родѣ,—какъ преемнику титула и власти; почему каждый такой наслѣдникъ именовался «беемъ», въ отличіе отъ прочихъ родственниковъ, называвшихся «мурзами».

Своими обширными правами «беи» пользовались до присоединенія Крыма къ Россіи,—до 1783 года. Хотя съ этого времени власть ихъ надъ народомъ прекратилась, но порядокъ наслѣдованія «бейлыка» остался тотъ-же. Однако, по Высочайшему манифесту отъ 8-го апрѣля того года *) не возбранялось магометанамъ слѣдовать относительно раздѣла имѣній и Россійскимъ узаконеніямъ. Вотъ почему съ того времени «бейлыки» начали переходить,—съ согласія, впрочемъ, всѣхъ наслѣдниковъ,—въ чужіе роды; мурзацкія имѣнія стали укрѣпляться также и за русскими помѣщиками.—

Съ монголами прибыли въ Тавриду и Цыгане (индійской расы), въ качествѣ рабовъ. Но эти рабы

*) Манифестъ 8 апрѣля 1783 года—о присоединеніи Крыма.

не могли считаться угнетенными, такъ-какъ они, будучи довольно покорнаго нрава, умѣли угождать своимъ властителямъ и находились при нихъ, какъ кузнецы или музыканты. Они вели также мелкую мѣновую торговлю и на выручаемые барыши поддерживали свое существованіе. Цыгане придерживаются обрядовъ магометанской вѣры; но прежде, когда монголы поклонялись идоламъ и огню, цыгане тоже были язычниками.

Послѣ присоединенія Крыма, до пятисотъ цыганскихъ семействъ прибыли сюда изъ Польши. Впослѣдствіи эти переселенцы смѣшались съ цыганами индійскаго происхожденія. Потомки обоихъ племенъ и до настоящаго времени разбросаны въ Крыму. Они обыкновенно живутъ въ предмѣстьяхъ городовъ; отличаются неряшествомъ и бѣдностью. Интересна слободка ихъ въ Бахчисараѣ «Салачикъ»,—по своей дикой живописности; тамъ одни изъ нихъ живутъ въ пещерахъ колосальныхъ скалъ, а другіе въ лачужкахъ, у подножія этихъ скалъ, подъ гигантскими камнями, готовыми ежеминутно на нихъ обрушиться.

II.

Набѣги татаръ. Евпаторійскій невольничій базаръ. Христіане-невольники на галерахъ. Менгли-Гирей. Оптическіе телеграфы казаковъ для отраженія татаръ. Меметъ-Гирей и Девлетъ-Гирей. Тугай-бей и Исламъ-Гирей. Наѣзды Запорожскихъ казаковъ.

По своему врожденному хищничеству, татары не могли долго оставаться на мѣстѣ. Страсть къ наживѣ, грабежу, побуждала ихъ, подъ начальствомъ хановъ или беевъ, дѣлать почти ежегодно набѣги на Русскую или Польскую украйну.

Всегда избѣгая открытыхъ сраженій; они внезапно нападали на селенія и города,—грабили все, что только могли захватить съ собою; угоняли въ Крымъ массы разнаго скота, а съ нимъ вмѣстѣ—тысячи, даже десятки тысячъ христіанъ. При дѣлежѣ они были весьма неразборчивы и жестоки: никакія мольбы и вопли не могли отвратить разлученіе матерей съ дѣтьми, мужей съ женами. Дѣтей они безцеремонно обрѣзали для обращенія въ магометанство; дѣвицъ и женъ насиловали въ присутствіи родителей и мужей....

Вслѣдствіе такого наплыва плѣнныхъ, въ Крыму образовались невольничьи рынки—«ауруть-базаръ».

Болѣе извѣстные изъ нихъ были въ городахъ: «Гезлевъ» (Евпаторіи) и «Кефе» (Ѳеодосіи).

Пригнавъ на эти рынки истомленныхъ, босоногихъ христіанъ, связанныхъ крѣпкими ремнями,—татары прежде всего отбирали изъ нихъ «лучшій товаръ» для хана, беевъ и прочихъ состоятельныхъ лицъ. Къ нимъ плѣнные поступали рабами: обрабатывали поля и сады, пасли скотъ и овецъ, получая за трудъ самую скверную пищу (напр., мясо палыхъ животныхъ) и лишь необходимѣйшую одежду изъ награбленныхъ-же вещей. Во время работъ, кандалы и плети были неразлучными ихъ спутниками. Тѣхъ-же, для которыхъ не доставало цѣпей («кайданъ»),—во избѣжаніе побѣга, на ночь запирали въ темныя клѣтки; чаще всего подвергали такой пыткѣ: имъ подрѣзывали подошвы ногъ и засыпали раны рубленнымъ конскимъ волосомъ, или-же вырѣзывали часть голени, въ которую вставляли тонкую палочку.*) Тѣ изъ невольницъ, которыя отличались красотой и молодостью, а также миловидные мальчики разбирались «Кизляръ-агами» (начальниками гаремовъ), для помѣщенія въ гаремы беевъ и мурзъ.

Массы другихъ невольниковъ продавались, вмѣстѣ съ излишнимъ скотомъ, барышникамъ—европейскимъ купцамъ, туркамъ и жидамъ. Болѣе мускулистыхъ и крѣпкихъ здоровьемъ продавали, скованными за шею, на тяжелыя земляныя работы, или же на галеры, своего рода каторгу.

*) Этотъ способъ удерживанія отъ побѣговъ практиковался, въ недавнее еще время, и кавказскими горцами надъ русскими военноплѣнными.

Когда ихъ пригоняли изъ Украйны въ Гезлевъ,— главный невольничій рынокъ береговъ Чернаго моря,—тогда этотъ городъ особенно оживлялся. Изъ Малой Азіи, Египта, Италіи, Франціи, особенно изъ Константинополя, къ этому времени стекались торгаши на живой товаръ, а Евпаторійскія власти, ханскіе янычары и приближенные къ хану мурзы потирали руки, ожидая хорошей наживы.

Вотъ насталъ давно ожидаемый базаръ! На Евпаторійской торговой площади («Майданъ»), за крѣпостными стѣнами и башнями, остатки которыхъ сохранились и до сего времени,—уже размѣстили группами живой товаръ. Здѣсь собраны люди обоихъ половъ и всякихъ возрастовъ,—всѣ въ рубищахъ. Купцы разныхъ націй тотчасъ ихъ обступаютъ и безцеремонно осматриваютъ; раздѣваютъ, при помощи продавцевъ, пересматриваютъ и выбираютъ: торгуются, снова тормошатъ товаръ, наконецъ покупаютъ. Въ отдаленіи сидятъ группы невольницъ подъ навѣсами; это «отборный товаръ», доступный только для богатыхъ. При нихъ уже находится «джеллабъ» (купецъ) съ неизмѣнной трубкой. Тѣло и волосы красавицъ уже смазаны масломъ, щеки ихъ нарумянены, брови подкрашены; онѣ уже одѣты и накормлены. Эти несчастныя обязаны, по одному мановенію своего торгаша, а иногда и подъ его ударами, вставать и открываться предъ каждымъ покупателемъ. Въ глазахъ ихъ выражается— то жадное нетерпѣніе скорѣе узнать рѣшеніе своей участи, то отчаяніе быть разлученной съ дѣтьми....

Со всѣхъ сторонъ страшный шумъ, гулъ отъ раз-

ноплеменныхъ нарѣчій... дикій крикъ, а вслѣдъ за нимъ свистъ плетей и стонъ несчастныхъ... звяканье цѣпей, скрипъ арбъ, ревъ голоднаго скота, голосъ декламирующихъ дервишей... дѣтскій визгъ и отчаянный вопль матерей...

Это была оригинальная ярмарка въ восточномъ вкусѣ. Всѣ узкія улицы, окаймленныя каменными зданіями и украшенныя множествомъ минаретовъ, и всѣ перекрестки города завалены народомъ. Пестрота костюмовъ необыкновенная: тутъ толпились генуэзцы и негры, армяне и турки, греки и караимы,—въ особенности барышники-евреи. Между ними толкались нагіе нищіе, вертѣлись фигляры, шныряли цыгане... Сидѣлъ въ сторонѣ слѣпой сказочникъ, окруженный слушателями, и сопровождалъ разсказъ свой припѣвами, при звукахъ «теорбы»...

Все здѣсь сливалось: богатство и нищета, радость и горе; наглыя, дородныя лица купцовъ и приниженныя фигуры невольниковъ, съ исполосанными голыми спинами... Оглушительный кипучій муравейникъ, производившій тяжелое впечатлѣніе!

Изъ невольничьихъ рынковъ плѣнныхъ развозили на корабляхъ и галерахъ въ Турцію, Египетъ, Италію и другія страны.

Въ XV и XVI ст. въ Константинополѣ почти вся прислуга состояла изъ русскихъ, да польскихъ плѣнныхъ. Если-же крымскіе татары неудачно возвращались съ набѣговъ на Украйну, или же бывали сами опустошаемы лихими Запорожцами,—въ Стамбулѣ не находили рабынь-кормилицъ, рабынь нянекъ.

Христіанъ-невольниковъ на галерахъ держали вѣчно прикованными къ «опачинамъ», на которыхъ они гребли до изнеможенія. Это были не люди, а жалкія существа, почти нагія, обросшія волосами; желѣзныя цѣпи въѣдались въ ихъ тѣло. Между ними прохаживались особые надзиратели. Если послѣдніе замѣчали, что кто либо изъ болѣе слабыхъ подростковъ изнемогалъ отъ непосильной работы, или взрослый—отъ чрезмѣрной усталости, они безпощадно стегали ихъ по голымъ плечамъ. И когда хлыстъ впивался въ тѣло, несчастные не смѣли даже отнять рукъ отъ своихъ веселъ; только извивались всѣмъ корпусомъ, да бросали жалобные, безнадежные взоры, возносятъ ихъ къ небу...

Присоединеніе Крыма положило конецъ позорной торговлѣ христіанами.

Въ Евпаторіи былъ только невольничій базаръ, куда и приходили суда только за плѣнными. Торговля же вообще съ иностранными портами велась гезлевскими татарами и степной частью Крыма черезъ Акмечетскую бухту, возлѣ которой съ давнихъ временъ существовалъ городокъ Россъ,—на томъ именно мѣстѣ, гдѣ теперь мѣстечко Шеихъ-ларъ. Оттуда вывозили, преимущественно въ Турцію, войлоки, шерсть сало и овецъ – въ обмѣнъ на привозившіеся мануфактурные товары, одежду, оружіе, лошади.

Крымскимъ татарамъ до того была выгодна торговля невольниками, что, когда въ концѣ XV ст. князь Литовскій (впослѣдствіи король Польскій) Александръ, будучи побѣжденъ *Менгли-Гиреемъ,* предлагалъ послѣд-

нему 13.500 червонцевъ за своихъ плѣнныхъ,—ханъ, считая такой выкупъ ничтожнымъ, отвергъ его.

Это тотъ самый ханъ Менгли-Гирей, который разгромилъ Польшу, опустошилъ Кіевъ, гдѣ сжегъ Печерскій монастырь; обратилъ въ пепелъ множество русскихъ селъ и разорилъ гор. Черниговъ. Менгли-Гирей,—сынъ Хаджи-Гирея, родоначальника крымскихъ Гиреевъ, — замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что, вступивъ въ союзъ съ Московскимъ великимъ княземъ Іоанномъ III, окончательно истребилъ въ 1480 г. враждебную себѣ Астраханскую „Золотую Орду",—столь долго опустошавшую и унижавшую Россію. Онъ взялъ въ плѣнъ самого хана Золотой Орды Муртазу, но самъ едва не былъ плѣненъ другимъ ханомъ той орды Сеитъ-Ахмедомъ, во время преслѣдованія.

Татары вторгались въ Украйну обыкновенно зимою, чтобы избѣжать путевыхъ препятствій другаго времени года: разлива рѣкъ, болотъ, степныхъ пожаровъ и проч. Старались возращаться всегда до наступленія весны. Въ набѣгахъбрали съ собой, кромѣ вебрлюдовъ (для тяжестей), по три лошади на каждаго: одну подъ сѣдло, двѣ вьючныхъ. Въ вьюкахъ сперва везлась ихъ пища, состоявшая изъ просянаго хлѣба, пшена, «арпачикъ» (лука), «пениръ» (овечьяго сыра), соли; а потомъ, на обратномъ пути,—награбленныя вещи и отстававшіе плѣнные. Бси на лошадей своихъ надѣвали металлическую броню. Одежда татарскихъ всадниковъ состояла изъ куртки, шароваръ съ поясомъ, бараньей шапки и башмаковъ; а вооруженіе—изъ сабли, лука со стрѣлами, ятагана и

ножа. Кромѣ того, они всегда брали съ собой крѣпкіе арканы, для поимки и перевязки плѣнныхъ. Въ XVIII ст. они вооружались также винтовками и пистолетами. Беи-же надѣвали шлемы и панцыри (кальчуги). При начальникахъ отрядовъ находились особыя, разноцвѣтныя знамена. Тутъ же слѣдовали и «кады-эскеры» (татарскіе судьи),—для поджиганія фанатизма своихъ единовѣрцевъ противъ гяуровъ.

Конница татаръ въ степи представляла ужасающее зрѣлище! Никакого построенія они не придерживались; однако, безусловно подчинялись своимъ властямъ и въ бою берегли другъ друга.

Выходя изъ Крыма густыми массами, расползавшимися на нѣсколько верстъ въ сторону,—этотъ «кошъ» (татарское войско), по мѣрѣ приближенія къ чужимъ владѣніямъ, стягивался, выдвигалъ впередъ ногайцевъ, и двигался между лощинъ, вдоль балокъ, стараясь по возможности укрыться отъ непріятеля. Степныя дороги эти назывались «шлягами». Татары особенно остерегались казаковъ, которые, въ ожиданіи внезапнаго ихъ нападенія, круглый годъ не разставались съ оружіемъ, даже во время полевыхъ работъ. Иногда казаки узнавали о ихъ приближеніи по «сакма» (свѣжему слѣду). Однако, татары ухитрялись и своими слѣдами скрыть дѣйствительныя свои силы. Они это дѣлали такъ: разсыпали свою конницу въ разныя стороны, дробя ее на множество кучекъ,—до десяти даже человѣкъ,—причемъ всѣ они держались извѣстнаго центра и направленія.

Какъ только показывались въ степяхъ татары,

въ тотъ же день по всей Украинской передовой линіи выбрасывались сигнальные огни и, вслѣдъ затѣмъ, въ селахъ раздавался звонъ набата, на который все казачество быстро собиралось и готовилось къ отбою. Огни эти выбрасывались на сотни и тысячи верстъ. Это были своего рода оптическіе телеграфы. Они устраивались изъ простыхъ шестовъ или «фигуръ», разставлявшихся на разныхъ степныхъ возвышенностяхъ и курганахъ, которые оберегались особой стражею подъ названіемъ «варта». Случалось, что какой нибудь казакъ, гоняясь въ степи за зайцемъ, вдругъ налеталъ на кучку татаръ, или просто замѣчалъ ихъ «сакма»,—какъ тотчасъ же давалъ знать ближайшей вартѣ, гдѣ немедленно зажигался обвитый соломой или сухой травою шестъ,—и поднималась тревога по всей линіи.

Предъ самымъ нападеніемъ татары придерживались такой тактики: раздѣляли свои силы,—иногда до ста тысячъ человѣкъ и болѣе,—на три части, изъ коихъ двѣ трети составляли главный корпусъ, а одну треть дѣлили еще на два отряда, изображавшіе правое и лѣвое крыло. Войдя въ такомъ составѣ въ глубь земли непріятельской, оба крыла отдѣлялись, неслись въ стороны, стараясь образовать полукругъ,—и производили грабежъ. Когда они возвращались, отдѣлялась другая треть конницы; а по прибытіи послѣдней, пускалась остальная треть. Такимъ образомъ, главныя силы корпуса оставались сомкнуты и каждый всадникъ въ частности пользовался извѣстною добычей.

Татарскіе всадники отличались ловкостью, а ло-

шади ихъ быстротой и выносливостью. Когда случалось имъ, во время преслѣдованія, бросаться въ Днѣпръ,—лошади не только выносили всадниковъ вплавь, но перетягивали за собой и вьюки. Въ такихъ случаяхъ вещи укрѣплялись къ камышевымъ плетенкамъ, а плетенки привязывались къ хвосту.

Когда взятый изъ Крыма провіантъ выходилъ, татары питались только кониной и водою; беи лакомились верблюжьимъ мясомъ и бузою. (Предки же ихъ не брезгали лисичьимъ, волчьимъ или собачьимъ мясомъ, и даже человѣчьимъ). Своихъ раненыхъ они особенно берегли. Не только раненыхъ, даже убитыхъ; если удавалось, они съ собой увозили трупы, а потомъ, на привалѣ, ихъ сжигали. Если было возможно, обмѣнивали плѣнныхъ, лишь бы своихъ выручить.

Крымскіе татары были на столько воинственны, что въ XVI ст. подъ предводительствомъ хана *Махметъ-Гирея (Меметъ-Гирея),* сына Менгли-Гирея, поднявъ всѣхъ Ногайцевъ, взбунтовали татаръ Казанской орды и назначили надъ ними царемъ ханскаго брата Сагибъ-Гирея; потомъ соединились съ казаками и двинулись къ предѣламъ Московскаго царства. Отъ Воронежа и Нижняго Новгорода до береговъ Москвырѣки эти союзники сожгли всѣ селенія, города и взяли въ рабство десятки тысячъ русскихъ, въ томъ числѣ множество знатныхъ особъ женскаго пола, причемъ младенцевъ безжалостно умерщвляли на глазахъ матерей. Сама Москва едва откупилась богатыми дарами и обязалась платить Гиреямъ ежегодную дань. Москва не избѣгла татарскихъ насилій: они грабили

и оскверняли храмы безчестили православныхъ женъ и дочерей. До сихъ поръ въ Москвѣ существуетъ названіе одной части города «Арбатъ» (Арбатская часть, Арбатскія ворота), — мѣстность, гдѣ татары имѣли привалъ. Отъ Москвы Меметъ-Гирей двинулся на югъ, но при нападеніи на Астрахань, былъ убитъ ногайскими мурзами.

Въ томъ же XVI вѣкѣ (1572 г.) *Девлетъ-Гирей,* пользуясь смятеніемъ Москвы, вслѣдствіе жестокихъ казней Іоанна IV, ворвался въ столицу, разграбилъ ее, предалъ городъ ужасному огню и увелъ массы плѣнныхъ. Тогда въ одной Москвѣ погибло отъ татаръ до восьми сотъ тысячъ человѣкъ: рѣка наполнилась трупами, городъ обращенъ въ развалины, съ огромными по улицамъ кучами мертвыхъ тѣлъ.

Съ того времени противъ набѣга татаръ въ Малороссіи начали устраивать оборонительныя линіи; строили укрѣпленія вдоль южной границы; по дорогамъ валили большія деревья, копали глубокія канавы, насыпали высокіе земляные валы, на бродахъ въ рѣкахъ вбивали сваи; устраивали всякаго рода засады, зорко слѣдя за появленіемъ хищниковъ.

Въ этомъ столѣтіи татарская знать въ Москвѣ была въ особомъ почетѣ. Самъ царь Борисъ Годуновъ былъ потомкомъ татарскаго мурзы Четы; и потому неудивительно, что въ половинѣ слѣдующаго вѣка самыя видныя мѣста среди боярь занимали крещенные татары.

Въ половинѣ XVII вѣка заслуживаетъ вниманія храбрый Перекопскій князь *Тугай-Бей*, или „Оръ-Бей" *). Онъ, въ союзѣ съ гетманомъ Хмельницкимъ, опустошалъ Польскія владѣнія. За выкупъ одного лишь польскаго вельможи Синявскаго, попавшагося въ числѣ многихъ другихъ въ плѣнъ, онъ потребовалъ и получилъ двадцать тысячъ червонцевъ. А ханъ *Исламъ-Гирей* облагалъ Польшу ежегодной данью въ девяносто тысячъ злотыхъ.

Обратно въ Крымъ татары всегда слѣдовали другимъ путемъ, чтобы не встрѣтиться съ врагомъ.

Нерѣдко и крымскимъ татарамъ доставалось за звѣрскіе набѣги. Такъ, въ концѣ XVI вѣка казаки, пользуясь отсутствіемъ татаръ,—набѣгомъ ихъ въ Молдавію,—внезапно вторгнулись, черезъ Перекопъ, въ Тавриду и произвели въ ней опустошенія. Жестокостямъ не было предѣловъ; они погубили нѣсколько тысячъ татарскихъ женщинъ и дѣтей, совершивъ надъ ними разныя насилія, напримѣръ: дѣтей убивали на глазахъ матерей, вырѣзывали у женщинъ груди, выкалывали глаза..... Тогда же казаки освободили множество христіанъ, томившихся въ неволѣ.

А въ XVII ст., при Мурадъ-Гиреѣ, извѣстно опустошеніе полуострова кошевымъ атаманомъ Сѣрко. Онъ со своими запорожцами разорилъ Крымъ, взялъ въ плѣнъ четыре тысячи татаръ и успѣлъ благопо-

*) *Оръ-Беями* именовались всѣ вообще беи, которые оберегали «Оръ-Копу» (Орскіе, или Перекопскіе ворота).

лучно, съ богатой добычею, возвратиться въ «Сѣчь». Татары страшно были напуганы этимъ набѣгомъ и долго послѣ того не могли опомниться; даже дѣтей стращали именемъ «Сѣрко», называя его «урусъ-шайтанъ» (русскимъ чертомъ).

„Сѣчь“ (засѣка)—укрѣпленное мѣсто холостыхъ казаковъ. Первоначально эти казаки, — выходцы юго-восточныхъ береговъ Азовскаго моря,—жили на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ Алешки (названіе городу дано по имени перваго атамана Алексѣя); но впослѣдствіи, они избрали для своего мѣстопребыванія острова р. Днѣпра, за его порогами,—почему и назывались «запорожцами». Отъ нихъ, при Екатеринѣ II, образовались Черноморскіе казаки. Когда ихъ перевели на Кавказъ, «Сѣчь» съ 200 тысячъ десятинъ заселилась малороссіянами. «Сѣчь» была подарена князю Вяземскому *), а отъ наслѣдниковъ его перешла къ извѣстному милліонеру Штиглицу, разбогатѣвшему на счетъ крымской соли.

Иногда и съ моря запорожцы разоряли татаръ; удалые казаки выплывали изъ р. Днѣпра на вооруженныхъ «чайкахъ» (лодкахъ) въ Черное море. Это море, считавшееся въ древнія времена, до похода аргонавтовъ въ Колхиду, за золотымъ руномъ, негостепріимнымъ, отчего и прозывали его «Аксеносъ,» для запорожцевъ было совершенно доступнымъ; они плавали по немъ свободно и выдерживали на своихъ лодкахъ самыя сильныя бури. Если встрѣчался имъ въ

*) Генералъ-Прокурору при Екатеринѣ II.

открытомъ морѣ корабль, они гнались за нимъ, цѣплялись, взбирались на палубу и открывали рукопашный бой, причемъ команду его бросали въ море. Если замѣчали неуклюжее купеческое судно, приводимое въ движеніе галерой, окружали ихъ, рубили врага и овладѣвали товарами. Только щадили гребцовъ-невольниковъ изъ христіанъ, прикованныхъ на галерѣ.

Присоединяя ихъ къ своему вольному войску, казаки, при содѣйствіи послѣднихъ, ухищрялись безнаказанно проникать въ приморскіе города Чернаго моря и опустошать ихъ,—напр. Синопъ, Варну. Заходили и въ Константинопольскій проливъ (древній Босфоръ-Ѳракійскій), подходили къ самому Стамбулу и открывали по городу перестрѣлку. Между казаками извѣстны были такъ называемые «пугалы». Они умѣли подражать крику разныхъ звѣрей и пѣнію птицъ. Этой способностью, какъ сигналами, казаки часто пользовались, чтобы дать знать «своимъ» о своемъ прибытіи, или чтобы провести врага, т. е. отвлечь его вниманіе, или же уйти отъ него. При кошевомъ атаманѣ Конашевичѣ-Сагайдачномъ (первомъ гетманѣ запорожскомъ), въ 1606 году былъ сожженъ знаменитый городъ Кефе *), куда стекались при генуэзцахъ богатства всего свѣта и гдѣ былъ всемірный невольничій рынокъ. Тамъ рабовъ продавали большими партіями, какъ рабочую силу, переходившую изъ рукъ въ руки, не безъ барыша. Множество такихъ невольниковъ были казаками освобождены и доставлены на родину.

*) У генуэзцевъ—«Кафа».

Послѣ разоренія береговъ крыма, запорожцы обратно возвращались съ большими предосторожностями, потому что всякій разъ, какъ они производили подобный морской походъ, татары сухимъ путемъ выѣзжали въ степи, къ берегамъ р. Днѣпра, и тамъ поджидали ихъ. На какія бы хитрости казаки ни пускались,—они, случалось, принимали образъ татаръ, благодаря одеждѣ запорожцевъ, которая была подобна татарской, они также брили головы, оставляя чубъ (хохолъ), какъ и татары,—но имъ все-таки обратный путь не обходился дешево.

Особенно ихъ подстерегали у турецкой крѣпости «Кизы-Кермень» *) (дѣвичья крѣпость), находившейся на мѣстѣ теперешняго города Берислава. Если отъ пушечной пальбы казачьи «чайки» давали течь, а съ обоихъ береговъ преслѣдовали ихъ татары, то запорожцы, чтобы не быть взятыми въ плѣнъ, бросались въ воду и на водѣ долго держались, продолжая плыть. Казаки ухищрялись прятаться и подъ водою. Это они дѣлали такъ: подплывали близко къ берегу, срывали камышинки и опускались на дно рѣки, держа ихъ во рту такъ, чтобы другой конецъ находился надъ водою, и такимъ образомъ дышали помощью этихъ камышинокъ. Многіе изъ нихъ тонули, но многіе въ состояніи бывали держаться подъ водоюнѣ сколько часовъ сряду, пока не наступала ночь, или же сами татары не отъѣзжали отъ р. Днѣпра. Не спроста говорили, что «казакъ въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ»!

*) Татары ее называли «Кизиль-Кермень» (кизиловая, красная крѣпость).

Но случалось, что они возвращались не этимъ путемъ, а черезъ Азовское море и лиманъ р. Берды; оттуда слѣдовали то рѣчками, то полями, по которымъ и перетаскивали лодки волокомъ, пока не достигали р. Днѣпра

Не смотря на множество препятствій, запорожцы всегда возвращались въ «Сѣчь» съ богатой добычей, хотя и съ большой потерей въ людяхъ.

Когда же татары продолжали ихъ преслѣдовать и запорожцы теряли всѣ средства силою отразить ихъ, тогда рѣшались на отважный, но ужасный подвигъ: они поджигали степи! Въ поджогахъ принимали участіе всѣ наличные казаки, не исключая стариковъ, дѣтей и женщинъ. По всей передовой линіи собиралась солома, сухая трава, хворостъ и весь этотъ горючій матеріалъ раскладывался кучками на разныхъ мѣстахъ. Какъ только поднимался благопріятный вѣтеръ, всѣ кучки, по данному сигнальному огню, одновременно зажигались и пламя неслось по вѣтру—въ степи....

Огненная лава быстро стелется по землѣ и подкашиваетъ всю зелень по пути,—будь то хлѣбное растеніе, сочная трава, кустарникъ или простой бурьянъ..... Пожаръ вдругъ прерывается, то предъ болотистыми мѣстами, то отъ порывистаго вѣтра, но тотчасъ-же, съ большей еще силою, захватываетъ обгорѣлую землю..... Позади оставляется дымящаяся почва, и пересохшія болота. Къ небу несется густой дымъ, предвѣстникъ на десятки верстъ впередъ страшнаго степ-

наго опустошенія,—а внизу стелется по чернозему одинъ лишь пепелъ... Волки, лисицы, дикіе кабаны, будучи преслѣдуемы пламенемъ, бросаются все впередъ и впередъ—на татаръ, и своимъ дикимъ воемъ еще болѣе гонятъ ихъ изнуренныхъ коней.... Но вотъ огненная лава нагоняетъ, наконецъ, отсталыхъ, облизываетъ ихъ и пожираетъ.....

Принятіе татарами магометанской вѣры. Ограниченіе ханской власти предъ Турціей. Общественный и гаремный бытъ хановъ и татаръ въ мирное время. Ихъ бани и кофейни. Ихъ обычаи.

Вскорѣ послѣ нашествія татаръ въ Тавриду, въ томъ же XIII ст., они приняли исламъ. Сперва татары придерживались однихъ лишь обрядовъ магометанскаго вѣроученія, но съ конца XV вѣка болѣе укрѣпились въ этой вѣрѣ; именно съ того времени, когда Крымъ былъ покоренъ турками.

Въ 1475 г., послѣ овладѣнія Кафы турками, ханъ Менгли-Гирей взятъ былъ здѣсь же въ плѣнъ и отвезенъ въ Стамбулъ. Тамъ его принудили дать Магомету II клятву за себя и за своихъ преемниковъ быть вассалами Турціи; онъ призналъ за султаномъ право утверждать и смѣщать крымскихъ хановъ. Ограничивъ свою власть, Менгли-Гирей обязался также давать, по требованію султана, вспомогательное войско изъ своихъ татаръ, за что султанъ обѣщалъ высылать на содержаніе ихъ червонцы. Тогда Менгли-Гирея нарядили въ почетный кафтанъ, препоясали саблей, возложили на него чалму и накинули соболью шубу

(знаки дарованія власти), и отпустили обратно. По прибытіи его въ Гезлевъ, онъ былъ встрѣченъ народомъ весьма не радушно, потому что допустилъ надъ Гиреями господство турецкихъ султановъ (1478).

Съ того именно времени изъ Турціи стали присылать въ Крымъ войска съ ихъ пашами. Эти войска обыкновенно стояли въ Перекопѣ, Евпаторіи и Ѳеодосіи. Въ послѣднемъ городѣ проявлялась главная дѣятельность турокъ.

По вступленіи татаръ въ предѣлы Крыма, послѣ набѣга, со всѣхъ сторонъ, по пути слѣдованія, ихъ встрѣчали муллы и старики остававшіеся для охраненія жилищъ (состоявшихъ изъ шатровъ) *), семействъ и скота. Лишь только вступали въ свои улусы, тотчасъ развьючивали коней, верблюдовъ и пускали ихъ на вольную, сочную пашу, а ограбленное дѣлили между собой, если не успѣвали того сдѣлать въ походѣ. Много полотенъ, разныхъ матерій, домашней утвари доставалось на долю ихъ женщинъ и дѣтей. Захваченныя у непріятеля земледѣльческія орудія употреблялись на обработку полей и садовъ, а для работъ брали тѣхъ плѣнныхъ, которые оставались не проданными. Впрочемъ, земледѣліемъ татары мало занимались.

Хана, какъ предводителя отважнаго крымскаго войска, народъ встрѣчалъ съ особымъ торжествомъ, криками «уръ»! (бей, т. е. бей тревогу) **), въ сопровожденіи отборныхъ ногайцевъ и янычаръ (ханскаго

*) Татары начали строиться только съ XVI вѣка; дома строили изъ бутоваго камня или плетня, покрывая землею или черепицей.

**) Отъ татаръ, вѣроятно, позаимствовано и наше «ура».

конвоя), а также «зурны» (азіатской музыки). Когда Гирей приближался къ гор. Бахчисараю, своей резиденціи, тутъ выступало на встрѣчу все высшее татарское духовенство, съ ихъ главою «муфтіемъ», и самые знатные мурзы въ богатыхъ кафтанахъ. Предъ главными дворцовыми воротами, обитыми желѣзомъ, ханъ слѣзалъ съ лошади, украшенной золотою сбруей. «Муэзынъ» (мазинъ,—мечетеслужитель), призывавшій предъ тѣмъ магометанъ на молитву, сходилъ съ минарета *),—высокой, тонкой башни. Муфтій съ муллами, придворный ханскій штатъ и народъ спѣшили занять мѣста въ ханской дворцовой мечети, украшенной коврами, разноцвѣтными стеклами оконъ съ молитвами на нихъ, а также высокой каѳедрой, люстрой звѣздообразной и обширными хорами. Повѣлитель правовѣрныхъ, войдя во дворецъ и сдѣлавъ омовеніе, всходилъ на свою «маафиль» (хоры), сохранившуюся до сего времени. Съ его появленіемъ—начиналось вознесеніе молитвъ Аллаху и пророку его Магомету за удачный исходъ набѣга.

Ханы и вообще татары отличались благочестіемъ въ мечетяхъ. По ихъ религіи,—всякій, какъ только вступаетъ въ мечеть, долженъ отказаться отъ всѣхъ мірскихъ помышленій; въ мечети обязанъ держать себя скромно, не оглядываться и ни съ кѣмъ не заговаривать: онъ долженъ всей душею предаться молитвѣ и помнить, что находится въ присутствіи самаго Творца. Во время богослуженія, татары становятся рядами, лицомъ къ святилищу (въ нишѣ), освѣщен-

---

*) Правильнѣе,—«минаре», арабское слово.

номъ толстыми цвѣтными свѣчами, на мѣдныхъ подсвѣчникахъ; старшій мулла произноситъ молитвы, то сидя на колѣняхъ, то стоя, то вдругъ бросаясь ницъ,—и всѣ татары за нимъ дѣлаютъ тоже, молча и механически.

Послѣ молитвы («намазъ») ханъ, въ сопровожденіи ближайшихъ сподвижниковъ и улемовъ, направлялся въ пріемный залъ, украшенный коврами и мягкими диванами. Тамъ подавали кофе и кальяны, вели разговоры объ успѣхахъ послѣдняго набѣга, причемъ подобострастно восхваляли Гирея, произнося: «Твоя слава да будетъ вѣчна!» Вспоминали и подвиги прежнихъ хановъ, призывая на имя каждаго изъ нихъ благословеніе Аллаха. Наконецъ, по мановенію хана, всѣ расходились.

Въ подобные и другіе торжественные случаи было въ обычаѣ приводить хану въ подарокъ красавицъ «одалыкъ» (любовницъ), которыхъ всякій изъ нихъ охотно принималъ въ свой «сарай» (у турокъ—сераль), т. е. во дворецъ. За такое заботливое къ нему вниманіе, владѣтель Крыма дарилъ своимъ вельможамъ золото, земли, или же выдавалъ своихъ дочерей за ихъ сыновей, и такимъ образомъ, болѣе приближалъ ихъ къ своей особѣ.

Одалыкъ въ «гаремъ» (женское отдѣленіе) *) привозили съ Кавказскихъ береговъ моремъ; высаживали ихъ обыкновенно въ безопасной бухтѣ у Гурзуфа **) или у подножія «Аю-дагъ» (Медвѣдь-горы). Черкеше-

*) *Сарай, гаремъ*—названія монгольскія.
**) Древняя «Гургувита»; — здѣсь была крѣпость, построенная импер. Юстиніаномъ.

нокъ и грузинокъ покупали на родинѣ у ихъ-же отцовъ и братьевъ, или же просто похищали. За невольницъ, которыя отличались стройностью, правильными чертами лица, нѣжнымъ тѣломъ и бѣлизной кожи, особенно, если онѣ, сверхъ того, владѣли черными страстными глазами, длинными рѣсницами и шелковистыми волосами, ханы и беи не щадили золота. Платили также дорого и въ тѣхъ случаяхъ, когда, при неуспѣшныхъ набѣгахъ на Украйну, ощущался въ нихъ недостатокъ.

Черкешенки нисколько не горевали, когда ихъ продавали въ неволю; онѣ очень хорошо сознавали, что эта неволя будетъ усладительна, что ихъ ожидаетъ не тюрьма и цѣпи, а жилище роскоши, нѣги..., Даже во время погрузки сего товара на суда и въ пути торгаши-евреи всегда обращались съ ними осмотрительно и вотъ почему: вѣдь цѣна на одалискъ зависѣла отъ степени ихъ красоты и здоровья. Поэтому понятно, почему корыстолюбивые барышники принимали всѣ мѣры, чтобы онѣ не подурнѣли и не заболѣли. Ихъ содержали все время въ чистыхъ каютахъ, одѣвали въ хорошія матеріи, кормили свѣжей пищею, исполняли даже всѣ ихъ прихоти.

Когда партія этихъ невольницъ прибывала къ берегу Крыма, тотчасъ высылался изъ Бахчисарая «Акъ-меджи-бей» (начальникъ гарема), для выбора молодыхъ красавицъ въ ханскій гаремъ. Въ тоже время и *Калга-султанъ* изъ «Акъ-мечеть» (Симферополя) *) от-

*) *Калга-султанъ*—наслѣдникъ ханскаго престола. Онъ имѣлъ свой сарай (дворецъ) въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь предмѣстье Петровское,—возлѣ фонтана у подножія дикихъ скалъ, имѣющихъ видъ крѣпостныхъ

правлялъ своего гаремнаго смотрителя за этимъ товаромъ. Остальныхъ же разбирали мурзы,—каждый по своимъ средствамъ.

И вотъ тянулась по горамъ длинная вереница двухъ-колесныхъ арбъ, запряженныхъ буйволами и не менѣе сильными горными волами. Отобранныя красавицы, сидя въ этихъ экипажахъ и поминутно переваливаясь съ боку на бокъ—отъ глубокихъ ухабовъ или крутыхъ скалистыхъ выступовъ, должны были молчать и не смѣли жаловаться на неудобства такого путешествія; онѣ даже не роптали на тѣсноту, на отсутствіе свѣжаго воздуха въ ихъ одноколкахъ, въ которыхъ ихъ почти герметически закрывали отъ соблазна любопытныхъ. Послѣ столь мучительной дороги, доставляли ихъ наконецъ, подъ охраною вѣрныхъ всадниковъ, къ мѣсту назначенія. По сильной скрипучести этихъ арбъ, будущій владѣлецъ одалисокъ издали уже слышалъ ихъ приближеніе и приготовлялся къ ихъ пріему.

Въ гаремахъ онѣ содержались подъ присмотромъ старыхъ надзирательницъ; прислуживали имъ невольницы и евнухи. Здѣсь имъ давали воспитаніе по обычаямъ вѣка и научали рукодѣлью, танцамъ, игрѣ на бубнахъ, гитарѣ,—даже чтенію и письму. Болѣе любимыя получали такія названія: «упоительница», «молодая роза», «украшеніе сердца», «отрада жизни» и проч. Та изъ ханскихъ любовницъ, которая рожала младенца, получала названіе «кадыни», а дѣти имено-

---

стѣнъ; на этихъ скалахъ стоялъ укрѣпленный городъ Тавро-скиѳовъ «Неаполисъ».

вались «султанами» и «султаншами». Подроставшихъ сыновей своихъ ханы отправляли въ Стамбулъ или Адріанополь для обученія, или же обыкновенно удаляли отъ себя на Кавказъ; а дочерей, достигшихъ совершеннолѣтія, нерѣдко 13 лѣтъ, выдавали замужъ за беевъ или заслуженныхъ мурзъ, вмѣстѣ съ приданнымъ, состоявшимъ изъ постелей, туалетныхъ и другихъ домашнихъ вещей.

Тѣ-же одалиски, которыя не бывали матерями, или же начинали терять свои прелести, отдавались въ гаремы ханскихъ чиновниковъ. Принимая ихъ изъ ханскаго дворца, капухалки униженно говорили хану: «Твое такое благоволеніе доставить намъ въ этомъ свѣтѣ увеселеніе въ высочайшей степени; молимъ Аллаха о вѣчности твоей жазни!» Однако, многіе изъ нихъ уклонялись, на сколько было возможно, отъ этой чести, такъ какъ случалось, что эти женщины вскорѣ забирали въ руки своихъ мужей. Другихъ наложницъ, безъ всякой церемоніи, отвозили въ мажарахъ на невольничьи рынки и продавали джеллабамъ. Такимъ образомъ, очищались мѣста для другихъ красавицъ. Ханскій же гаремъ долженъ былъ возобновляться и освѣжаться, какъ цвѣтникъ весною.

Такъ какъ выходъ изъ сераля, обнесеннаго высокими стѣнами, этимъ затворницамъ запрещался, то онѣ находили въ немъ разныя развлеченія: наряжаясь въ шелковыя пестрыя матеріи, атласъ и бархатъ, и украшая себя золотыми уборами, онѣ выходили прогуливаться по ханскимъ садамъ, защищеннымъ отъ палящихъ солнечныхъ лучей величественными топо-

лями; дышали ароматомъ душистыхъ цвѣтниковъ изъ розъ и лилій; рѣзвились на зеленыхъ полянкахъ; садились въ тѣнь кипарисовъ, каштановъ или въ виноградныя бесѣдки и, подъ шумъ фонтановъ, пересказывали арабскія фантастическія сказки; или же плескались въ мраморномъ бассейнѣ, наполненномъ прозрачною свѣжей водою.... А повелитель ихъ, тѣмъ временемъ, находясь въ особой стеклянной комнатѣ, освѣжавшейся фонтаномъ этой воды, незамѣтно слѣдилъ за ихъ шалостями и восхищался ихъ красотою....

Межъ тѣмъ, въ дыму кальяна,
На бархатѣ дивана
Небрежно ханъ лежитъ.
И вдругъ, въ порывѣ счастья,
Къ предмету сладострастья
Платокъ его летитъ.... *).

Въ дни рожденій ханскихъ дѣтей мать-кадыню одѣвали въ дорогой нарядъ, убирая ея туалетъ золотомъ и алмазами. Въ такіе дни всѣ почетныя женщины приносили ей поздравленія, усаживаясь на длинные диваны—вдоль стѣнъ просторныхъ и свѣтлыхъ комнатъ гарема. Виновницу праздника сажали на подушки, покрытыя шелковой тканью, а одалиски предъ нею на богатыхъ персидскихъ коврахъ плясали и пѣли, импровизируя разныя невинныя сцены....

Иногда онѣ выходили на гаремную башню, закрытую со всѣхъ сторонъ густымъ деревяннымъ переплетомъ; **) съ вершины ея смотрѣли на городское дви-

*) Бросить къ одалыкѣ платокъ—сдѣлать вызовъ.

**) Эта башня называлась «соколиной», потому что въ ней подъ платформой содержались ханскіе соколы.

женіе, а по вечерамъ оттуда слушали пѣвцовъ или же любовались разными представленіями акробатовъ и фокусниковъ, нарочно выписывавшихся ханами для увеселеній

Представленія эти давались обыкновенно въ большомъ дворѣ ханскаго дворца, куда впускалась и публика. Нѣкоторые ханы держали «альмè» (пѣвицъ) и «гавазè» (танцовщицъ)—для услажденія кейфа. Эти арфянки совершали столь соблазнительныя пляски, при напѣвахъ и музыкѣ, что доводили нѣкоторыхъ правовѣрныхъ до изступленія,—и тѣмъ вымогали у нихъ цѣнные подарки.

Такимъ образомъ, ханскія дамы вовсе не находились въ положеніи рабынь. Однако, часто въ гаремѣ красавицы предавались сплетнямъ и ссорамъ между собой, такъ что ханамъ стоило не мало хлопотъ унимать ихъ.

Жизнь гаремныхъ особъ у нѣкоторыхъ беевъ и мурзъ была свободнѣе; онѣ могли выходить изъ гарема подъ «чадрой» (покрываломъ), посѣщать базары, лавки и принимать даже гостей,—однѣхъ женщинъ. Но это не мѣшало симъ послѣднимъ увлекать мурзачекъ,—послѣдствіемъ чего онѣ иногда уличались въ измѣнѣ, и тогда расправа съ ними была коротка: сабля или мѣшокъ быстро прекращали ихъ существованіе.

Въ гаремахъ держали прислугу изъ русскихъ плѣнницъ или такихъ невольницъ, которыя покупались на берегахъ Кавказа. Эти женщины занимались

пряжей и помогали своимъ госпожамъ въ шитьѣ бѣлья, вышиваньѣ шелками и золотомъ.

Татары, будучи ревнивы, во избѣжаніе грѣха со стороны ихъ возлюбленныхъ съ христіанскими рабами, нерѣдко обращали послѣднихъ въ вѣчныхъ холостяковъ. Но случалось, что нѣкоторые изъ рабочихъ-невольниковъ, потерявъ всякую надежду на свое освобожденіе, принимали исламъ и роднились съ татарами.

Простые татары, большей частью, довольствовались одной женою; а если имѣли наложницъ, то дѣти ихъ считались законными. При совершеніи брачнаго договора («кебинъ»), непремѣннымъ условіемъ мужу поставлялось выдавать женѣ небольшія деньги на баню, для обряда омовенія («абдестъ»). Это условіе считалось на столько важнымъ, что жена имѣла право, черезъ кадія, потребовать отъ мужа эти деньги, а въ случаѣ отказа, даже просить развода *). Пользуясь этимъ обычаемъ, татарки, въ нарядахъ и съ угощеніемъ, по два и по три раза въ недѣлю собирались въ «гаммамъ» (общественныя бани), гдѣ онѣ развлекались, чѣмъ только могли; тутъ онѣ и сплетничали, и совершали разныя сдѣлки, интриговали и проч. Бани у нихъ составляли родъ общественнаго собранія, какъ кофейни у ихъ мужей. На базарахъ онѣ не могли бы такъ наговориться и пользоваться такой свободой, какъ въ баняхъ.

Бани строились на подобіе турецкихъ. Онѣ раздѣлялись на три помѣщенія: въ самомъ тепломъ, подъ

*) При разводѣ, мужъ долженъ выдать ей извѣстную сумму денегъ, согласно брачному договору, и все ея приданное.

сводомъ съ открытыми отдушниками, посѣтительницы, на каменномъ полу, мылись въ туфляхъ, у фонтановъ съ горячей и холодной водою; затѣмъ онѣ переходили въ среднее, гдѣ имъ подавали бѣлье; оттуда онѣ выходили наконецъ, въ предбанникъ, всегда отличавшійся изящной обстановкою. Тутъ воздухъ освѣжался фонтаномъ, а вдоль стѣнъ стояли широкіе диваны съ подушками, на которыхъ татарки отдыхали въ полусонномъ состояніи. Многія изъ нихъ любили отдавать тѣло свое во время мытья въ распоряженіе ловкой баньщицы.—Мужскія бани ничѣмъ не отличались отъ женскихъ. Но доступъ въ женское отдѣленіе мужчинамъ воспрещался подъ страхомъ жестокаго наказанія.

Кофейни-же посѣщались только мужчинами. Онѣ составляли родъ ресторановъ. Нѣкоторыя изъ кофеенъ носили названіе «ханъ» (гостинницъ), потомучто при нихъ имѣлись обширные дворы для пріѣзжихъ и особыя помѣщенія для ночлега. Нѣкогда такіе «ханы» назывались «караванъ-сараями»; тогда въ нихъ останавливались караваны съ товарами, привозившимися въ Тавриду сухимъ путемъ изъ Индіи и другихъ отдаленныхъ странъ. Правовѣрные собирались въ кофейни, какъ въ клубы; тутъ они рѣшали торговыя сдѣлки, передавали новости, обсуждали разныя дѣла; сидя, поджавши ноги, на диванахъ, играли они въ шашки, курили трубки или кальяны, запивая густымъ кофе. Не вставая съ мѣста, слушали пѣвцовъ-дервишей или музыкантовъ; или же сказочниковъ, иногда весьма увлекавшихъ слушателей, благодаря своей находчивости и мимикѣ,—особенно, когда они разсказывали о продѣлкахъ

жидовъ. Тѣмъ которые любили здѣсь засиживаться, готовился на ихъ же глазахъ обѣдъ на жаровнѣ, въ родѣ «кебабъ»; обѣдъ подавался на большихъ мѣдныхъ подносахъ и ставился предъ ними на столикахъ, вродѣ табуретокъ. Ѣли всегда пальцами, запивая водой, которую черпали изъ фонтана, находившагося нерѣдко въ самой кофейнѣ. Тѣ же, которые отличались особенной неподвижностью, часто оставались въ этихъ кофейняхъ на ночлегъ, для чего служили широкіе и мягкіе диваны.

Ханы и вообще татары бывали гостепріимны. Во время «байрамъ» (праздника) или же семейныхъ веселыхъ событій, напр. свадьбы, у хановъ и знатныхъ мурзъ гостямъ подавали обѣдъ, состоявшій изъ разныхъ блюдъ, состряпанныхъ изъ говядины, дичи или баранины; подносился десертъ: «хальва», «рахатъ-локумъ» (утѣха горла), кизиль, «узюмъ», которые запивались «шербетомъ» (отваромъ сушенныхъ плодовъ), или „яуршемъ“ (квашеннымъ молокомъ) *); подносился также «махалаби» (кисель изъ сарачинскаго пшена, который разрѣзался и обливался розовыми духами). У бѣдныхъ же татаръ употреблялась обыкновенно свѣжая баранина, «какачь» (провяленная баранина), или же домашняя птица, пирожки, жаренные на овечьемъ салѣ, и яйца; а запивали они пищу, кромѣ воды, бузой («буза»—изъ просяной муки) или «каймакомъ» (изъ овечьяго молока); въ лѣтніе дни утоляли жажду кумысомъ.

*) Самый древній напитокъ.

На свадьбу непремѣнно приглашали на нѣсколько дней музыкантовъ-цыганъ, игравшихъ мотивы національныхъ пѣсенъ на дудкахъ, съ акомпаниментомъ бубенъ и барабана *). Этотъ оркестръ составлялъ „зурну“,—своеобразную, пронзительно-дикую музыку, невиносимую для европейскаго слуха. Подъ эту музыку татары плясали, выражая разными тѣлодвиженіями свои чувства. Какъ только показывался на скрипучихъ мажарахъ длинный поѣздъ съ невѣстою, когда ее везли къ жениху въ сопровожденіи женщинъ и всадниковъ,—тотчасъ верховые переѣзжали поѣзду дорогу, чтобы получить отъ жениха какой нибудь «бакшишъ» (подарокъ). Родные молодыхъ и вообще приглашенные на свадьбу дарили невѣстѣ шерстяныя, бумажныя матеріи и туалетныя украшенія. Свадьба совершалась, дбыкновенно, на счетъ жениха, который дѣлалъ поoарки и родителямъ невѣсты. Свадьба заканчивалась скачками. На скачкахъ молодежъ «джигитовала», т. е. упражнялась въ стрѣльбѣ и сабельной рубкѣ на всемъ карьерѣ. Хорошіе наѣздники выигрывали призы: верблюда, лошадь, разныя ткани. Этими упражненіями они занимались съ малыхъ лѣтъ—и тѣмъ развивали въ себѣ ловкость, которая проявлялась такъ сильно во время набѣговъ.

Съ наступленіемъ поста («рамазанъ»), о чемъ татары оповѣщались посредствомъ пушечныхъ выстрѣ-

*) Бубенъ и видоизмѣненіе его барабанъ занесены сюда монголами изъ Азіи, гдѣ впервые зародилась эта музыка; бубенъ—первобытный инструментъ, онъ считался даже священнымъ, такъ какъ на немъ изображались священные предметы (звѣзды, солнце, разныя земныя твари).

ловъ, всѣ правовѣрные принимались усердно молиться; по цѣлымъ днямъ они ничего не ѣли, даже не пили воды, не взирая на жаркое время. Не держали они «уразы» (поста) лишь тогда, когда онъ приходился во время набѣговъ. Но по ночамъ они не щадили своего желудка и нисколько не уклонялись отъ развлеченій въ кофейняхъ, гдѣ слушали разное пѣніе и смотрѣли на соблазнительныхъ танцовщицъ. «Рамазанъ» продолжался тридцать дней; молились въ день по пяти разъ, въ мечетяхъ ставили цвѣтныя восковыя свѣчи, раздавали милостыню, особенно на двадцать седьмую ночь, которая считалась священной. Въ эту ночь, по преданію, всѣ неодушевленные предметы славятъ Бога всѣ морскія воды ослащаются, и всякая молитва въ эти таинственные часы равняется молитвамъ цѣлаго года. «Рамазанъ»—названіе девятаго арабскаго мѣсяца, и считается священнымъ по тому, что въ теченіи этого мѣсяца, по словамъ Магомета, къ нему сошелъ съ небесъ коранъ, во время бесѣды съ архангеломъ Гавріиломъ, въ пещерѣ горы Хора, близъ Мекки. Постъ оканчивался съ появленіемъ новой луны.

Во время «Курбанъ-байрама», продолжавшагося четыре дня, каждый семьянинъ своеручно зарѣзывалъ барана и угощалъ посѣтителей; большую часть баранины раздавалъ онъ бѣднымъ, какъ милостыню. Подъ пятницу (т. е. въ четвергъ «джюма-акшамы») общественныхъ развлеченій не полагалось. Каждую «джюм'у» (пятницу), которая соотвѣтствуетъ нашему воскресенью, правовѣрные обязательно ходили въ мечеть. Ханъ въ

эти дни, послѣ молитвы, верхомъ разъѣзжалъ по городу, а слѣдовавшій за нимъ его «казнадаръ» (казначей) бросалъ бѣднымъ мелкія монеты. Въ коранѣ говорится: «Молитвы доводятъ въ рай до половины дороги, постъ до самыхъ дверей рая; одна только милостыня растворяетъ райскія двери».

IV.

Мечети, фонтаны, школы и другія сооруженія. Татарскія гробницы. О наслѣдствѣ. О посольствахъ. Крымъ-Гирей. Пріемъ иностранцевъ.

Въ Крыму многія мечети строились по образцу храма св. Софіи (въ Константинополѣ) *), сооруженнаго при императорѣ Юстиніанѣ въ 537 г., но обращеннаго Магометомъ II въ главную мечеть. Одну изъ подобныхъ по архитектурѣ мечетей и теперь мы видимъ въ Евпаторіи,—только безъ минаретовъ, сорванныхъ нѣкогда вѣтромъ **). Замѣчательно, что мечети строились не ханствомъ и не обществомъ, а отдѣльными лицами; вотъ почему онѣ носятъ названія по именамъ строителей. При нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣлись пріюты для дервишей («текіе»), которымъ, къ тому же, отпускалась и даровая пища. «Дервишъ»—странствующій мулла; глава ихъ—«шеихъ». Призывъ къ молитвѣ совершался, какъ выше было сказано, съ

*) Замѣчателенъ по своей красотѣ и величію,—образецъ архитектуры восточнаго стиля. Онъ блисталъ позолотой, украшался мозаикой и мраморами.

**) Не была ли эта мечеть прежде христіанскимъ храмомъ? Объ этомъ даже утверждали писатели XVII ст. Другіе говорятъ, что она построена Девлетъ-Гиреемъ въ 1522 году, и что объ этомъ хранится актъ въ самой мечети «Джюма-Джамай».

минарета, по пяти разъ въ день. Муэзынъ, взойдя на минаретъ, протяжнымъ голосомъ во всѣ стороны произносилъ: «Великій Богъ, исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога, а Магометъ—пророкъ Божій; приходите къ поклоненію, приходите ко спасенію».

Интересно преданіе объ установленіи такого способа призыва къ молитвѣ магометанъ: однажды ученики пророка Магомета предложили ему завести порядокъ, чтобы всѣ правовѣрные молились въ одно и тоже время, а часъ молитвы возвѣщать посредствомъ какого нибудь однообразнаго знака или звука. Для сего одни находили, что всего проще поднимать флагъ, другіе—звонить въ колоколъ, третьи—трубить въ рогъ, четвертые—зажигать огонь. Но все это было отвергнуто: флагъ или знамя,—какъ вещь, приличная только военнымъ; колокольный звонъ,—какъ христіанскій призывъ; трубный звукъ,—какъ еврейскій обычай, а огонь,—какъ символъ язычества. Пророкъ рѣшилъ, что голосъ человѣческій есть самый приличный знакъ приглашенія на молитву! По этимъ призывамъ татары, не носившіе еще при себѣ часовъ, не только одновременно совершали „намазъ“, но довольно правильно распредѣляли свои занятія и отдыхъ.

Магометане бывали вообще чистоплотны, и потому хорошо содержали бани и фонтаны; послѣдніе служили имъ, въ особенности, для омовенія предъ молитвой. Ханамъ, для омовенія, дворцовые «аякъ-капы» (лакеи) подносили серебрянный кувшинъ съ тазомъ и шитое золотомъ кисейное полотенце, а простые татары умывали лицо у самаго фонтана. По дорогамъ фонтаны

имѣли значеніе благотворительности; вотъ почему на многихъ изъ нихъ вырѣзывались имена строителей—рядомъ съ нравоучительными стихами изъ корана.

Нѣкоторые ханы обращали вниманіе на развитіе грамотности и потому жертвовали извѣстныя суммы на устройство народныхъ школъ —«мектебè», въ которыхъ обучали чтенію и письму муллы. Но существовало и высшее духовное училище, называемое «медрессè» (семинарія); въ немъ «софты» (студенты) изучали коранъ. Тамъ преподавалъ «мудерисъ». Образованіе татаръ начиналось и оканчивалось кораномъ. Всякій татаринъ, читающій эту священную книгу, могъ быть муллою, а умѣющій истолковывать неопредѣленныя арабскія изрѣченія корана, считался «улемомъ», или «алимомъ» (ученымъ). Вотъ почему духовенство имѣло высокое значеніе и всегда почетное мѣсто среди татаръ. Они равно уважали и стариковъ, которыхъ всегда встрѣчали съ почетомъ, цѣлуя имъ руки. Вообще татары отличались почтительностью къ старшимъ, будь то мужчины или женщины,—особенно къ родителямъ.

Любили они также заниматься изящными постройками, изъ коихъ лучшія были произведены въ Бахчисараѣ при Арсланъ-Гиреѣ. Онъ хорошо укрѣпилъ крѣпости: Арабатъ и Оръ-Капу, гдѣ докончилъ рытье огромнаго рва, глубиною въ семь и шириною въ двѣнадцать саженъ. Но первоначально Оръ-Капу построилъ Менгли-Гирей, для чего имъ выписаны были изъ Италіи архитекторы, работавшіе съ пятью тысячами невольниковъ.

Когда татаринъ заболѣвалъ, надъ нимъ читались молитвы простымъ муллою или «хатипомъ» (кятибъ)—чтецомъ корана; въ рѣдкихъ случаяхъ приглашался «хакимъ» (врачъ,—обыкновенно, изъ армянъ). Если-же больной умиралъ, тѣло его немедленно выносили изъ жилища и обертывали въ саванъ, оставляя отверстія съ концовъ. По ихъ понятіямъ, всякій умершій правовѣрный подвергается, вслѣдъ за смертью, суду двухъ ангеловъ, которые, освобождая его изъ этого савана, усаживаютъ между собой и предлагаютъ ему разные вопросы, чтобы удостовѣриться—достоинъ ли онъ войти въ „эдемъ". Предки ихъ, монголы, также вѣрили въ замогильную жизнь, вслѣдствіе чего, во время похоронъ умершаго, клали въ его могилу: пищу, шкуры для шатра, золото и серебро, а также закапывали съ нимъ кобылу съ жеребцомъ—для развода на томъ свѣтѣ табуна. На похоронахъ татары всегда раздавали милостыню и рѣзали барана.

Татаръ предавали землѣ довольно просто: относили умершихъ на носилкахъ къ кладбищу, тамъ рыли яму, на днѣ которой устраивали сбоку нишу; въ эту впадину укладывали (лицемъ къ Меккѣ) трупъ, обернутый въ саванъ и перевязанный въ трехъ мѣстахъ длинными полотнищами; наконецъ, нишу задѣлывали камнемъ или деревомъ, и забрасывали всю яму землей. Тѣло, такимъ образомъ, оставалось въ земляномъ склепѣ. Беямъ и вообще богатымъ татарамъ иногда дѣлали каменные склепы,—въ родѣ саркофаговъ или же подъ сводами. Надъ могилами («турбей») ставили каменные памятники, вертикально (въ видѣ столби-

ковъ или плитъ), иногда росписные, съ надписями и съ каменной сверху чалмою (у изголовья),—если покойникъ былъ мужчина; памятники же женщинъ отличались каменными плоскими шапочками, вмѣсто чалмы, или просто шишками (—эмблема ихъ умственнаго развитія). Надъ нѣкоторыми склепами строили будки (часовни) и въ нихъ ставили деревянные ящики въ видѣ гробовъ, покрывая ихъ разными тканями съ вышитыми текстами изъ корана. Вокругъ сажали кипарисныя деревья (вдоль Южнаго берега). Душистая ихъ смола уничтожала вредныя испаренія отъ тлѣнія труповъ и, сверхъ того, эти деревья, какъ не терявшія зелени, служили символомъ безсмертія за гробомъ. Умершихъ въ Бахчисараѣ хановъ сносили на кладбище, сохраняемое и теперь при ханскомъ дворцѣ. Оно имѣетъ видъ садика съ плодовыми деревьями, между которыми разбросано много могилъ; надъ нѣкоторыми изъ нихъ стоятъ мраморные саркофаги съ эпитафіями Въ немъ находятся два каменныхъ, круглыхъ мавзолея. съ гробницами хановъ и ихъ женъ.

Имущество послѣ смерти татаръ переходило къ женѣ, дѣтямъ и близкимъ родственникамъ. Но послѣ смерти хана, или отрѣшенія его отъ власти,—все его состояніе принадлежало его преемнику «калга-султану».

Если консулъ или путешественникъ желалъ представиться хану,—эта аудіенція обставлялась нѣкоторой церемоніей, подъ руководствомъ «Балджи-баши» (церемоніймейстера),—во время которой посѣтитель преклонялъ предъ ханомъ колѣно. Если иностранцу предлагали сѣсть, онъ, садясь на диванъ, держался

въ почтительномъ отдаленіи отъ властителя и отвѣчалъ ему комплиментами, согласно азіатскому этикету.

Во время пріѣзда къ ханскому двору иностранныхъ пословъ, Бахчисарай,—единственный въ настоящее время городъ, сохранившій для археологовъ характеристику ханскихъ городовъ,—при династіи Гиреевъ,—особенно оживлялся *). Въ такихъ случаяхъ честолюбивые гиреи не жалѣли расходовъ на гостепріимство и на развлеченія. Эти расходы, однако, выкупались съ избыткомъ, такъ какъ послы безъ драгоцѣнныхъ подарковъ не вступали въ ханскій дворецъ. Послы дарили ханамъ золотыя шкатулки съ брильянтовыми вещами, мѣшки съ червонцами; шелковыя ткани, бархатъ, золотые часы, охотничье оружіе, кровныхъ арабскихъ жеребцовъ или карабахскихъ золотистыхъ лошадей, на которыхъ гиреи выѣзжали въ торжественные дни. Подарки сыпались, не только предъ ханомъ, но подносились и придворнымъ его сановникамъ, и другимъ лицамъ, по указанію самаго хана; они вымогали подарки также для своихъ кадынь и дочерей.

Московскими царями было установлено посылать къ крымскимъ ханамъ пословъ съ грамотами, въ которыхъ титулъ гирея украшался всегда золотыми буквами; въ этихъ грамотахъ ханы назывались «братьями» царей. Русскіе послы ежегодно привозили хану, а также его кадынямъ, его султанамъ и султаншамъ (принцамъ и принцессамъ), равно и ханскимъ мурзамъ дары, состоявшіе изъ собольихъ и куньихъ шубъ,

*) Бахчисарай сдѣлался столицей хановъ съ 1428 года.

отдѣланныхъ золотомъ, и множества цвѣтныхъ шубъ изъ другихъ мѣховъ,—дорогихъ кафтановъ, шапокъ, сапогъ, шитыхъ золотомъ сѣдель и другихъ подобныхъ вещей,—цѣнностью болѣе 20/т. руб. Посылались эти посольства съ тѣмъ, чтобы татары не тревожили границъ Украйны. На сколько же они дорожили этими «поминками» (подарками), намъ уже извѣстно. Нерѣдко случалось, что ханы или капризныя ихъ кадыни оставались нѣкоторыми вещами недовольны, и тогда злобу свою вымещали на послахъ же: запирали ихъ въ Манкупскій замокъ или въ тюрьму (пещеры) и били тамъ жестоко.

Когда же гиреи отправляли къ царю своихъ пословъ, ихъ въ Москвѣ помѣщали въ особомъ „Крымскомъ дворѣ", кормили и одѣвали на царскій счетъ. Во время ихъ пріема въ „Золотой палатѣ", послы кланялись царю въ ноги, поднося тоже дары, вродѣ шитыхъ золотомъ и шелками полотенецъ и другихъ мелкихъ вещей мѣстнаго издѣлія. Когда они подходили къ рукѣ, царь не давалъ цѣловать ее, а только прикасался ею къ ихъ головѣ. Во время пира, за отдѣльнымъ столомъ онъ угощалъ ихъ медомъ; а отпуская обратно, дозволялъ имъ брать съ собою на память ковши и кубки, изъ которыхъ они пили,—только не изъ дорогихъ.

Въ 1761 году Прусскій король Фридрихъ II, тѣснимый со всѣхъ сторонъ Австріей и Россіей, уже занявшей своими войсками это королевство, и не имѣя у себя союзниковъ, прибѣгнулъ къ помощи хана *Керимъ-Гирея* (Крымъ-Гирея). Какъ ни ухищрялся прус-

4

скій посолъ, но не иначе получилъ отъ Керимъ-хана обѣщаніе выслать королю вспомогательное войско, какъ преподнеся ему значительную сумму золота и другіе драгоцѣнные подарки. Этого мало, на другой же день ханъ потребовалъ подарковъ и для своихъ мурзъ, а потомъ еще для себя сто тысячъ піастровъ,—въ видѣ расходовъ на вооруженіе татаръ. Обѣщаніе свое ханъ исполнилъ. Онъ уже успѣлъ раззорить крѣпость св. Елисаветы *). Но на счастье крымцевъ,—или, лучше сказать, пруссаковъ,—за смертью императрицы Елисаветы, вступившій на Россійскій престолъ Петръ III заключилъ съ Фридрихомъ миръ и спасъ Пруссію отъ гибели! Татары вернулись обратно почти безъ всякой потери, а золото, конечно, обратно возвращено не было.

Однако, самъ Керимъ-Гирей за притѣсненіе грековъ, какъ рабочихъ, и евреевъ, какъ поставщиковъ матеріаловъ на постройку его дворца, по жалобамъ ихъ, — пострадалъ: султанъ его удалилъ изъ Крыма, а потомъ въ Бендерахъ отравилъ (1769 г.). Чтобы веселѣе умереть, ханъ потребовалъ музыку и подъ ея звуки отправился къ праотцамъ.

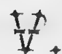
Пословъ и путешественниковъ помѣщали въ особомъ отдѣленіи дворца, съ росписными потолками, стѣнами, дверьми и окнами; комнаты ихъ бывали убраны персидскими коврами на широкихъ диванахъ; зеркалами, столиками и табуретами, унизанными перламутромъ; ихъ кормили отборными меню ханской кухни; предоставляли въ ихъ распоряженіе верховыхъ лошадей и «чугадаръ» (скороходовъ), даже экипажи,—

*) Теперь гор. Елисаветполь

чтобы иностранцы имѣли возможность обозрѣть достопримѣчательности ханскихъ владѣній. Приглашали ихъ и къ ханскому столу, вмѣстѣ съ почетными мурзами и духовными особами.

Предъ обѣдомъ въ просторной столовой евнухи разносили всѣмъ воду въ кувшинахъ, съ тазами и полотенцами, причемъ опускались передъ каждымъ гостемъ на колѣни, а потомъ подвязывали имъ всѣмъ салфетки. За столомъ подавали сперва закуски изъ сыра, пикули капусты; потомъ говяжій супъ, холодную домашнюю птицу, пилавъ съ бараниной и фрукты. На столъ ставили водку и вино. Послѣ обѣда, умывъ руки и губы, гости выходили на рѣшетчатый балконъ, гдѣ имъ подносили разныя сласти, кофе въ золотыхъ чашечкахъ («фельджанъ») и кальяны съ янтарями, осыпанными яхонтами и брильянтами. Съ балкона они смотрѣли на разныя представленія акробатовъ и слушали оркестръ европейской музыки (при Менгли-Гиреѣ, получившемъ воспитаніе у генуэзцевъ въ Кафѣ). По вечерамъ гостей водили на спектакль, въ которомъ играли французскіе актеры, при восковомъ освѣщеніи.

Общее понятіе объ управленіи ханствомъ. Калга-Султаны, Нурединъ-Султаны и Оръ-беи. Высшее сословіе. Междоусобія въ ханствѣ. Тюрьмы, пытки и казни. Чуфутъ-кале и Караимы.

Отдохнувъ послѣ военныхъ подвиговъ и насладившись вволю гаремнымъ кейфомъ, ханы не оставались безъ дѣятельности по управленію Крымомъ. Отъ времени до времени они собирали въ своемъ дворцѣ „Диванъ" (Государственный Совѣтъ), *) подъ предсѣдательствомъ „диванъ-эфенди". **) Сами въ этихъ совѣщаніяхъ они не участвовали, но зорко и невидимо наблюдали за ходомъ ихъ, благодаря рѣшетчатому балкону, устроенному у самаго потолка обширнаго залъ „дивана". Залъ этотъ отличался росписнымъ съ позолотой потолкомъ, узорчатыми окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ и вообще роскошнымъ убранствомъ. Балкончикъ же имѣлъ сообщеніе съ ханскимъ кабинетомъ, тоже весьма интереснымъ по своимъ украшеніямъ.

Въ этихъ засѣданіяхъ разрѣшались разныя административныя, хозяйственныя, судебныя и военныя

*) *Диванъ*—арабское слово,—собраніе.

**) Должность эту обыкновенно занимали беи Ширинскіе.

дѣла, а именно: назначалась дань съ покоренныхъ странъ, пошлина съ таможень и торговли, сборъ съ соляныхъ, винныхъ и рыбныхъ промысловъ, а также съ садовъ и городскихъ доходовъ; подушный окладъ («хараджъ») съ цыганъ, караимовъ и евреевъ. Тамъ-же распредѣлялись полученныя суммы, согласно повелѣнію хана; львиная доля принадлежала, конечно, гирею. Въ диванѣ опредѣлялись выкупы за богатыхъ плѣнныхъ, утверждались постройки мечетей и училищъ; приговаривались къ казни преступники, непокорные плѣнные и завистники ханской власти. Въ этихъ-же собраніяхъ назначались сборы татаръ, въ случаѣ новаго набѣга;—это дѣлалось или по личному усмотрѣнію хана, или же по требованію турецкаго султана.

Въ послѣднемъ случаѣ изъ Стамбула присылался фирманъ съ особо-уполномоченнымъ пашею. Этого посла ханъ принималъ въ присутствіи всего «дивана», сидя, однако, на парчевой подушкѣ съ поджатыми ногами. Подходя къ гирею, паша преклонялъ колѣно и цѣловалъ полы ханскаго кафтана. Ханъ, принимая отъ него бумагу, подносилъ ее къ губамъ и ко лбу, и читалъ фирманъ вслухъ, чтобы всѣ члены дивана внимали и были готовы къ исполненію султанскаго повелѣнія, Въ «диванѣ» же, какъ верховномъ судилищѣ объявлялось и о сверженіи гиреевъ съ ханскаго престола.

Духовными и нѣкоторыми гражданскими дѣлами, напр. о наслѣдствѣ, по завѣщаніямъ, объ опекѣ—завѣдывалъ муфтій съ кады-эскерами, а также «кайма-

каны» и «кадіи» въ своихъ кадылыкахъ (уѣздахъ). Эти судьи управляли мечетями и «вакуфами»,—землями, отведенными въ пользу мечетей и состоящихъ при нихъ школъ.

Главныя морскія таможни были въ Гезлевѣ и Кефѣ, откуда отпускали: шерсть, сафьянъ, вина, масло, рыбу, соль, хлѣбъ и другіе продукты. Сухопутная таможня находилась въ Оръ-Капу, черезъ которую чумаки, привозя сюда овесъ, вывозили соль въ Малороссію и Польшу (черезъ Бериславъ). Тамъ же брали сборъ съ овецъ и рогатаго скота, перегонявшагося на пастбища.

Ближайшимъ сотрудникомъ хана на военномъ поприщѣ считался «Нурединъ султанъ»; его должность соотвѣтствовала начальнику главнаго штаба. Но этотъ Нурединъ нерѣдко являлся главнокомандующимъ, если посылалось ханское войско въ сорокъ тысячъ или менѣе. Если же татары вторгались въ чужіе предѣлы въ размѣрѣ болѣе пятидесяти тысячъ, тогда во главѣ ихъ выѣзжалъ «Калга-султанъ» *). Но стотысячной конницей или большимъ «кошемъ» предводительствовалъ самъ гирей.

Калга-султанъ получалъ въ годъ жалованья до 500 кошельковъ золота, независимо доходовъ съ Акъмечетскаго бейлыка, а Нурединъ—до 250 кошельковъ. Что касается годовыхъ доходовъ самаго хана, онъ получалъ, среднимъ числомъ, одну тысячу кошельковъ золота и, сверхъ того, десятую часть отъ урожая

---

*) *Калга-султаны* и *Нурединъ-султаны* происходили изъ ханскаго рода.

хлѣбныхъ растеній, плодовъ, баштановъ и всякихъ животныхъ. Обыкновенно ханскія деревни отдавались на откупъ, или же раздавались, на правахъ пользованія, мулламъ и мурзамъ, со взысканіемъ арендной платы. Откупщики же или арендаторы уже сами извлекали доходы отъ татаръ. Татарскій же «кошъ» жалованья и продовольствія отъ хана вовсе не получалъ, а довольствовался тѣмъ, что добывалъ во время набѣговъ.

Вслѣдъ за этими лицами довольно виднымъ сановникомъ считался «Оръ-бей». Нужно сказать, что «Оръ-капу» (орды-дверь, т. е. входъ въ орду) *) имѣла важное стратегическое значеніе для полуострова, такъ какъ здѣсь находился главный оборонительный пунктъ. Поэтому бей, владѣвшій перекопской степью и начальствовавшій надъ этой крѣпостью, назывался «Оръ-беемъ»; онъ даже обязывался постоянно жить въ этой крѣпости на случай появленія врага. Оръ-беи считались всегда лицами, самыми преданными ханскому престолу. Въ «Оръ-капу» назначалось общее сборное мѣсто, при выступленіи татаръ изъ Крыма. Для большей защиты Перекопскихъ воротъ, тутъ существовалъ съ давнихъ временъ каналъ, соединявшій Черное море съ Азовскимъ; этотъ каналъ хорошо былъ очищенъ и углубленъ въ XVI столѣтіи.

Султаны, сыновья гиреевъ, обыкновенно состояли въ свитѣ хана; но ихъ назначали также начальниками надъ Ногайцами.

Къ высшему сословію,—беевъ и мурзъ, принад-

---

*) *Оръ-капу*—въ древности «Тафросъ» (тафре—ровъ).

лежали: *Ширинскіе,* владѣвшіе землями и деревнями въ теперешнемъ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ, преимущественно на Керченскомъ полуостровѣ. Родъ этой фамиліи былъ довольно многочисленный и вліятельный. За Ширинскихъ мурзъ ханы выдавали обыкновенно своихъ дочерей; вотъ почему нѣкоторые изъ нихъ носили титулъ «гирея». Но Ширинскіе нерѣдко участвовали въ заговорахъ противъ хана *). При Сагибъ-Гиреѣ (другомъ сынѣ Менгли-Гирея), въ началѣ XVI ст. былъ возвышенъ также родъ *Суджеутскихъ* и *Мансурскихъ*. Изъ этихъ послѣднихъ Суджеутскіе мурзы владѣли землями за Карасубазаромъ къ востоку, а Мансурскіе —въ теперешнемъ Евпаторійскомъ уѣздѣ. Сверхъ того извѣстны были мурзы *Баринскіе,* которые жили въ Карасубазарѣ; они почти всѣ вышли за-границу. *Аргинскіе* жили между Карасубазаромъ и Симферополемъ. Мурзы *Кипчакскіе* принадлежали также къ высшему сословію; они и *Даирскіе* мурзы жили между р. Зуею и р. Салгиремъ. Наконецъ, *Яшлавскіе*—въ Альминской долинѣ.

Сверхъ того, при ханахъ находилась особая свита чиновниковъ, называвшихся «Капу-Халками»; они не происходили изъ мурзъ. Въ народѣ чиновникъ назывался «ага». Потомокъ заслуженной духовной особы именовался „челеби“.

Въ Крымскомъ ханствѣ часто происходили междоусобія—изъ зависти и другихъ личныхъ видовъ, вслѣдствіе чего ханская власть часто переходила въ другія

*) Ширинскіе мурзы впослѣдствіи, въ XVI в., переходили въ русское подданство и принимали православіе; потомки ихъ извѣстны подъ фамиліей Ширинскихъ-Шахматовыхъ.

руки; претенденты на престолъ иногда царствовали всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ междоусобіяхъ придворныя интриги играли главную роль,—и эти интриги усилились съ того именно времени, какъ ханы стали вассалами турецкаго султана. Послѣдніе часто смѣщали ихъ по однѣмъ клеветамъ вліятельныхъ мурзъ, состоявшихъ у султана на жалованьѣ, или же по доносамъ пашей, которыхъ султаны опредѣляли въ Крымъ къ болѣе или менѣе виднымъ мѣстамъ.

Въ такихъ случаяхъ тюрьмы, пытки и казни были въ большомъ ходу. Ханы или Калга-султаны (какъ ихъ соперники), враждебныхъ себѣ лицъ, даже съ ихъ семействами, безъ судебнаго разбора, бросали нерѣдко въ тюрьмы, которыми служили пещеры («крипты»), существующія въ Крыму съ древнѣйшихъ временъ.

Въ этихъ пещерахъ содержали обыкновенно плѣнныхъ, отъ которыхъ ожидали выкупа. Чтобы они не могли бѣжать, держали ихъ постоянно въ оковахъ, и даже прикованными къ каменнымъ подземнымъ стѣнамъ и столбамъ,—иногда по нѣсколько лѣтъ сряду. Въ Манкупскомъ замкѣ томили русскихъ пословъ, страдавшихъ здѣсь отъ голода, наготы и насилій. Въ Судакскій замокъ заключали обыкновенно Калга-султановъ или другихъ искателей ханскаго престола.

Болѣе-же важныхъ враговъ своихъ, какъ государственныхъ преступниковъ, или-же знатныхъ плѣнныхъ ханы всегда сажали въ тюремную пещеру («коба»), находившуюся въ старинной крѣпости Чуфутъ-кале.

Въ этой пещерѣ томился двадцать лѣтъ бояринъ Шереметьевъ; здѣсь же содержался и польскій гетманъ Потоцкій.

Въ Чуфутъ-Кальской пещерѣ, раздѣленной на два яруса, несчастныхъ подвергали пыткѣ: сдавливали на каменныхъ нарахъ оконечности тисками, сдирали желѣзными когтями кожу, клещами вывертывали суставы. Однихъ потомъ казнили, отсѣкая головы надъ каменной ванной, выдолбленной въ пещерѣ нижняго яруса, а тѣла ихъ выбрасывали черезъ окно въ глубокій оврагъ; другихъ лишали жизни въ другой, глубокой ваннѣ той-же пещеры посредствомъ голода, причемъ держали ихъ туловища въ самомъ принужденномъ положеніи. Подобныя же пытки производили и надъ заключенными въ пещерахъ Манкупской скалы.

Для тѣхъ, которые приговаривались къ казни по рѣшенію ханскаго судилища, заключавшемуся въ одной лишь фразѣ и даже въ словѣ,—конечно, безъ отобранія показаній съ обвиняемаго, безъ допроса свидѣтелей и тому подобной современнной процедуры*),—тоже особыхъ приготовленій не дѣлали: ловкій палачъ на любомъ мѣстѣ деревни или перекресткѣ города ставилъ осужденнаго на колѣни, обнажалъ его шею и толкалъ въ спину; лишь только отъ толчка шея выдвигалась, голова уже летѣла съ плечъ. Въ Бахчисараѣ обыкновенно отсѣкали головы на мостикѣ, переброшенномъ черезъ рѣчку Чурукъ-су, предъ ханскимъ дворцомъ. При уборкѣ труповъ, отсѣченныя головы укладывали подъ мышки ихъ туловищъ, если казнен-

*) Судьи у татаръ считались непогрѣшимыми.

ные были магометане; а головы иноверцевъ помѣщали между ногъ. Нѣкоторыхъ присуждали къ лишенію жизни посредствомъ вѣшанья. Эта казнь также совершалась довольно просто: палачъ отбиралъ у обвиненнаго немного денегъ, покупалъ на нихъ веревку, прикрѣплялъ ее къ ближайшему дереву или балкону, и на этой веревкѣ вздергивалъ несчастнаго. Если попадались разбойники, ихъ сажали на колъ, а дезертировъ душили. Многихъ сбрасывали со скалы «Акъ-кая» (противъ Карасубазара). Но знатнымъ мурзамъ посылали, по турецкому обычаю, почетный снурокъ, которымъ они должны были удавиться,—или-же подносили имъ ядъ.

Къ хану всѣ имѣли доступъ; вообще ханы лично судили милостивѣе, чѣмъ кады-эскеры.

Упомянувъ о крѣпости Чуфутъ Кале, нельзя не сказать объ ней нѣсколько подробнѣе. Неприступная скала этой крѣпости за 500 лѣтъ до Р. Х., была занята Израильтянами, которые прибыли сюда, вмѣстѣ съ Мидійцами, подъ предводительствомъ Дарія-Гистаспа,—преемника персидскаго царя Кира. (Оба царя совершали походъ противъ Скиѳовъ, жившихъ въ степяхъ между рѣками Дономъ и Дунаемъ,—изъ мести къ нимъ, за нашествіе ихъ въ Мидію). Тогда она называлась «Села Юхудимъ» (скалою іудейскою). Отъ этихъ израильтянъ образовалась секта Караимовъ. Чуфутъ-Кальскую скалу называли также «Киркъ-еръ» (сорокамѣстной)—по числу жилыхъ въ ней помѣщеній.

Караимы первоначально жили въ пещерахъ Чуфутъ-Кале, имѣющій подземные ходы, а впослѣдствіи

обитали въ самой крѣпости, построенной готѳами. Въ позднѣйшее время многіе изъ нихъ перебрались въ города полуострова, особенно въ Евпаторію.

При нашествіи татаръ, одинъ изъ семи улусъ-бековъ Абакъ-бей-Кудалакъ-Яшлавскій овладѣлъ этой крѣпостью и караимовъ обратилъ въ своихъ данниковъ; у подножія скалы основалъ татарское селеніе подъ названіемъ «Киркъ-еръ», и улусъ свой наименовалъ «киркъ-ерской ордою», расположивъ ее на прекрасныхъ «чаирахъ» (полянахъ) Альминской долины. Татары потомъ караимскую скалу назвали «Чуфутъ-кале» (жидовской крѣпостью).

Нѣкоторые полагаютъ, что караимы произошли отъ Хазаръ, прибывшихъ въ Крымъ съ западныхъ береговъ Каспійскаго моря и принадлежавшихъ (будто) къ татарскому племени. Въ подтвержденіи сего предположенія, ссылаются на то, что караимы говорятъ не по еврейски, а по татарски, и что обычаи ихъ болѣе подходятъ къ татарскимъ, чѣмъ еврейскимъ. Слово «караимъ» происходитъ,—по обьясненію татаръ,—отъ «кара-иманъ» (черно-вѣрецъ). Черновѣрцами-же назвали потому, что предки ихъ, будучи еще хазарами, приняли іудейскую вѣру. Однако, хазары принадлежали къ числу воинственныхъ народовъ, доказательствомъ чего служитъ самое названіе этого племени, происходящее отъ слова «хаза» (бѣда,—бѣдовый, отважный); между тѣмъ, караимы нисколько не отличались воинственнымъ духомъ.

Нельзя ихъ отнести и къ тѣмъ іудеямъ, которые въ древнія времена жили въ Херсонесѣ: тѣ евреи

отличались варварскимъ преслѣдованіемъ христіанъ, избивали даже епископовъ. Но чтобы караимы такъ поступали съ христіанами,—изъ исторіи намъ ничего неизвѣстно. Караимы же ученія Талмуда не признаютъ; они не принимаютъ устныхъ объясненій письменныхъ законовъ Моисея.

Князь Воронцовъ предложилъ въ 1839 г. караимамъ нѣсколько вопросовъ относительно ихъ происхожденія, времени переселенія въ Крымъ и о проч. Караимы обратились за разъясненіемъ къ своему раввину Авраāму Фирковичу. Тогда Фирковичъ предпринялъ путешествія—сперва по Крыму, потомъ по Кавказу и Востоку. Онъ долго путешествовалъ для изученія караимскихъ древностей и много лѣтъ занимался раскопками могилъ въ Іосафатовой долинѣ (близь Чуфутъ-Калè). Плодомъ его неутомимыхъ трудовъ было собраніе богатой библіотеки древнихъ рукописей и изданіе «Сборника надгробныхъ надписей».—Онъ утверждаетъ, что караимы происходятъ отъ той секты, къ которой принадлежалъ самъ Іисусъ Христосъ, и что предки караимовъ не участвовали въ распятіи Богочеловѣка.—Они свою религію называютъ «цадыкимъ», —отъ слова «цадыкъ» (праведный). Свое вѣроученіе они почерпнули изъ пятикнижія Моисея («Сеферъ-Тора»). По ихъ религіи признается безсмертіе души и воскресеніе мертвыхъ. Глава секты прежде назывался «рошъ», «нази» (глава, князь).

Караимы довольно религіозны, молятся въ своихъ синагогахъ; замѣчательны двѣ изъ нихъ въ Чуфутъ-Кале, но особенно интересна ихъ новая синагога въ

Евпаторіи, какъ образцовая. У караимовъ имѣется свой молитвенный домъ и въ Іерусалимѣ. Они живутъ корпоративно. Прежде они занимались ремеслами: выдѣлывали кожи, войлоки и шили для татаръ обувь; но, поселившись въ городахъ, занялись торговлей и промышленностью.

Хотя предки ихъ никакихъ особыхъ заслугъ не оказали Россіи, но, въ видахъ сближенія ихъ съ русскимъ населеніемъ, правительство дало имъ разныя льготы. Для отличія ихъ отъ евреевъ-талмудистовъ, въ 1791 году караимамъ предоставлены гражданскія права на-равнѣ съ русскими. Въ 1837 г. въ г. Евпаторіи учреждено караимское духовное правленіе, которымъ завѣдываютъ «газаны» (канторы, раввины), во главѣ съ «гахамомъ», на обязанности котораго лежитъ духовное управленіе всей сектою.

Караимы хорошо сознаютъ пользу образованія,— и потому даютъ приличное воспитаніе своимъ дѣтямъ. Теперь уже мы встрѣчаемъ въ Крыму караимовъ-врачей, караимовъ-адвокатовъ и учителей. Немаловажную роль караимы играютъ и на поприщѣ общественной дѣятельности. Пользуясь гражданскими правами, владѣя капиталомъ и дѣйствуя среди своей общины единодушно,—они избираются въ гласные и вліяютъ на ходъ общественныхъ дѣлъ; многіе изъ нихъ сами занимаютъ должности по городскимъ и земскимъ выборамъ.

Въ торговомъ и промышленномъ отношеніи караимы внутри Крыма,— послѣ генуэзскихъ преемниковъ (армянъ, грековъ), — играли первенствующую роль.

Зная характеръ кореннаго населенія татаръ, они держали ихъ въ *своихъ* рукахъ. Послѣдніе, не исключая и мелкоземельныхъ мурзъ, терпя постоянную нужду въ предметахъ насущной потребности, обращались къ первымъ, какъ къ благодѣтелямъ своимъ, — и тѣ снабжали ихъ пшеномъ, мукою и краснымъ товаромъ въ кредитъ, причемъ выговаривали извѣстные проценты Если татары не бывали въ состояніи уплатить долгъ деньгами, караимы охотно принимали отъ нихъ продукты ихъ производительности: разный хлѣбъ въ зернѣ, шерсть, смушки, дойныхъ овецъ («на качкавалъ») по оцѣнкѣ самыхъ же кредиторовъ, не безъ обмѣра и обвѣса. Караимы, можно сказать, первоначально разжились на счетъ обѣднѣвшихъ татаръ.

Потомъ они стали заниматься торговлей табакомъ, открывая свои табачныя фабрики; продажей спиртныхъ напитковъ, желѣза, деревенскихъ орудій,—примѣняясь къ нуждамъ потребителей—татаръ. Скупали у нихъ мелкія партіи хлѣба и шерсти; открывали у себя склады, изъ которыхъ весь этотъ товаръ продавали оптомъ крупнымъ покупателямъ и выручали хорошіе барыши. Но въ послѣднее время они особенно разбогатѣли отъ соляной промышленности.

Въ Чуфутъ-Калѐ, за стѣнами изъ массивныхъ камней, жили также нѣкоторые крымскіе ханы, когда укрывались отъ своихъ враговъ, — во время-ли междоусобій, или преслѣдованій непріятеля. Здѣсь погребена дочь Тохтамышъ-хана (въ XV в.) Неникеджанъ-ханымъ, которой поставленъ красивый мавзолей, съ каменной гробницею внутри, сохранившійся и до сего

времени. О ней существиетъ два преданія: говорятъ, будто она здѣсь была начальницей войска, охранявшаго эту крѣпость отъ враговъ; а по другому преданію,—что она сюда бѣжала со своимъ возлюбленнымъ, и когда ея отецъ сталъ ее преслѣдовать, она бросилась со скалы. Въ Чуфутъ-Кале могли сидѣть въ заперти продолжительное время, такъ какъ въ этой скалѣ съ древнихъ временъ прорытъ глубокій колодезь. Здѣсь жилъ и знаменитый Менгли-Гирей послѣ пораженія Золотой Орды, потому что его преслѣдовали,—а также и по тому, что, ограничивъ ханскую власть предъ Турецкимъ султаномъ, онъ имѣлъ у себя много недоброжелателей.

VI.

Характеръ военныхъ дѣйствій татаръ, какъ союзниковъ Турціи. Бахчисарайскій миръ. Походъ воеводы Адашева. Старинное русское земское войско, ходившее противъ Крыма. Кн. Голицынъ и Селимъ-Гирей. Планы Петра Великаго послѣ взятія Азова. Замыслы Мазепы. Походы гр. Миниха и гр. Ласси. Пораженіе татаръ гр. Румянцевымъ. Еще о запорожцахъ.

Татарамъ безразлично было идти войною—противъ-ли Польши, Россіи или Малороссіи; съ чьей стороны ханъ больше получалъ золота, той странѣ онъ болѣе содѣйствовалъ. Но случалось,—въ войнахъ Россіи съ Польшей,—гиреи до рѣшительнаго боя придерживали татаръ, что не мѣшало имъ брать червонцы съ той и другой стороны; а потомъ бросались и добивали тѣхъ, которые несли пораженіе. Султаны вообще поддерживали Крымскихъ хановъ, какъ своихъ единовѣрцевъ и вассаловъ. Равнымъ образомъ, и татары всегда помогали Турціи въ ея войнахъ съ Россіей или Польшей.

Такъ, во второй половинѣ XVII ст. кровожадный султанъ Магометъ IV, задумавъ овладѣть всей Малороссіей, послалъ туда свои войска. Крымскіе татары не замедлили присоединиться къ нимъ. Союзники брали

города и села, обращая ихъ въ пепелъ. Только граждане гор. Умани (въ то время принадлежавшаго Польшѣ) долго имъ не сдавались, и упорно отражали приступы непріятеля. Когда же турки съ татарами, посредствомъ подкоповъ, взяли городъ, то озлобились до такой степени, что съ головъ несчастныхъ христіанъ сдирали кожу; набивая ее соломой и собирая такія головы кучами, они отвозили эти трофеи полными возами къ султану, — за что и получали по червонцу за каждаго изувѣченнаго христіанина. Щадили только красивыхъ женщинъ, чтобы увезти ихъ для продажи или гаремной жизни. Этотъ самый султанъ, не задолго предъ тѣмъ, совмѣстно съ татарами, взялъ гор. Каменецъ-Подольскъ. Чтобы унизить христіанскую вѣру, онъ торжественно въѣхалъ на конѣ въ соборную церковь, а по улицамъ приказалъ разбросать иконы; затѣмъ, всѣ церкви обратилъ въ мечети. Онъ не пощадилъ даже умершихъ христіанъ, трупы которыхъ при немъ вырывали изъ могилъ и выбрасывали далеко за городъ на съѣденіе хищныхъ птицъ. Но подъ гор. Чигириномъ варвары понесли, однако, пораженіе, причемъ однихъ татаръ погибло до десяти тысячъ человѣкъ; взято въ плѣнъ много мурзъ, и самъ ханъ Селимъ-Гирей едва не былъ умерщвленъ султаномъ за неудачу, но успѣлъ отъ него бѣжать.

Наконецъ, 3-го января 1681 года Россія заключила съ Турціей и Крымомъ миръ на 20 лѣтъ. Миръ былъ подписанъ въ Бахчисараѣ. По этому миру было признано господство Россіи надъ Украйною, до рѣки

Днѣпра; сверхъ того, русскимъ дозволялось переходить за Днѣпръ для сѣнокосовъ, рыбной ловли и ѣздить въ Крымъ за солью; русскіе получили право посѣщать Іерусалимъ и проч.

Такъ какъ татары все-таки продолжали безпокоить Украйну своими наѣздами, то Россія требовала отъ султана удовлетворенія; но Порта отозвалась, что «Татары люди совершенно вольные и смирить ихъ нѣтъ возможности».

Въ царствованіе Іоанна Грознаго извѣстенъ крымскій походъ Даніила Адашева. Этотъ воевода построилъ лодки и по Днѣпру, вмѣстѣ съ запорожцами, вышелъ въ море. Онъ имѣлъ открытое сраженіе съ турками, у которыхъ отбилъ два корабля, высаживался на крымскіе берега (въ 1558 г.), гдѣ захватилъ въ плѣнъ не мало татаръ и освободилъ много христіанъ изъ неволи!

При правительницѣ Софіи русское войско два раза пыталось овладѣть Крымомъ—подъ начальствомъ кн. Василія Голицына. Онъ былъ фаворитомъ царевны, считался разумнымъ администраторомъ, но полководцемъ оказался бездарнымъ. Въ первый разъ (1687 г.) онъ слишкомъ долго собирался въ походъ, и когда армія его, въ двѣсти тысячъ, перешла уже границу, онъ все еще сидѣлъ въ Москвѣ. Какъ только татары увидали русскихъ ратниковъ, тотчасъ ухитрились, подобно запорожцамъ, сжечь всю степь выше Перекопа, на 200 верстъ въ окружности. Голицынъ дошелъ только до Днѣпровскаго лимана и вынужденъ былъ вернуться. Во второй разъ (1689 г.) онъ успѣшно подошелъ къ

Перекопу, но, вслѣдствіе нерѣшительности, вступилъ въ переговоры съ ханомъ, а потомъ, за отсутствіемъ фуража и провіанта, вторично отступилъ. Однако, за этотъ походъ Голицынъ былъ награжденъ золотой медалью *).

Въ тѣ времена военная сила и военное искусство русскихъ были не въ такомъ состояніи, какъ позднѣе, напр., при Екатеринѣ II. Тогда всякій владѣлецъ земли обязанъ былъ, по требованію государя, надѣть на себя и на крестьянъ своихъ военные доспѣхи,—кто какъ могъ,—и явиться на войну. Кто изъ нихъ получалъ значительный земельный окладъ, тотъ долженъ былъ собрать бо́льшее количество вооруженныхъ слугъ, а кто состоялъ на меньшемъ окладѣ,—меньше ратниковъ. Самые бѣдные приходили безъ слугъ и почти безъ оружія. Распоряженіе о томъ—кому, къ какому времени, куда, въ какомъ вооруженіи надлежало явиться,—объявлялось на площадяхъ особыми глашатаями «бирючами». Можно представить, сколько времени терялось на сформированіе земскихъ полковъ! Ратники собирались со всего государства въ опредѣленные пункты, а тамъ ихъ подраздѣляли еще на разряды и отсылали въ другія мѣста.

Земское войско учреждено при царѣ Іоаннѣ IV. Такихъ полковъ выступало въ походъ обыкновенно шесть, подъ названіями: „Большой", которымъ командовалъ бояринъ, главный полководецъ, окруженный „жильцами" (адъютантами); при немъ находилось

*) Чуть-ли не первая въ Россіи орденская награда, такъ какъ орденовъ (крестовъ и звѣздъ) тогда еще не существовало.

большое знамя съ образомъ. Если армію велъ самъ царь, при немъ находились еще «рынды» (тѣлохранители, оруженосцы). «Передовой» полкъ составлялъ авангардъ, «Сторожевой»—аріергардъ; полки «Правой руки» и «Лѣвой-руки»; наконецъ, «Эртоулъ», состоявшій изъ конницы, въ томъ числѣ и Донскихъ казаковъ. Вотъ каковъ былъ общій составъ старинной нашей арміи! Но были еще полки: «солдатскіе», «рейтарскіе», «драгунскіе», а также извѣстные «стрѣльцы» и даже артиллерія;—они составляли незначительную часть царскаго войска, и ихъ рѣдко выводили въ походъ.

Не лишнимъ считаю сказать кое-что объ этихъ послѣднихъ полкахъ. Изъ нихъ—„солдатскіе" обыкновенно стояли на западныхъ границахъ; тамъ они обзаводились семействами и землями, платили налогъ. Въ военное-же время податей съ нихъ не брали; казна ихъ кормила, выдавала имъ обмундировку и оружіе: «пищали» *), «бердыши» **) и «сулицы» (копья), съ порохомъ и фитилями. Имъ дѣлали строевыя ученья. «Рейтарскіе» полки получали жалованье,—выдавалось по 30 рублей въ годъ каждому,—и потому они обязаны были сами себя содержать, а также на свой счетъ покупать лошадей и обмундировку, за исключеніемъ пороха, свинца и оружія, которое состояло изъ пистолей ***), карабиновъ и лука со стрѣлами (въ колчанѣ). «Драгунскіе»—постоянно жили на границѣ Украйны;

*) *Пищаль*—ружье, дуло, зажигавшееся фитилемъ.

**) *Бердышъ*—широкій, рогообразный топоръ на длинномъ древкѣ; это славянская «сѣкира».

***) *Пистоль*—маленькая «пищаль». Впослѣдствіи завелись «самопалы»—пищали съ замкомъ и огнивомъ.

это была передовая русская стража противъ татаръ; они также получали жалованье,—каждый по 12 руб. въ годъ, но несли двойную службу: конную и пѣшую. Рейтаровъ и драгунъ также обучали военному строю. «Стрѣльцы» отличались отъ прочихъ тѣмъ, что несли военную службу пожизненно и наслѣдственно: отцы передавали ее дѣтямъ, а дѣти ихъ внукамъ. Это была такъ сказать, особая каста. Это войско существовало до Петра Великаго, который истребилъ ихъ всѣхъ послѣ извѣстнаго стрѣлецкаго бунта. Артиллерія состояла при полкахъ: стрѣлецкомъ, солдатскомъ и драгунскомъ; массивныя пушки и снаряды перевозились лошадьми изъ царскихъ конюшенъ.

Каждый полкъ подраздѣлялся на сотни. При сотенныхъ командирахъ имѣлись хоругви (знамена съ изображеніемъ святыхъ), трубачи, игравшіе на «сурнахъ», и литаврщики, а также тулумбасъ (или «набатъ»—строевой барабанъ). Въ эти музыканты назначались ихъ собственные дворовые люди, которыхъ они и обучали на свой же счетъ. За полками тянулись вьючныя лошади и огромные обозы съ разнымъ провіантомъ, да съ орудіями для подкоповъ и приступовъ,—стѣнобитныя пушки (туры); съ ними слѣдовали хлѣбопеки, мясники, квасовары; наконецъ, сзади гнали рогатый скотъ на убой.

Если послѣ битвы оставались тяжело раненые и притомъ неимущіе,—ихъ отвозили въ монастыри на пожизненное прокормленіе. Монастыри же въ тѣ времена бывали очень богаты, такъ какъ они владѣли тысячами десятинъ съ крестьянами, которыхъ также

отдавали въ земское войско. Земли съ крестьянами раздавались и архіерейскимъ домамъ.—За раны вообще и за отличіе ратники награждались деньгами,—по пяти руб. на человѣка. А если ловили дезертировъ,—ихъ жестоко били кнутомъ и доставляли снова въ полкъ. Казаки же своихъ бѣглецовъ убивали изъ луковъ на мѣстѣ поимки.

Каковы могли быть земскіе ратники на полѣ брани, даже въ походѣ,—вообразить не трудно.... Обыкновенно въ походѣ они шли безъ оружія, которое бросалось на возы; но въ виду непріятеля, они хватались за свои пищали и бердыши, и встрѣчали врага довольно храбро; однако, нерѣдко несли пораженіе. Какихъ же отвагъ можно было ожидать отъ людей, не обученныхъ военному искусству, полуголодныхъ (такъ какъ они сами себя продовольствовали); —отъ людей, собранныхъ съ разныхъ мѣстъ государства и отъ всѣхъ племенъ, между которыми попадались и монастырскіе служки, и казанскіе татары, и провинившіеся церковно-служители, и хохлы, и сибиряки;—отъ людей, не пріученныхъ къ военной дисциплинѣ?....

Современники описывали эти войска такъ: «Всѣ они бьются разными способами—кто чѣмъ можетъ, ученій у нихъ не бываетъ, и потому строя никакого не знаютъ; на непріятеля бросаются отважно и съ крикомъ, подражая татарамъ,—но когда оробѣютъ, пускаются назадъ, какъ зайцы» *).

*) Точно такъ вели войны и древніе греки: предъ битвой они съ воинственнымъ духомъ кричали (отъ страха), а какъ только начиналось сраженіе,—пускались въ бѣгство.

Конечно, нельзя было требовать отъ этой неустроенной массы, кое-какъ вооруженной, подвиговъ Ливонскихъ рыцарей, знаменитыхъ въ то время своей храбростью и воинскимъ искусствомъ. И потому нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые трусливые крестьяне и пономари, при видѣ сильнаго врага, бросали пищали, бердыши, сулицы и даже «шишаки» (конусообразные шлемы), или «ерихонки» (грузинскіе шлемы),—и, подобравши полы, быстро убѣгали съ поля сраженія, подобно зайцамъ.... Замѣчательно, что медленность была отличительной чертой военнаго искусства въ томъ вѣкѣ; къ тому же, полководцы не отличались военнымъ образованіемъ.

Когда Голицынъ порѣшилъ было взять Перекопъ штурмомъ, ханъ *Селимъ-Гирей* тотчасъ ухитрился предложить ему переговоры о мирѣ. Не смотря на то, что крѣпость была слабо защищена, духъ нашего войска былъ еще въ возбужденномъ состояніи, послѣ пораженія татаръ въ пути между Днѣпромъ и Перекопомъ; не смотря на быстрое уменьшеніе въ полкахъ провіанта и фуража,—не смотря на всѣ столь важныя обстоятельства, Голицынъ на переговоры охотно согласился. Гонцы слѣдовали за гонцами, а время уходило... Въ полкахъ появились даже болѣзни... Послышался ропотъ.... А хитрый ханъ, между тѣмъ, становился все менѣе сговорчивымъ. Когда же крѣпость Перекопъ достаточно укрѣпилась, Селимъ-Гирей прямо объявилъ, что онъ не иначе будетъ продолжать переговоры, какъ по полученіи изъ Россіи за прежнее время дани. Тогда только Голицынъ опомнился, но было уже поздно.

Петръ Великій, задумавъ основать морскую силу Россіи, сперва затруднялся гдѣ именно устроить флотъ? Бѣлое море слишкомъ отдалено отъ Европы, по Каспійскому можно было завести торговыя сношенія только съ Персіей.... Петръ остановился на Черномъ морѣ. Для этого необходимо было отнять у Турціи устья рѣкъ Днѣпра и Дона. Такъ какъ походы Голицына въ Крымъ оказались весьма неудачными (за что онъ и былъ сосланъ, по восшествіи царя на престолъ), то императоръ объявилъ Турціи войну *).

Въ гор. Воронежѣ и городкѣ Тавровѣ, недалеко отъ перваго, устроили корабельную верфь и къ веснѣ 1696 года успѣли построить 30 военныхъ судовъ, при дѣятельномъ участіи самаго Петра, обучавшагося кораблестроенію въ голландскомъ гор. Саардамѣ. Одна армія послана была на Днѣпръ, гдѣ и овладѣла всѣми турецкими крѣпостями, а другая—къ Азову. При осадѣ сего города, русская флотилія состояла изъ двухъ фрегатовъ, четырехъ брандеровъ, двухъ галіотовъ и 23 галеръ. Въ числѣ капитановъ сего флота находился и самъ Петръ, подъ именемъ Петра Михайлова. Два мѣсяца тянулась осада; наконецъ турецкія суда отъ устьевъ р. Дона были отбиты. Нѣсколько разъ Нурединъ-султанъ съ крымскими татарами бросался на русскія войска

*) Кн. Вас. Голицынъ былъ сосланъ, преимущественно, за то, что безъ Указа царей Петра и Іоанна (которые, какъ извѣстно, царствовали одновременно, а сестра ихъ царевна Софія была правительницей), установилъ писать во всѣхъ дѣлахъ и посольскихъ грамотахъ Софію «Самодержицей»;—однако, въ вину ему также было постановлено и то, что онъ въ походахъ противъ Крыма могъ сдѣлать что нибудь, но «ничего не учинилъ».

въ помощь Турціи. Азовъ былъ взятъ приступомъ. Послѣ Азовской побѣды, Петръ рѣшился покорить весь сѣверный берегъ Чернаго моря, устроить въ Крыму главный портъ и основать русское владычество на этомъ морѣ; даже думалъ построить здѣсь столицу....

Но эти планы не пришлось ему осуществить при жизни. Екатерина II довершила то, что онъ началъ.

Гетманъ Мазепа, предъ измѣной,—до перехода къ шведскому королю Карлу XII, вмѣстѣ съ запорожцами,—сильно нуждался въ вспомогательномъ войскѣ; почему и вошелъ въ сношеніе съ ханомъ Хазы-Гиреемъ. этотъ послѣдній послалъ къ нему въ 1705 году грамоту, въ которой дружески обнадеживалъ его.... Но Полтавская битва разстроила ихъ замыслы.

Послѣ этой побѣды (въ 1709 г.), часть запорожцевъ бѣжала въ Турцію,—въ Бендеры, а нѣкоторые изъ нихъ остановились при устьѣ р. Каменки (впадающей въ Днѣпръ), и прибѣгнули къ защитѣ сего хана. Однако, это покровительство было для нихъ хуже неволи; такъ напр., ихъ гоняли на тяжелыя земляныя работы, во время постройки Перекопской оборонительной линіи, и за этотъ трудъ ничѣмъ ихъ не вознаграждали; нерѣдко татары ихъ вербовали и водили съ собой противъ Персовъ, въ Дагестанъ.

При императрицѣ Аннѣ,—вслѣдствіе нарушенія татарами мира (они прорвались черезъ русскія войска въ Дагестанъ, чтобы содѣйствовать Турціи въ войнѣ ея съ Персіей),—въ 1736 году, лѣтомъ, графъ Минихъ подошелъ къ Перекопу и осадилъ эту крѣпость. Преж-

де всего онъ оповѣстилъ хана, что русскія войска пришли для опустошенія Крыма за частые набѣги татаръ на Украйну; онъ требовалъ добровольно принять русскихъ въ городъ и признать надъ собою покровительство Россіи. Ханъ оправдывался, увѣряя, что набѣги совершались только ногайцами, удержать которыхъ отъ хищничества онъ не въ состояніи,—заявилъ, что уступить Перекопъ не можетъ, такъ какъ въ немъ турецкій гарнизонъ, подчиненный Турціи, а не ему,—и предлагалъ вступить въ переговоры о мирѣ....

Тогда Минихъ, тотчасъ по удаленіи ханскаго парламентера, приказалъ войскамъ двинуться впередъ. Одни полки перешли глубокій ровъ, подъ сильнымъ изъ крѣпости огнемъ, а другіе—подошли прямо къ стѣнамъ Перекопа. Гарнизонъ изъ янычаръ, послѣ нѣкотораго сопротивленія и даже рукопашнаго боя въ одной изъ башень, вынужденъ былъ выбраться.

Занявъ Перекопъ, Минихъ назначилъ здѣсь главную свою квартиру. Тутъ были найдены русскія орудія временъ неудачныхъ походовъ кн. Голицына.

Отсюда русскія войска двинулись на Евпаторію, которую татары успѣли сжечь и раззорить. Гарнизонъ же ихъ поспѣшилъ отплыть на турецкихъ судахъ въ море. Однако, въ Евпаторіи нашли большой запасъ пшеницы, которая значительно поддержала солдатъ.

Затѣмъ, отрядъ пѣхоты, вмѣстѣ съ драгунами, донскими и запорожскими казаками, направился къ Бахчисараю, раззоряя на пути татарскія селенія и уводя ихъ скотъ и овецъ. Бахчисарай былъ сожженъ.

Оттуда войска, возвращаясь обратно, опустошили всю западную часть Крыма.

Благодаря открытію въ Малороссіи почтовыхъ сообщеній, войскамъ подвозили снаряды посредствомъ «телѣжной почты». Имѣя возможность постоянно получать инструкціи изъ Петербурга и требовать подкрѣпленій черезъ «полевую почту», состоявшую изъ всадниковъ ямщиковъ *), безостановочно доставлявшихъ казенные пакеты,—Минихъ долго продержался бы здѣсь. Онъ могъ окончательно занять Крымъ, такъ какъ татары, не имѣя регулярнаго войска, внутри страны были почти безсильны. Однако, по недостатку для 50-тысячной арміи продовольствія, Минихъ не въ состояніи былъ утвердиться на полуостровѣ **).

Въ слѣдующемъ году графъ Ласси, перейдя черезъ Сивашъ, раззорилъ восточную сторону края и обратилъ въ развалины Каразубазаръ. Въ то время ханомъ былъ Капланъ-Гирей, который поджидалъ Ласси у Перекопа, гдѣ и собралъ всю конницу, независимо отъ гарнизона изъ янычаръ. Когда же русскіе зашли имъ въ тылъ, ханъ бѣжалъ. За неумѣніе отразить непріятеля, турецкій султанъ отозвалъ его изъ Крыма.

Въ 1768 году возгорѣлась снова война съ Турціей, и татары опять вышли къ туркамъ на помощь. Тогда

---

*) *Ямщикъ*—отъ татарскаго слова „ям-чи" (проводникъ). Ямщики заведены впервые татарами, которые всегда держали по своимъ дорогамъ гонцевъ для сношеній между собой; эти гонцы помѣщались въ опредѣленныхъ пунктахъ (ямахъ), куда доставлялся кормъ и лошади. Въ Россіи же ямщики составляли особое сословіе, не платившее податей; они считались на царской службѣ, принимали присягу въ вѣрности, получали жалованье.

**) Войска его взяли съ собой въ походъ всего на два мѣсяца съѣстныхъ припасовъ; главный же обозъ не могъ тронуться изъ Украйны, по недостатку подводъ.

главнымъ полководцемъ былъ графъ Румянцевъ. Екатерина II, желая ободрить его, писала къ нему: «Римляне не считали своихъ враговъ, а только спрашивали: гдѣ они»? Румянцевъ, слѣдуя по лѣвому берегу р. Прута съ 17-тыс. войска, неожиданно увидалъ въ сторонѣ сто-тыс. конницу татаръ. Не долго думая, крикнулъ онъ своимъ солдатамъ: «Не рогатки *), а огонь и мечъ будутъ намъ защитою»!—и двинулся на укрѣпленный лагерь Девлетъ-Гирея, при р. Ларгѣ. Быстро овладѣлъ имъ и татаръ обратилъ въ бѣгство. Весь лагерь хана достался русскимъ. Такимъ образомъ, Румянцевъ не далъ татарамъ соединиться съ турками **). Татары, узнавъ вскорѣ о пораженіи турокъ при р. Кагулѣ и обратной переправѣ арміи султана Мустафы III, за р. Дунай,—бѣжали къ крѣпости Очакову (основанной въ XV стол. Менгли-Гиреемъ), гдѣ и укрѣпились. Но и Очаковъ вскорѣ былъ взятъ.

Въ этой кампаніи русскимъ войскамъ содѣйствовали на р. Дунаѣ запорожцы (принявшіе русское подданство въ 1733 году), куда они приплыли на лодкахъ. Подобно своимъ предкамъ, они отважно бросались на турокъ и не допускали ихъ на лѣвый берегъ Дуная. По окончаніи же войны, всѣхъ казаковъ славной «Сѣчи» поселили на р. Кубани (въ 1775 г.). Хотя они на Таманскомъ полуостровѣ, при Екатеринѣ II, имѣли свое «войсковое правительство» (состоявшее изъ атамана, судьи и писаря), но впослѣдствіи подчи-

*) Рогатками русскіе прикрывались во время натиска татарской конницы.

**) Въ этихъ битвахъ принимали участіе: Григорій Алекс. Потемкинъ, Александръ Вас. Суворовъ и Михаилъ Илар. Кутузувъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

нялись Таврическому губернатору. Это Кубанское войско, или Черноморскіе казаки оберегали русскія пограничныя владѣнія отъ кавказскихъ горцевъ. Они пользовались привилегіями; напр., податей не платили, всѣ доходы съ земель и съ озеръ брали въ свою пользу. Однако, обмундировку и вооруженіе должны были заготовлять на свой счетъ.

Послѣ Кагульской битвы татары окончательно потеряли надежду на помощь со стороны обезсиленнаго султана и уже опасались углубляться въ Украинскія степи. Съ водвореніемъ же воинственныхъ малороссіянъ въ Новороссійскихъ равнинахъ,—жестокіе набѣги татаръ совсѣмъ прекратились.

VII.

Покореніе Крыма. Селимъ-Гирей и Сагибъ-Гирей. Джанъ-Мамбетъ-бей. Карасубазарскій трактатъ. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ относительно Тавриды. Прибытіе турецкаго флота съ дессантомъ. Измѣна Сагибъ-Гирея. Предательство резидента Веселицкаго. Гаджи-Али-паша. Девлетъ-Гирей. Калга-султанъ Шагинъ-Гирей. Избраніе его ханомъ.

Во время Турецкой войны 1768—1774 годовъ, для охраненія южныхъ границъ Россіи, князю Долгорукову ввѣренъ былъ 38-тысячный корпусъ. Въ 1769 и 1770 годахъ онъ удачно отражалъ набѣги ногайцевъ и не выпускалъ татаръ изъ Крыма; а вскорѣ и самъ вторгнулся въ предѣлы Тавриды.

Это было лѣтомъ 1771 года. Авангардъ подъ командой генерала кн. Прозоровскаго остановился за три версты отъ Перекопа. Увидавъ русскія палатки, татары выѣхали изъ крѣпости, но столкнулись съ казаками и произошла стычка. Казаки захватили нѣсколько плѣнныхъ, которые показали, что Селимъ-Гирей съ четырьмя тысячами намѣревается на слѣдующій день броситься на русскихъ. Тогда кн. Долгоруковъ распорядился предупредить ихъ. Въ туже самую ночь,—съ 12 на 13 іюня,—три полка казаковъ, тридцать

эскадроновъ кавалеріи (состоявшей изъ драгунъ; гусаръ и карабинеровъ) и четыре баталіона пѣхоты, при 14 орудіяхъ, отважно перешли черезъ Сивашъ. Къ утру всѣ татарскія укрѣпленія были уже атакованы съ тыла. Утромъ-же вся перекопская оборонительная линія, не смотря на огромную величину рва (имѣвшаго 18 сажень ширины и 7 сажень глубины), была тоже занята. Но во время перевозки орудій черезъ Сивашъ, десять изъ нихъ тамъ завязли, такъ что для вытаскиванія ихъ потребовалось отрядить сотни двѣ солдатъ. Татары, увидавъ себя столь неожиданно окруженными,—вдругъ опустили крѣпостной подъемный мостъ и бѣжали, безъ всякаго сопротивленія, во внутрь полуострова; бросили въ крѣпости множество оружія, 135 пушекъ, 11 мортиръ, да 2000 пудовъ пороха и весь запасъ провіанта.

Вступивъ на Перекопскій перешеекъ, Долгоруковъ послалъ генерала кн. Щербатова, черезъ Геническій проливъ, занять другой выходъ изъ Крыма Арабатскую крѣпость (Арбатъ, на югѣ Гнилаго моря или Сиваша) *); а генерала Брауна направилъ въ Козловъ (Евпаторію). Самъ же двинулся къ Кефе (Ѳеодосіи). И такъ, образовалось три отряда, которые имѣли между собой постоянное сообщеніе.

Кр. Арабатъ, стоявшая на песчаной косѣ и окруженная бастіонами, была взята штурмомъ **). Евпато-

*) У татаръ это море называлось „Улу денизъ",—также „Чувашъ".

**) Въ ней былъ найденъ подземный ходъ къ Азовскому морю. Эта крѣпость имѣла также важное значеніе и при босфорцахъ: она защищала Босфорское царство отъ варваровъ.

рія же не сопротивлялась, такъ какъ, съ приближеніемъ колонны Брауна, турецкій гарнизонъ съ нѣкоторыми городскими жителями поспѣшилъ отплыть на стоявшемъ у берега караблѣ.

Долгоруковъ своимъ отрядомъ 29-го іюня взялъ Ѳеодосію, не смотря на оборону города турецкими янычарами, за знаменитыми генуэзскими крѣпостными стѣнами *). Турки бросились спасаться на корабли. Вскорѣ Щербатовъ занялъ Керчь и Еникале, а Прозоровскій—Бахчисарай и Балаклаву. Всѣ приморскія укрѣпленія, безъ особаго сопротивленія, покорились русскимъ. Наконецъ былъ взятъ генер. Уваровымъ и полуостровъ Тамань (древній Тмутаракань), бывшее владѣніе одного изъ предковъ Долгорукова (Мстислава, сына св. Владиміра).

При движеніи русскихъ полковъ во внутрь Крыма, войска постоянно встрѣчались съ небольшими конными отрядами татаръ,—особенно въ гористой части, гдѣ послѣдніе, укрываясь въ садахъ, лѣсахъ и за скалами, сильно безпокоили русскихъ частой перестрѣлкою. Нерѣдко, вдругъ они наѣзжали толпою и кружились вокругъ; тогда ихъ оттоняли картечью. Отрядъ, въ которомъ находился Селимъ-Гирей, отличался отъ прочихъ большимъ полосатымъ знаменемъ краснаго и бѣлаго цвѣтовъ.

Долгоруковъ, покоривши Крымъ, обязалъ всѣхъ татаръ оставить оружіе и разойтись по своимъ мѣстамъ. Тѣ изъ нихъ, которые бѣжали въ горы, убѣ-

*) Части этихъ стѣнъ и теперь еще видны, но скоро могутъ рухнуть.

дившись, что ихъ напрасно не преслѣдуютъ, тоже возвратились къ своему очагу. Ногайцы, содѣйствовавшіе татарамъ въ этой войнѣ, были выведены изъ Крыма и водворены на ихъ степяхъ. Но плѣнныхъ турокъ не отпустили; ихъ отправили съ русскими войсками въ Россію.

Селимъ-Гирей, видя полное пораженіе, бѣжалъ въ Турцію, подъ защиту султана Мустафы III. Тогда ханомъ былъ избранъ Сагибъ-Гирей (сынъ Ахметъ-Гирея), а колга-султаномъ къ нему - младшій братъ его Шагинъ-Гирей. Нурединъ-султаномъ назначенъ племянникъ ихъ Батыръ-Гирей. Всѣ они, за присягой предъ народомъ, отложились отъ Порты Отоманской *).

Отдѣленіе Крымскаго ханства отъ турецкой зависимости совершенно согласовалось съ политикой Россіи. Екатерина II въ 1770 году писала гр. Никитѣ Панину, что у нея нѣтъ намѣренія владѣть Крымомъ и Ногайскими ордами, а только желательно, чтобы всѣ эти народы отказались отъ турецкаго подданства и сами остались-бы независимыми. Тогда Турція,—писала она,—не станетъ тревожить границъ Россіи, не будетъ посылать своихъ войскъ черезъ р. Дунай, имѣя вправо независимыхъ татаръ. Императрица рѣшилась не прекращать военныхъ дѣйствій, пока Порта не признаетъ, посредствомъ мирнаго съ Россіей договора, независимости Крыма съ ея ордами; причемъ Россіи должно имѣть въ виду и свободное плаваніе по Черному морю. Для охраненія же татаръ отъ турокъ, не

*) Сагибъ-Гирей избранъ своимъ народомъ, а не по усмотрѣнію турецкаго султана, благодаря конгрессу, на которомъ власть султана въ этомъ отношеніи ограничили.

обходимо оставить русскій гарнизонъ въ крѣпостяхъ, лежащихъ у Керченскаго пролива,—въ Еникалѣ и Тамани; тамъ же будетъ стоять и Азовская флотилія.

Наши дипломаты, склоняя татаръ къ объявленію себя независимыми, въ тоже время привлекали ихъ въ дружескій союзъ съ Россіей. Вскорѣ многолюдныя Ногайскія орды, дѣлившіеся на Эдисанскихъ, Буджацкихъ, Эдишкульскихъ и Джамбулуцкихъ татаръ,—первыя отказались отъ турецкой зависимости. Въ этомъ дѣлѣ много содѣйствовалъ глава первыхъ двухъ ордъ Джанъ-Мамбетъ-бей. Онъ жилъ у Эдисанскихъ татаръ, кочевавшихъ между Днѣпромъ и Бугомъ. Когда ногайцы признали покровительство Россіи, ихъ поспѣшили перевести на Кубанскія земли, къ Кубанскимъ и Азовскимъ ногайцамъ. Во время переправы ногайцевъ черезъ Днѣпръ, имъ помогали запорожцы—продовольствіемъ и самой переправой на лодкахъ, подъ командой войсковаго старшины Третьяка. По приходѣ ихъ на Кубань, правительство наше оказывало имъ всякія пособія, преимущественно хлѣбомъ. Начальствующія надъ ними лица получали отъ казны подарки, присылавшіеся изъ Москвы, какъ-то: золотыя и серебрянныя галантерейныя вещи, шелковыя и суконныя матеріи и разные мѣха. А Джанъ-Мамбетъ-бей получилъ до пяти тысячъ рублей, въ видѣ вознагражденія за убытки. Подарки имъ подносились, «чтобы дать имъ возчувствовать разность настоящаго ихъ положенія предъ прежнимъ»,—какъ писали тогда. Эти награды раздавались по усмотрѣнію особаго полномочнаго ге-

нералъ-поручика Щербинина, управлявшаго «Коммиссіей татарской» *).

Сагибъ-Гирей (Саабъ-Гирей) въ 1772 году отправилъ въ Петербургъ посольство о своемъ избраніи, прося союза и покровительства Россіи. Императрица признала Сагибъ-Гирея независимымъ ханомъ Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ, принявъ и покровительство надъ этими народами. Вслѣдъ затѣмъ, черезъ кн. Долгорукова, были высланы и крымскимъ знатнымъ татарамъ подобные же подарки; между ними было два костыля: одинъ—чисто золотой; а другой—съ брильянтами и изумрудами, преподнесенный хану. Тогда же къ нему былъ назначенъ повѣренный въ дѣлахъ ст. сов. Веселицкій.

Такъ какъ татары прежде были крайне безпокойными сосѣдями Россіи, то Екатерина, въ обезпеченіе своихъ границъ, потребовала отъ хана «амапатовъ» (заложниковъ),—что и было исполнено. Были отправлены два Шагинъ-Гирея; одинъ изъ нихъ—братъ Сагибъ-Гирея, а другой—братъ Селимъ-Гирея (изъ другаго поколѣнія, называвшихся Чобанъ-Гиреями).

Для поддержанія же порядка въ Крыму и для занятія карауловъ въ приморскихъ городахъ, оставлена была часть войска: шесть полковъ пѣхоты, три полка кавалеріи и одинъ батальонъ егерей. Сверхъ того, учреждены были по береговой линіи казачьи посты, слѣдившіе за появленіемъ турецкихъ судовъ. А около Крымскихъ береговъ крейсировали десять

*) Онъ же состоялъ начальникомъ Слободской губерніи (въ Украйнѣ)

небольшихъ плоскодонныхъ судовъ подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина.

Провіантъ для войскъ сперва доставлялся въ Керчь на отнятыхъ у турокъ корабляхъ и на греческихъ судахъ. А во внутрь края—привозился чумаками въ главные магазины, бывшіе въ Перекопѣ, Козловѣ и дер. Сарабузы. Запасы же пороха и амуниціи хранились въ одномъ Перекопѣ.

Въ томъ же 1772 году, 1-го ноября, въ Карасубазарѣ *),—главномъ тогда торговомъ городѣ,—былъ заключенъ мирный и союзный трактатъ между Россіей и Крымскимъ ханствомъ. По этому договору татары приняли покровительство Россіи; крѣпости Еникале и Керчь, съ принадлежащими къ нимъ землями, утвердились за Россіей, съ правомъ рыбной ловли на всемъ Азовскомъ морѣ («Азакъ-денизъ») и въ Керченскомъ проливѣ («Тамань-богазъ»). Полуостровъ же Тамань и Ногайскія степи остались пока за ханствомъ. Этотъ трактатъ заключенъ при дѣятельномъ участіи Полномочнаго Щербинина.

А въ 1774 году, 10 іюля, заключенъ и съ Турціей въ дер. Кучукъ-Кайнарджи миръ, по которому Крымъ объявленъ независимымъ отъ Турціи. Съ того времени Россія пріобрѣла право плаванія по Черному морю («Кара-денизъ») и право прохода черезъ Дарданелы въ Средиземное море.

Послѣ заключенія сего мира, въ іюлѣ же того года, съ береговыхъ постовъ дали знать Долгорукову,

*) «Кара-су-базаръ» въ переводѣ: черной-воды-рынокъ; рѣчка при этомъ городѣ получила названіе Карасовки.

что турецкій флотъ, подойдя къ Алуштѣ *), не смотря на сопротивленіе, высадилъ дессантъ и устроилъ въ этомъ мѣстечкѣ свой лагерь. Долгоруковъ поспѣшилъ туда. Проведя войска горами и лѣсами, остановился онъ у дер. Ени-сала и немедленно отрядилъ генералъ-поручика гр. Мусинъ-Пушкина съ семью батальонами пѣхоты къ непріятелю, а самъ остался съ двумя батальонами пѣхоты и двумя полками кавалеріи прикрывать тылъ его. Между тѣмъ турки, отдѣлясь отъ Алушты, въ количествѣ семи тысячъ, заняли твердую позицію предъ дер. Шума. Русскими сдѣлана была атака,—турки встрѣтили ее сильнымъ огнемъ изъ пушекъ и ружей. Тогда Мусинъ-Пушкинъ бросился на непріятеля въ штыки и взялъ батареи, при содѣйствіи генер.-маіоровъ Якобія и Грушецкаго, сек.-маіора Шипилова, полк. Либгальта и другихъ офицеровъ. А сек.-маіоръ Преторіусъ разбилъ и прогналъ турокъ изъ дер. Демерджи. Масса ихъ погибла, частью въ пропастяхъ, частью на мѣстахъ боя; взято четыре пушки и нѣсколько знаменъ турецкихъ.

Независимо отъ турокъ, и татары въ то самое время бросались на команды Прозоровскаго; даже самъ ханъ съ множествомъ татаръ пытался было овладѣть главнымъ обозомъ Долгорукова. Но эти нападенія были имъ отбиты. Только много погибло погонцевъ изъ малороссовъ,—до тысячи человѣкъ. Тогда турки смирились, укрѣпившись однако въ своемъ лагерѣ

Оттуда часть дессанта вскорѣ устремилась, вдоль

*) Древній «Алустонъ»;—въ Алуштѣ имѣются остатки крѣпости, построенной римлянами при импер. Юстиніанѣ

берега, къ Ялтѣ. Пробравшись черезъ скалы, овраги и лѣса, турки, благодаря помощи со стороны татаръ, атаковали этотъ постъ, которымъ командовалъ маіоръ Салтановъ. Когда всѣ патроны у солдатъ вышли, онъ бросился въ штыки, но его самаго турки закололи; тогда обезсиленная его команда едва штыками же пробилась, черезъ Мердвень, къ Балаклавѣ. При нападеніи на Ялту, жители бросились въ церковь, но турки взорвали ее во время богослуженія. Пострадали въ то время и казачьи посты вдоль Южнаго берега.

Вскорѣ затѣмъ къ Долгорукову въ дер. Сарабузы, гдѣ стоялъ его лагерь, прибыли чугадары съ извѣстіемъ о заключенномъ мирѣ. Прекративъ тотчасъ военныя дѣйствія, онъ пожелалъ видѣть Веселицкаго; но, къ удивленію, узналъ, что его нѣтъ въ Бахчисараѣ. Оказалось, что сего «резидента», по приказанію хана, внезапно отвезли въ Алушту къ сераскиру Гаджи-Али-пашѣ, начальнику турецкаго дессанта,—для отправленія въ Константинополь.

Это насиліе совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ: за мѣсяцъ до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, Веселицкій сталъ замѣчать сильное броженіе въ народѣ, благодаря пропогандѣ муллъ, которые въ мечетяхъ возбуждали татаръ къ возстанію противъ русскихъ, приводя изъ корана нѣкоторыя, подходящія къ сему случаю, изрѣченія.... Многіе мурзы начали собирать конницу, съ которой должны были, при появленіи турецкаго флота у береговъ Крыма, броситься на всѣ посты и перерѣзать русскія команды. На скалахъ, у береговъ моря, были разставлены пикеты изъ добро-

конныхъ всадниковъ,—чтобы скорѣе дать знать хану, какъ только покажутся на горизонтѣ корабли. Когда же турецкій флотъ подошелъ къ берегу, тотчасъ былъ отправленъ къ Сагибъ-Гирею и его правительству переодѣтый турокъ съ письмомъ отъ Гаджи-Али-паши. Онъ писалъ: «Порта, снисходя къ вашей просьбѣ, отправила для освобожденія Крыма войско, которое стоитъ противъ дер. Такли; но такъ какъ русскіе могутъ затруднить высадку, поэтому татары должны со всѣхъ сторонъ сдѣлать на нихъ одновременно нападеніе, а самому хану устремиться на тѣ войска, которыя стоятъ противъ флота». Тогда вооруженные татары большими толпами стали съѣзжаться въ сборные пункты и въ Бахчисарай.

Веселицкій потребовалъ ханской аудіенціи, чтобы объяснили ему причину такихъ сборищъ и слуховъ о ханскомъ походѣ. Ханъ и кады-эскеры увѣряли его и клялись, что они свои обязательства предъ Россіей свято исполняютъ,—въ подтвержденіе чего, при немъ цѣловали коранъ. Для большаго еще убѣжденія, – въ тотъ же день ханъ распустилъ татаръ изъ Бахчасарая. Однако «телалъ» (глашатай) по улицамъ кричалъ, чтобы никто, подъ страхомъ казни, не смѣлъ разглашать о турецкомъ флотѣ, о ханскомъ походѣ и о другихъ военныхъ приготовленіяхъ. Конечно, обо всемъ этомъ Веселицкій сообщалъ Долгорукову.

Странно, что Долгоруковъ этимъ донесеніямъ не вѣрилъ и не подалъ помощи Веселицкому, когда онъ о томъ самъ уже просилъ.

Для большей свободы дѣйствій, хану нужно было

русскаго резидента удалить изъ Бахчисарая. Для этого употребили не особенную хитрость,—простой обманъ. Къ Веселицкому утромъ 24 іюля явился „капухалкъ“ съ приглашеніемъ на конференцію. Когда резидентъ выѣхалъ со свитой на главную улицу,—къ удивленію, обѣ ея стороны были запружены множествомъ вооруженныхъ татаръ, между которыми онъ проѣхалъ, впрочемъ, до ханскаго дворца благополучно. Но у самыхъ воротъ одинъ изъ татаръ вдругъ обнажилъ саблю и, прикоснувшись ею къ его мундиру, закричалъ: «Сойди съ лошади, гяуръ»! (невѣрный). Веселицкій, видя себя въ опасности, поспѣшилъ сойти; вслѣдъ за тѣмъ, сзади раздались крики: „коли! руби! стрѣляй!“ Но чиновникъ быстро ввелъ его со свитой же во дворецъ,—только не въ тотъ залъ, гдѣ собирался ханскій диванъ, а въ особую комнату. И тутъ татары черезъ окно прицѣливались въ нихъ. Когда Веселицкій спросилъ: «Не это-ли пріятельская конференція, на которую я приглашенъ?» ему сказали: «Не прогнѣвайся,—таково ханское повелѣніе!» Немного спустя, схватили его свитскихъ офицеровъ и чиновниковъ, и за волосы вывели ихъ, оставивъ при немъ только пасынка и переводчика. Вскорѣ послышались выстрѣлы; оказалось, что татары перестрѣляли всѣхъ казаковъ, конвойныхъ Веселицкаго, до 30 человѣкъ. Тогда съ угрозами потребовали его шпагу.

Какъ только Сагибъ-Гирей выѣхалъ изъ Бахчисарая со своимъ отрядомъ противъ Долгорукова, тотчасъ подвели къ воротамъ Веселицкаго съ его пасынкомъ и переводчикомъ Дементьевымъ, и потребовали

скорѣе садиться на коней, говоря: «дорога, куда ѣхать, не близка». Ихъ окружили двадцать вооруженныхъ татаръ и, въ сопровожденіи чиновника, повезли горами. Дорогою чиновникъ отнялъ у резидента часы, сказавъ, что эту вещь все равно турки отнимутъ.

По пріѣздѣ въ Алушту, Веселицкаго помѣстили въ особой палаткѣ, гдѣ поставили и стражу изъ 12 янычаръ. Ночью одинъ изъ нихъ хотѣлъ было всѣмъ невольникамъ отрубить головы, хвалясь, что за это паша его только выбранитъ или отдеретъ, такъ какъ они гяуры. На слѣдующее утро резидента допрашивали о числѣ русскихъ генераловъ и количествѣ при нихъ войска, стоящаго въ Крыму. Потомъ его ввели къ Гаджи-Али пашѣ,—въ его обширную, полуоткрытую палатку, вокругъ которой были выстроены въ нѣсколько рядовъ янычары въ полномъ вооруженіи. Паша принялъ Веселицкаго, не вставая съ атласной софы, но приподнявшись на парчевыхъ подушкахъ. Поданъ былъ табуретъ для резидента, затѣмъ кофе. Гаджи-Али-паша спросилъ:

— Какъ вы этимъ бездѣльникамъ повѣрили?

Веселицкій отвѣчалъ:

— Въ Россіи имѣются люди разныхъ націй и законовъ, и если они поклянутся, по правиламъ своего закона, то имъ вѣрятъ; татары же не только многократно клялись, но клятву свою утверждали цѣлованіемъ корана: какъ же имъ было не вѣрить?

— Вы ихъ не знали, а теперь узнаете—на сколько можно положиться на ихъ клятвы!

Послѣ этой аудіенціи резидента перевели въ одну

изъ каютъ корабля «Патрона». По полученіи вскорѣ извѣстія о мирѣ, сераскиръ его поздравилъ и сказалъ, что онъ у нихъ теперь считается гостемъ; успокоилъ о его семействѣ, которое оставалось въ Бахчисараѣ, сказавъ, что жена и дѣти его живы.

Долгоруковъ писалъ къ Гаджи-Али-пашѣ объ освобожденіи Веселицкаго по случаю окончанія войны,— но безуспѣшно. Его задержали, какъ заложника, на случай какихъ нибудь столкновеній съ русскими властями. Сераскиръ-же отписался такъ: «не могу резидента отпустить, за неполученіемъ о немъ особаго фирмана».

Между тѣмъ, по мирному договору, обѣ державы обязались освободить безъ выкупа, не только военноплѣнныхъ, но и всѣхъ лицъ, «какимъ бы ни было случаемъ попавшихся въ неволю, какого-бы достоинства или степени они не были». Отпустили только переводчика Дементьева.

Тѣмъ временемъ Гаджи-Али-паша, пользуясь слабымъ управленіемъ Сагибъ-Гирея, велъ переговоры съ мурзами Ширинскими и вліятельными татарами о присоединеніи ихъ вновь къ турецкой державѣ. Для большаго въ этомъ успѣха, султаномъ былъ посланъ на одномъ изъ кораблей, стоявшихъ у Алушты (подъ начальствомъ Махмеда, капитанъ-паши),—Девлетъ-Гирей, бывшій ханъ, преданный Турціи. Наконецъ Гаджи-Али-паша ухитрился получить отъ Долгорукова дозволеніе (непростительная его ошибка) перевести свои войска съ флотомъ Махмедъ-паши въ Кефинскую бухту,—подъ тѣмъ предлогомъ, что при Алуштѣ нѣ-

хотѣ стоять было тѣсно, а флоту въ открытомъ морѣ опасно. Но онъ имѣлъ, кромѣ того, другую, болѣе важную цѣль: изъ Ѳеодосіи ему удобнѣе было влiять на татаръ въ пользу Девлетъ-Гирея!

Опасаясь противодѣйствій со стороны калга-султана Шагинъ-Гирея, татары стали вызывать его изъ Петербурга, прося остаться вѣрнымъ Портѣ. Между прочимъ, онъ получилъ письмо отъ Шабасъ-Гирея (бывшаго калги при Селимъ-Гиреѣ), который увѣщевалъ его возвратиться въ Крымъ и оказать услугу Турціи. Но Шагинъ Гирей письменно отвѣчалъ *), что онъ остается при своихъ убѣжденіяхъ и ему, Шабасъ-Гирею, не довѣряетъ.

За такую преданность къ Россіи, Шагинъ-Гирей былъ избранъ, при содѣйствіи Джанъ-Мамбетъ-бея, главнымъ начальникомъ (сераскиромъ) ногайскихъ ордъ. Въ этомъ званіи онъ получалъ отъ русскаго правительства по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ жалованья. Эта огромная сумма была положена ему потому еще, что у него бывали большіе долги, такъ какъ онъ любилъ пожить,—не только въ столицѣ, соблазняясь примѣромъ блестящаго двора, но даже въ Полтавѣ, гдѣ онъ жилъ предъ назначеніемъ къ ногайцамъ.

Вотъ фактъ: вслѣдствіе петербургской веселой жизни, онъ такъ задолжалъ, что вынужденъ былъ заложить въ Москвѣ купцу Лазареву перстень и брильянтовую кисть за 8.500 рублей. Узнавъ объ этомъ, Екатерина (рескриптомъ отъ 22 апрѣля 1772 года)

*) Онъ не былъ грамотенъ; письма ему писали подъ его диктовку, а вмѣсто подписи, онъ прикладывалъ свою именную печать.

повелѣла Щербинину выкупить эти вещи изъ остаточныхъ суммъ по Слободской губерніи.

Вслѣдствіе хитрой политики сераскиръ-паши, которая угрожала престолу Сагибъ-Гирея, государыня особой грамотой предложила Шагинъ-Гирею оставить Кубань и поспѣшить къ брату въ Крымъ, такъ какъ онъ былъ окруженъ людьми, дѣйствовавшими разномысленно. А веденіе политическихъ крымскихъ дѣлъ, по случаю плѣна Веселицкаго, возложено было на генер. Щербинина.

Татары продолжали волноваться. Когда Долгоруковъ отошелъ къ Перекопу, выводя уже свои войска изъ Крыма, татары начали открыто заявлять, что они недовольны правомъ независимости,—желаютъ остаться вѣрными Портѣ, о чемъ уже и обратились къ султану. Кричали, что турецкія войска, по выходѣ русскихъ, останутся въ Крыму и возведутъ въ ханское достоинство Девлетъ-Гирея.

Турецкіе корабли (съ Девлетъ-Гиреемъ и заложникомъ Веселицкимъ) въ началѣ августа того года бросили якоря въ Ѳеодосійской бухтѣ, а девятаго числа Гаджи-Али-паша сошелъ со всѣмъ сухопутнымъ войскомъ въ городъ, при пушечной пальбѣ. Хотя Долгоруковъ настаивалъ на возвращеніи резидента и на оставленіи турками береговъ Крыма, но было уже поздно.

Въ сентябрѣ прибылъ туда изъ Стамбула уполномоченный Фейзулла-эфенди. Собралась у Гаджи-Али паши конференція, въ которой участвовалъ и Сагибъ-Гирей со своими совѣтниками. Фейзулла-эфенди при-

везъ къ крымскому хану и его правительству фирманъ, въ силу котораго они должны были признаться: желаютъ ли независимости или нѣтъ? такъ какъ они обманывали обѣ державы (Россію и Турцію), увѣряя первую, что желаютъ вольности и независимости, и что трактатъ ими подписанъ добровольно; а вторую, что вовсе не домогаются независимости,—хотятъ остаться подъ покровительствомъ Порты, и что они трактатъ заключили по принужденію. Конечно, предъ уполномоченнымъ султана татары подтвердили послѣднее желаніе.

Когда явился къ сераскиру Веселицкій, первый, указывая на резидента, сказалъ эфендію: «Онъ былъ акредитованъ отъ Россійской императрицы при ханѣ Сагибъ-Гиреѣ, а этотъ схватилъ его и прислалъ ко мнѣ, — въ залогъ своей вѣрности и доброжелательства къ Портѣ Отоманской, разграбивъ его домъ и порубивъ всю его свиту и прислугу»!...

Черезъ нѣсколько дней Веселицкому дали свободу. Онъ прибылъ на двухъ арбахъ въ Перекопъ, вмѣстѣ съ освобожденными нѣкоторыми плѣнными. На прощанье Гаджи-Али паша, взявъ свои золотые часы, сказалъ Веселицкому: «Старые пріятели тебя такъ ограбили, что оставили безъ часовъ, а я, какъ новый другъ, дарю ихъ тебѣ на память»!

По выходѣ нашихъ полковъ изъ Крыма, дѣйствительно турецкія войска остались, - не только въ Ѳеодосіи, но разошлись и по другимъ городамъ. Вслѣдствіе такой ошибки Долгорукова,—впрочемъ, сдѣланной на основаніи распоряженія Военной Коллегіи,

предписавшей ему «объ испражненіи крымскаго полуострова»,—гр. Никита Панинъ писалъ, между прочимъ, къ фельдмаршалу Румянцеву:.... «Князь Долгоруковъ, слѣдуя безразсудно—скоропостижному и безразсудному же предписанію Военной Коллегіи, нагородилъ намъ множество бѣдъ и хлопотъ, даже до потрясенія самаго мира»... «Считаю я уже Крымъ совсѣмъ потеряннымъ, предполагая, что турки сего полуострова не испразднятъ, что правленіе тамошнее, обыкнувъ раболѣпствовать игу турецкой власти, захочетъ и впредь отъ оной по прежнему совершенно зависимымъ быть, и что возведенный нами ханъ сверженъ уже, а на его мѣсто опредѣленъ новый, отъ Порты въ семъ достоинствѣ присланный ханъ»....

Ногайскія орды, хотя и поселившіяся на Кубанскихъ земляхъ, подчинялись все-таки Крымскому хану. Чтобы устранить отъ нихъ вліяніе турецкой политики, наше правительство предположило было учредить у ногайцевъ особое правленіе, независимое отъ Крымскаго, подъ начальствомъ того же калга-султана Шагинъ-Гирея. Ему даже внушено было употребить все стараніе объявить самаго себя ханомъ Крымскимъ....

Вскорѣ къ Сагибъ-Гирею изъ Стамбула назначили калга-султаномъ Батыръ-Гирея.

Наконецъ, Девлетъ-Гирей изъ Кефе прибылъ въ Карасубазаръ и собралъ своихъ сторонниковъ (1775 г.) Отсюда улемы, мурзы Ширинскіе и многіе другіе почетные татары разослали «машзаръ» (манифестъ) такого содержанія: «Татарскія поколѣнія и жители Крыма отказались отъ повиновенія свѣтлѣйшему Сагибъ-

Гирей хану; они присоединяются и повинуются свѣтлѣйшему Девлетъ-Гирей хану».

Тогда Сагибъ-Гирею оставалось удалиться. Онъ прибылъ въ Гезлевъ, а оттуда на суднѣ выѣхалъ въ Стамбулъ.

Такъ какъ Девлетъ Гирей былъ избранъ безъ участія ногайцевъ, и такъ какъ онъ не хотѣлъ признавать трактата о независимости ханства, то между вліятельными мурзами возникли споры, а Россіей возбуждена дипломатическая переписка объ удаленіи его самаго изъ Крыма.

Наша политика стремилась къ тому, чтобы надъ всѣми татарами (ногайцами и крымчаками) одинъ былъ властитель—въ лицѣ независимаго хана, который, управляя своимъ народомъ по мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, уважалъ бы заключенные съ Россіей трактаты. Такимъ лицомъ въ данное время являлся Шагинъ-Гирей!

Когда Императрица получила оффиціальное извѣщеніе отъ Девлетъ-Гирея объ избраніи его на ханство, приказала объявить о томъ Шагинъ-Гирею. Послѣдній сталъ просить ея соизволенія къ возведенію его самаго на ханство. Екатерина обѣщала, если только беи, мурзы, улемы и почетные татары отъ имени народа, изъявятъ согласіе имѣть его своимъ ханомъ. Тогда Шагинъ-Гирей, желая лично повліять на крымскихъ татаръ въ свою пользу, выѣхалъ изъ Кубани, подъ охраною русской команды. Съ нимъ возвращался бывшій его товарищъ – аманатъ. Они думали прибыть въ «Ени-кале» (новую крѣпость), гдѣ

находился русскій консулъ. Но черкесы, какъ преданные Турціи, напали на отрядъ, который ихъ сопровождалъ, и обоихъ взяли въ плѣнъ, причемъ Шагинъ-Гирей былъ раненъ саблей. Черкесы плѣнныхъ отослали въ Тамань къ находившемуся тамъ новому калгѣ-султану, а этотъ послѣдній, оставивъ при себѣ раненнаго для излеченія, товарища его препроводилъ въ Бахчисарай. Девлетъ-Гирей приказалъ его повѣсить,—что и было немедленно исполнено.

Шагинъ-Гирей же, по выздоровленіи, успѣлъ бѣжать въ Россію и вскорѣ, при помощи большаго отряда, черезъ Кубанскія же земли, благополучно достигъ Ени-Кале.

Будучи покорнымъ орудіемъ русской политики въ Крыму, онъ изъ Ени-кале, при содѣйствіи своихъ приверженцевъ, началъ вліять на татаръ. Тогда образовались двѣ партіи: одна желала Шагинъ-Гирея, а другая стояла за Девлетъ Гирея. Заручившись такимъ образомъ, избирателями, Шагинъ-Гирей обратился вновь къ Екатеринѣ, прося ея покровительства.

Девлетъ-Гирей, вслѣдствіе дипломатической переписки, не имѣя уже никакой поддержки со стороны Порты, поспѣшилъ выѣхать въ Стамбулъ.

Шагинъ-Гирей, сдѣлавшись ханомъ (въ 1776 г.), не замедлилъ переѣхать въ г. Бахчисарай. Тутъ онъ принялся вводить европейскіе порядки и даже сбрилъ себѣ бороду; занялся обученіемъ и обмундировкой своего войска по образцу русскаго. Эти нововведенія однако, мулламъ и многимъ вліятельнымъ мурзамъ не понравились; они начали роптать на разныя стѣсненія,

кричали что Шагинъ-Гирей ихъ предатель; въ особенности боялись утратить свое право на смѣщеніе хановъ. Наконецъ, недовольная партія фанатиковъ, присоединясь къ мурзамъ Ширинскимъ, возмутила народъ противъ Шагинъ-Гирея.

Видя опасность, онъ тайно выѣхалъ въ Россію (черезъ Ени-кале и Таганрогъ), поручивъ охрану своего ханства усерднымъ своимъ мурзамъ: Батыръ-агѣ Крымтаеву, Черкесъ-Меметъ-бею, Мусса-мурзѣ, Казнадаръ-агѣ (государств. казначею) Меметъ-агѣ Балатукову, Ахметъ-агѣ (капуджи-баши) и Теміръ-агѣ Ногаеву. Эти мурзы разъѣзжали съ войскомъ на судахъ между Θеодосіей и Тарханъ-Кугомъ, и такимъ образомъ преградили всякія сообщенія береговъ Крыма со Стамбуломъ. Бахчисарайскій дворецъ ханъ поручилъ охранять Эръ-мурзѣ Крымтаеву, который назывался «Балджи-баши» (Балчи-баши, — распорядитель ханскихъ пиршествъ), совмѣстно съ Абдувели-пашею (Акъ-маджи-беемъ).

Пользуясь семимѣсячнымъ отсутствіемъ Шагинъ-Гирея, партія Ширинскихъ объявила своимъ ханомъ калга-султана Батыръ-Гирея (Багатуръ-Гирея), черкескаго выходца. Такъ какъ, вслѣдствіе блокады, никто въ море не пропускался, то о содѣйствіи и объ утвержленіи его нельзя было отправить къ султану пословъ; и черезъ Перекопъ они не могли пробраться.

Спустя восемь мѣсяцевъ, Батыръ-ага Крымтаевъ, оберегавшій Θеодосію, сойдя ночью съ корабля, зашелъ къ одному армянину, къ которому Шагинъ-Гирей обѣщалъ писать. Тутъ отъ имени хана получилъ сек-

ретныя бумаги, которыя и были тотчасъ-же разосланы ко всѣмъ мурзамъ, охранявшимъ морскіе берега и Бахчисарайскій дворецъ. Ему же, Батыръ-агѣ, Шагинъ-Гирей повелѣвалъ поспѣшить къ крѣпости «Оръ-Капу», къ которой приближался уже онъ самъ, Шагинъ-Гирей, съ русскими войсками подъ начальствомъ князя Прозоровскаго.

На рѣкѣ Салгирѣ татары, во главѣ Сеитъ-Велиша мурзы Ширинскаго, пытались преградить дальнѣйшее движеніе русскаго войска. Однако они были отражены. Здѣсь русскіе устроили батарею подъ названіемъ «Рашъ».

Отсюда Шагинъ-Гирей послалъ народу возваніе о безусловной покорности ему. Многіе повиновались и разошлись по своимъ мѣстамъ. Но недовольные бросились въ Бахчисарай: умертвили Эръ-мурзу и Абдувели-пашу, разграбили дворецъ и захватили гаремныхъ красавицъ хана. Получивъ это извѣстіе, Шагинъ-Гирей, вмѣсто Бахчисарая, прибылъ въ старый ханскій дворецъ Катыршахъ-Сарай *) и тамъ сталъ наказывать непокорныхъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ подвергалъ голодной смерти въ тамошнихъ темницахъ-могилахъ; онъ былъ до того огорченъ убійствомъ любимыхъ царедворцевъ и расхищеніемъ его прелестныхъ одалыкъ, что не щадилъ никого изъ взрослыхъ мурзъ Ширинскихъ, — преслѣдовалъ ихъ и казнилъ. Но въ тоже время милостиво относился ко всѣмъ тѣмъ, которые остались ему вѣрными. Въ числѣ его приверженцевъ находились также: Ачказъ-мурза Улановъ,

*) Теперь деревня въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ.

Абла-Булюкъ-баши, Меметчи-мурза Кипчакскій, Махметъ-мурза Даирскій и другіе. Обязанность ихъ заключалась въ поимкѣ бунтовщиковъ.

Когда къ Шагинъ-Гирею былъ доставленъ Батыръ-Гирей, ему онъ даровалъ жизнь, какъ невинному и отослалъ на родину, къ черкесамъ.

VIII.

Князь Долгоруковъ-Крымскій. Воспоминанія о Кутузовѣ, графѣ Суворовѣ и баронѣ Игельстромѣ. Послѣдніе годы жизни Шагинъ-Гирея.

Не лишнимъ считаю познакомить читателей съ біографіей кн. Долгорукова-Крымскаго *). Родъ князя Василія Михайловича Долгорукова,—впервые изъ русскихъ полководцевъ вступившаго твердой ногою на Крымскій полуостровъ,—происходитъ отъ св. Владиміра, Равноапостольнаго правнука Рюрика. Изъ предковъ его особенно знаменитъ кн. Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, который умерщвленъ въ Золотой Ордѣ, за нежеланіе поклониться татарскимъ идоламъ; онъ былъ причтенъ къ лику святыхъ. Изъ потомковъ же св. Михаила Черниговскаго извѣстенъ кн. Иванъ Андреевичъ, получившій прозвище «Долгорукій» (по длинѣ своихъ рукъ),—родоначальникъ князей Долгоруковыхъ. Изъ предковъ В. М. Долгорукова прославился еще въ исторіи князь Григорій Борисовичъ, по прозванію «Роща»,—усердный защитникъ Троицко-Сергіевской Лавры, во время нашествія Ляховъ. При

*) О немъ и о Шагинъ-Гиреѣ была уже мною помѣщена въ «Тавридѣ» за 1881 годъ статья. *Авт.*

Петрѣ Великомъ, въ числѣ его ратныхъ сподвижниковъ и любимцевъ, состоялъ князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ, который подъ Азовомъ отражалъ натиски Нурединъ-султана, а потомъ осаждалъ Перекопъ, гдѣ и разсѣялъ татаръ, приходившихъ для защиты этой крѣпости. Отецъ Долгорукова-Крымскаго князь Михаилъ Владиміровичъ, со времени учрежденія сената, былъ въ числѣ первыхъ сенаторовъ, а мать его — княгиня Евдокія Юрьевна происходила изъ дома князей Одоевскихъ.

Самъ Долгоруковъ-Крымскій родился 1-го іюля 1722 г. Будучи еще несовершеннолѣтнимъ, состоя въ нижнемъ чинѣ, онъ особенно отличился подъ начальствомъ графа Миниха въ 1736 году, въ походѣ его въ Крымъ, за что и былъ пожалованъ офицеромъ, не смотря на то, что въ тѣ времена, по проискамъ Бирона, не только запрещено было производить князей Долгоруковыхъ въ офицеры, но возникло даже на нихъ жестокое гоненіе, вслѣдствіе котораго многіе изъ членовъ этой фамиліи погибли—одни отъ рукъ — палачей, другіе въ ссылкѣ,—но съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, гоненія эти прекратились, и Долгоруковъ имѣлъ возможность, командуя Тобольскимъ полкомъ, еще разъ отличиться подъ начальствомъ князя Репнина. Онъ также участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ. Въ день коронованіи Екатерины II онъ былъ пожалованъ полнымъ генераломъ, на 40-мъ году отъ роду, и вскорѣ получилъ Андреевскую ленту. Этими милостями государыня желала его отличить за военныя дарованія.

За подвиги въ Крыму Долгоруковъ былъ награжденъ Георгіемъ I-й степени и табакеркою съ портретомъ императрицы; даже 19 лѣтній сынъ его, состоявшій въ отрядѣ, при взятіи Ѳеодосіи, произведенъ былъ въ полковники. А въ день торжества Кучукъ-Кайнарджійскаго мира онъ еще получилъ: алмазные знаки ордена св. Андрея, алмазную шпагу и титулъ «Крымскаго».

Во время Крымскаго похода Екатерина писала къ нему собственноручныя письма. Въ одномъ изъ нихъ, увѣдомляя о посылкѣ къ нему наградъ, она сообщила объ отпускѣ въ домъ его на починку экипажа 60,000 руб. Такова была щедрость императрицы къ крымскому герою! Въ 1775 году онъ вышелъ въ отставку.

Проведя лучшіе года жизни своей на военномъ поприщѣ, подъ старость Долгоруковъ-Крымскій былъ назначенъ (въ 1780 г.) въ Москву главнокомандующимъ (по граж. упр.) *). Чтобы охарактеризовать нравственныя качества и способности его, приведу нѣсколько данныхъ: Екатерина въ письмахъ своихъ относилась къ нему съ особой благодарностью, указывая на его скромность, на его разумныя, усердныя и искусныя военныя дѣйствія. Когда онъ вступилъ въ должность Московскаго главнокомандующаго, прежде всего, обратясь къ своему правителю канцеляріи Вас. Попову **), сказалъ: «Слушай, Поповъ, я человѣкъ

*) Главнокомандующіе (въ Петербургѣ и Москвѣ) были въ 1816 году переименованы въ Генералъ-Губернаторы.

**) Поповъ былъ впослѣдствіи членомъ государственнаго совѣта и кабинетъ-секретаремъ самой государыни.

военный, въ чернилахъ не окупанъ, и принялъ должность только изъ повиновенія матушкѣ-царицѣ. Смотри, чтобы на меня никто не жаловался, не то я тебя тотчасъ выдамъ. Императрица меня знаетъ; старайся, чтобы она и тебя узнала съ хорошей стороны».

Относительно правосудія Долгорукова разсказывалось въ то время слѣдующее: однажды явилась къ нему мѣщанка и, упавъ на колѣни, со слезами умоляла возвратить ей дорогія вещи, присвоенныя однимъ нѣмцемъ, у котораго она занимала деньги.

— Встань,—сказалъ князь,—и отвѣчай толкомъ, безъ визга: заплатила-ли ты ему долгъ?

— Только, батюшка, тремя днями опоздала; онъ отъ денегъ отказывается и вещей не отдаетъ.

— Опоздала? Такъ ты сама же виновата, а жалуешься. Но точно ли вещи у него?

— Точно, батюшка. Онъ еще не сбылъ ихъ съ рукъ,—проситъ болѣе, чего онѣ стоютъ.

— Хорошо. Поповъ, пошли за нѣмцемъ!

Когда нѣмецъ вошелъ въ кабинетъ, князь встрѣтилъ его словами: «Здравствуй, Адамъ Адамовичъ! (объ имени и отчествѣ онъ узналъ предварительно отъ мѣщанки же). Очень радъ, что имѣю случай познакомиться съ тобою».

— И я очень ратъ,—отвѣчалъ нѣмецъ съ поклонами.

— Ты знаешь эту мѣщанку?

Нѣмецъ ломаннымъ русскимъ языкомъ отвѣчаетъ, что знаетъ; что она брала у него деньги, нажитыя имъ честнымъ трудомъ; что онъ къ этимъ деньгамъ —

часть призанялъ даже у одного человѣка, живущаго одними процентами.

— Честный человѣкъ, Адамъ Адамычъ, не можетъ знаться съ бездѣльниками! Докажи мнѣ свою честность, прошу тебя, удружи мнѣ: она отдастъ тебѣ долгъ, а ты верни ей вещи!

Тогда лукавый нѣмецъ заявилъ, будто онъ вещи ея уже продалъ... неизвѣстному человѣку. Но мѣщанка возразила, что онъ лжетъ, потому что вещи спрятаны у него дома

— Такъ прошу тебя, Адамъ Адамычъ, присѣсть къ моему столу.....

— Помилуйте, фаше сіятельство, много шести, не исфольте песпокоиться; я моху при фаша фелика особа стоять....

— Полно, Адамъ Адамычъ, болтать;—садись, бери перо и пиши къ женѣ своей, - только по русски, чтобы я могъ прочесть;—пиши: «Пришли мнѣ съ подателемъ вещи мѣщанки такой-то».

Хотя нѣмецъ, взявши перо, блѣднѣлъ и дрожалъ, причемъ продолжалъ увѣрять съ клятвою, что у него нѣтъ вещей,—однако, вынужденъ былъ исполнить приказаніе. По этой запискѣ вещи были доставлены и переданы мѣщанкѣ. Отдавая нѣмцу деньги, князь ему сказалъ:

— Ты имѣлъ право вещей не возвратить; но, когда посредствомъ клятвъ надѣялся овладѣть ея собственностью, покушался даже обмануть меня,—то, признавая въ тебѣ ростовщика и лжеца, на первый разъ,—позволяю тебѣ возвратиться домой и помнить,

что съ тобою было!—Затѣмъ, обратясь къ правителю канцеляріи, сказалъ: «Поповъ, записать его въ особую книгу, чтобы онъ былъ у насъ въ виду!»

Князь не получилъ никакого образованія, едва умѣлъ писать *); но былъ прямодушный, доступный для всѣхъ, любилъ тѣшить народъ праздниками и и оказывать помощь, правосудіе всякому.

Онъ умеръ въ Москвѣ 30 января 1782 года, на 60-мъ году отъ рожденія. Въ день его похоронъ всѣ улицы, даже крыши домовъ, были наполнены народомъ; купцы,—поставщики всего нужнаго для его погребенія, отказались отъ платы, почему всѣ эти деньги были розданы нищимъ. Такъ Москва полюбила его! Онъ былъ вполнѣ русскимъ бояриномъ. Жена его Анастасія Васильевна, рожденная Волынская, за его лишь заслуги, получила отъ Александра I-го Екатерининскую ленту.

Чтобы утвердить въ потомствѣ память о доблестяхъ сего историческаго лица, поставленъ ему въ гор. Симферополѣ,—усердіемъ внука его, князя Вас. Вас. Долгорукова, и съ разрѣшенія императора Николая,—памятникъ **). Этотъ памятникъ сооруженъ изъ крымскаго порфира, въ видѣ обелиска; на немъ утвержденъ гербъ князя и портретъ его. Обелискъ поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была его ставка, по возвращеніи въ Симферополь,—куда вскорѣ, въ 1784 году, было перенесено изъ Карасубазара главное управленіе

---

*) Его, какъ и другихъ членовъ семейства, вовсе не учили грамотѣ,—съ той цѣлью, чтобы они не были опасны правительству.

**) Отъ сего памятника «Долгоруковская улица» получила свое названіе.

надъ Крымомъ. Закладка сего памятника совершилась весьма торжественно 5-го апрѣля 1842 года.

Въ арміи Долгорукова состоялъ также (извѣстный впослѣдствіи полководецъ 1812 года) подполковникъ Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ. При атакѣ турецкихъ укрѣпленій подъ Алуштою, въ 1774 году, Кутузовъ для ободренія своего гренадерскаго баталіона изъ молодыхъ солдатъ,—бросается со знаменемъ въ рукѣ впередъ, но вдругъ вражья пуля попадаетъ ему въ лѣвый високъ, вылетая въ правый. Онъ падаетъ и.... теряетъ только правый глазъ. Раненъ былъ возлѣ фонтана «Сунгу-су». *) Онъ продолжалъ служить въ Крыму и при Суворовѣ.

Но что сталось съ Крымскимъ ханствомъ? Хотя Шагинъ-Гирей и считался ханомъ, но именемъ его управлялъ Тавридой знаменитый полководецъ графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, назначенный сюда въ 1776 году. По этому поводу Турецкій султанъ, все таки искавшій случая вмѣшаться въ дѣла ханства, сдѣлалъ дипломатическій запросъ. Ему изъ Петербурга отвѣчали, что русскія войска стоятъ въ Крыму по волѣ самаго хана,—для прекращенія внутреннихъ междоусобій. Но Турція, не довольствуясь такимъ отзывомъ, въ 1778 г. послала къ берегамъ Крыма 160 военныхъ судовъ съ дессантнымъ войскомъ, подъ начальствомъ Гасанъ-Али-паши. Суворовъ поспѣшилъ укрѣпить всѣ приморскіе пункты, гдѣ бы могла быть высадка, и не допустилъ турокъ во внутрь

*) Съ того времени—«Кутузовскій», мимо котораго теперь проведено шоссе.

страны. Турецкій флотъ, подходя къ Ахтіарской бухтѣ, просилъ у Суворова позволенія, хотя набрать прѣсной воды, но и въ этомъ онъ рѣшительно отказалъ.

Старожилы Симферополя съ удовольствіемъ вспоминали о Суворовѣ. Имъ нравилась личная его оригинальность; любовались, когда онъ дѣлалъ смотры войскамъ; слѣдовали за нимъ повсюду: при посѣщеніи ли казенныхъ мѣстъ, или какихъ либо татарскихъ зрѣлищъ, потому что онъ имѣлъ обыкновеніе раздавать подарки. Онъ навѣщалъ также почетныхъ мурзъ вѣрныхъ Шагинъ-Гирею, и велъ съ ними разговоръ на турецкомъ языкѣ.

Однажды Суворовъ, зимою, сдѣлалъ прогулку на «Чатыръ-дагъ» (Палатъ-гору). *) Взобравшись по крутымъ тропинкамъ на ея вершину, онъ долго любовался необъятной степью и безпредѣльнымъ моремъ, а вокругъ — разнохарактерными грядами горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ; онъ восхищался прелестными видами, не обращая вниманія на сильный вѣтеръ, проносившійся по горной плоскости. Почувствовавъ, однако, ознобъ, онъ поспѣшилъ сойти и вскорѣ заѣхалъ къ Батыръ-агѣ Крымтаеву. Отъ радости, хозяинъ дома поднялъ всѣхъ на ноги, прибралъ лучшую комнату и занялся приготовленіемъ отборныхъ кушаній для столь почетнаго и рѣдкаго гостя. Но Суворовъ, къ удивленію всѣхъ, отъ теплаго помѣщенія отказался, попросивъ отвести ему чуланъ и дать ведро холодной воды, говоря, что онъ сильно озябъ. Въ чуланѣ раздѣлся, обдалъ себя холодной водою и легъ на прикрытую

*) Древній «Трапезосъ».

простыней солому, набросивъ на себя шинель. Когда онъ отдохнулъ, - хвалился всѣмъ, что хорошо согрѣлся; затѣмъ, попросилъ хлѣба, соли и рѣдьки на ужинъ, а предъ хозяиномъ извинился за хлопоты, которыя ему надѣлалъ своимъ посѣщеніемъ. Отъ приготовленныхъ блюдъ рѣшительно отказался, увѣряя, что всегда ведетъ такую солдатскую жизнь. *).

Дѣлая одному полку смотръ на Симферопольской площади, гдѣ теперь военный госпиталь, - онъ что-то приказалъ адъютанту, и тотъ сейчасъ же поскакалъ на другой флангъ. Но лошадь чего-то испугалась и вдругъ понесла его къ обрыву.... У самаго карниза скалы она круто повернула и сбила юношу съ сѣдла. Онъ разшибся и долго лежалъ безъ чувствъ....

Увидя его въ такомъ положеніи, Суворовъ заплакалъ. Врачи открыли офицеру кровь; наконецъ, въ больницѣ молодой человѣкъ поправился,—къ великому удовольствію его патрона.

Когда Суворовъ находился въ Бахчисараѣ, ему доложили, что одинъ цыганъ содержится въ тюрьмѣ за фабрикацію турецкой серебрянной монеты. Тотчасъ виновнаго привели, и самъ Суворовъ снималъ съ него допросъ. Когда же узналъ, что бѣднякъ въ теченіи двухъ недѣль смастерилъ всего двѣ монеты, и то съ большимъ трудомъ, посредствомъ одного лишь рѣзца,—изъ сострадавія, приказалъ его освободить, но ему строго запретилъ это ремесло.

Какъ-то онъ посѣщалъ присутственныя мѣста и

*) Очевидцемъ сего событія былъ казначей Крымтаева, Исмаилъ-Акай, изъ деревни Мамутъ-Султанъ.

лишь только увидалъ надъ одной дверью надпись: «уголовный судъ»,—быстро отвернулся и произнесъ: «я сюда не пойду, и никому не совѣтую ходить!»

Суворовъ былъ филантропомъ и любилъ людей. Приведу одинъ анекдотъ о томъ, какъ онъ училъ своего сына уважать людей. Когда сыну исполнилось совершеннолѣтіе, отецъ, нарядивъ его въ пажескій временъ Петра І-го мундиръ, взялъ съ собою во дворецъ. Въ пріемной Суворовъ водилъ сына между вельможами и простыми смертными, заставляя его всѣмъ кланяться. Подходя къ знатнымъ особамъ, онъ собственноручно и слегка наклонялъ голову сына,—по мѣрѣ же приближенія къ лицамъ менѣе важнымъ, поклоны увеличивались; когда они дошли до истопника, разводившаго въ каминѣ огонь, предъ нимъ старикъ наклонилъ голову юноши до самаго пола. Затѣмъ поднявъ его, сказалъ: «Сынъ мой! ты сегодня начинаешь жить самостоятельно,—не забывай великаго урока, который я пожелалъ тебѣ дать. Смотри: эти господа (указывая на вельможъ) уже стали всѣмъ тѣмъ, чѣмъ могли сдѣлаться,—а тѣ (обратясь къ другимъ)—еще могутъ всего достигнуть».

Графу Суворову данъ былъ титулъ «Рымникскій» за побѣду, одержанную имъ въ Молдавіи при рѣчкѣ Рымникѣ. Титулъ этотъ перешелъ и къ его сыну. Замѣчательно, что въ этой-же самой рѣчкѣ послѣдній утонулъ.

Шагинъ-Гирей же только занимался казнями; онъ не щадилъ никого изъ враждебныхъ ему мурзъ и знатныхъ татаръ, хотя бы преданныхъ народу. Вслѣдствіе

такого злоупотребленіа власти,—возсталъ народъ, и ему было объявлено, что татары не желаютъ болѣе имѣть его своимъ ханомъ; – что сами они покоряются Россіи. Это было въ 1783 году. Тогда Шагинъ-Гирей вынужденъ былъ отречься отъ ханскаго престола. Онъ бѣжалъ въ Кефѐ, гдѣ и помѣстился въ своемъ дворцѣ; но вскорѣ скрылся въ горы, – мѣста, гдѣ нѣкогда жили Тавры, и гдѣ укрывались отъ варваровъ Греки и Венеціанцы,—мѣста почти неприступныя, по своему положенію.

Для водворенія спокойствія въ краѣ, необходимо было самаго Шагинъ-Гирея выманить изъ горъ. Для этого пришлось употребить хитрость. Въ то время, въ 1784 году, мѣстными войсками командовалъ генералъ-поручикъ баронъ Игельстромъ. Чтобы заручиться довѣріемъ къ себѣ хана, генералъ воспользовался тѣмъ, что солдаты дурно обходились съ татарами, за которыхъ просилъ его ханъ; и вотъ Игельстромъ принялся строго наказывать солдатъ по всѣмъ жалобамъ татаръ. Оставшись этимъ доволенъ, ханъ вошелъ съ нимъ въ переписку и благодарилъ за покровительство его бывшихъ подданныхъ. Потомъ они сдѣлались заочными друзьями. Наконецъ, самъ Шагинъ-Гирей пригласилъ генерала къ себѣ въ гости. Тогда Игельстромъ нарядилъ батальонъ съ четырьмя орудіями, далъ командиру маршрутъ и особое секретное приказаніе. Самъ-же отправился отдѣльно, съ блестящей свитою. Командиръ отряда долженъ былъ сбиться съ дороги и, какъ бы нечаянно, явиться къ ханскому убѣжищу; долженъ былъ за сдѣланную будто бы ошиб-

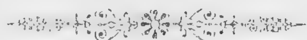
ку просить у хана защиты предъ генераломъ, а потомъ просить дозволенія поставить у ханской ставки почетный караулъ. Задумано-сдѣлано. По прибытіи генерала къ Шагинъ-Гирею, первый сейчасъ напустился на офицера, а ханъ едва могъ испросить ему прощеніе. Послѣ этой комедіи Игельстромъ прямо предложилъ хану сдаться. Видя себя окруженнымъ войскомъ, гирей вынужденъ былъ согласиться. Въ тотъ-же день Шагинъ-Гирей былъ вывезенъ изъ горъ и отправленъ въ Воронежъ

Хотя Шагинъ-Гирей былъ ласково принятъ въ Россіи, съ обѣщаніемъ покровительства; хотя ему было привезено отъ государыни 300/т. рублей въ пособіе: онъ отъ всѣхъ этихъ милостей уклонился, началъ въ почетномъ плѣну тосковать и добровольно выѣхалъ въ Стамбулъ. Однако султанъ гирея не принялъ и объявилъ измѣнникомъ; немедленно отправилъ его на островъ «Сеттиль-Багиръ», *) гдѣ и приказалъ его казнить посредствомъ удушенія. Предъ своей смертью несчастный выпросилъ нѣсколько часовъ на молитву, а потомъ вручилъ пашѣ, исполнителю казни, запечатанную шкатулку, съ просьбою, непремѣнно вручить ее султану. Когда послѣдній прочелъ находившіяся въ ней бумаги, то такъ вышелъ изъ себя, что приказалъ безъ замедленія казнить нѣсколько своихъ пашей.

Баронъ Игельстромъ былъ впослѣдствіи Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ. Но случайно впалъ въ

*) По рукописи; вѣрнѣе—Родосъ, куда обыкновенно ссылались крымскіе ханы.

немилость Павла I, чему послужило слѣдующее обстоятельство: какъ-то императоръ спросилъ его: «Сколько тебѣ лѣтъ?» —Генералъ отвѣчалъ:—Сто лѣтъ! «Какъ такъ?» —Шестьдесятъ лѣтъ отъ роду, да сорокъ на службѣ!—Государю показалось, что Игельстромъ тяготится службой,—болѣе не желаетъ ему служить. Оставшись такимъ отвѣтомъ недоволенъ, Павелъ отвернулся отъ него и отошелъ.

XI.

Греческій батальонъ. Древніе греки. Пантикапея и Өеодосія; постройки и обычаи жителей этихъ городовъ. Гунны, Генуэзцы; ихъ сооруженія. Армяне. Взятіе Кафы турками.

Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, съ Архипелажскихъ островóвъ были перевезены въ Крымъ графомъ Алексѣемъ Орловымъ тамошніе греки Арнауты и поселены въ Балаклавѣ, Керчи и Еникале. Эти греки сформировали на родинѣ добровольно и на свой счетъ «албанское войско» и перешли на русскіе корабли. За оказанныя ими услуги нашему флоту, особенно во время Чесменскаго сраженія (24 іюня 1770 года), правительство имъ предложило перейти въ предѣлы Россіи, съ дарованіемъ разныхъ льготъ. Въ Крыму изъ нихъ сформировали въ 1776 г. батальонъ, изъ трехъ ротъ, подъ командой маіоровъ: Дуси, Кандіоти и Напони.

Албанскіе греки служили русскимъ для усмиренія татаръ, когда они бунтовались въ горахъ,—гдѣ русскія войска не могли свободно дѣйствовать. Большая часть этихъ грековъ жила на Южномъ берегу, преимущественно въ Балаклавѣ и Ялтѣ (въ предмѣстьѣ сего города «Аутка»). Въ Аутку поселились прежде

потомки древнихъ грековъ, вскорѣ послѣ завоеванія полуострова турками. Въ позднѣйшее же время оба племени слились между собой; многіе изъ нихъ породнились даже съ татарами, принявъ ихъ вѣру и нарѣчіе.

И такъ, албанцевъ посылали противъ горныхъ татаръ. Во время такихъ преслѣдованій, татары бросались подъ защиту лѣсовъ и скалъ. Оттуда они легко поражали грековъ и до того ихъ ожесточали, что послѣдніе кидались въ татарскія деревни, гдѣ оставались только жены, дѣти и безсильные старики,—и тамъ всѣхъ ихъ безпощадно убивали, а самыя жилища предавали огню. Какъ турецкіе выходцы, албанцы поступали вполнѣ по-турецки: захвативъ беззащитныхъ женщинъ, они насиловали ихъ, а у беременныхъ распарывали животы, выкидывая младенцевъ собакамъ; и это дѣлали нарочно въ присутствіи пойманныхъ татаръ. Этихъ-же послѣднихъ живыми жарили на вертелѣ, а другихъ правовѣрныхъ заставляли ѣсть ихъ мясо. Потомъ часть плѣнныхъ отпускали —для разглашенія о сихъ жестокостяхъ, чтобы тѣмъ держать въ страхѣ непокорныхъ Шагинъ-Гирею.

Татары на столько боялись грековъ, что многія изъ ихъ женщинъ вооружались для защиты своихъ дѣтей и имущества. Такъ напримѣръ, въ одномъ лѣсу грекъ Виценцо, отдѣлясь отъ товарищей, увидалъ между буковыми деревьями одну мажару и бросился къ ней за добычей. Оттуда вдругъ выскочила татарка съ обнаженной саблей и кинулась на него съ такой быстротою, что онъ, не успѣвъ опомниться, сталъ от-

ступать; на его крикъ подоспѣлъ другой грекъ и безжалостно ее убилъ. Балаклавцы сильно были этимъ удивлены, такъ какъ Виценцо слылъ между ними за храбраго албанца. Въ другомъ мѣстѣ, подъ скалою, арнаутъ напалъ какъ-то на татарку; она ловко прицѣлилась въ него изъ пистолета и положила на мѣстѣ. На выстрѣлъ появился цѣлый отрядъ греческой милиціи и ее, конечно, не оставили въ живыхъ.

О жестокостяхъ албанскихъ грековъ, наконецъ, доведено было до свѣденія начальства, и тогда ихъ принялись усмирять. Вскорѣ, при Суворовѣ, въ 1779 году, совсѣмъ ихъ переселили на берега Азовскаго моря, гдѣ они основали первыя поселенія и городъ Маріуполь. Русское правительство уплатило за нихъ въ ханскую казнну всѣ ихъ подати, а земли ихъ отошли въ собственность хана. Когда они переселялись, многіе изъ нихъ захватили съ собой и молодыхъ татарокъ, которыя, однако, по требованію начальства, были возвращены обратно. Одна же дѣвица сама не захотѣла вернуться; окрестилась и вышла за своего милаго,—прапорщика Грипіоти.

Впослѣдствіи многимъ изъ нихъ дозволено было вернуться въ Крымъ, гдѣ они поселились на прежнихъ же мѣстахъ.

Воинственные албанцы въ послѣдующихъ войнахъ Россіи съ Турціей учавствовали въ битвахъ Черноморскаго нашего флота. Въ отечественную войну 1812 г. балаклавцы удерживали возстаніе татаръ, а когда появилась здѣсь чума, они держали цѣпь у зачумленныхъ мѣстъ и караулы по берегамъ моря; они

своимъ усердіемъ пріостановили развитіе этой заразы. За ихъ заслуги Александръ I приказалъ отвести имъ около Балаклавы и въ Днѣпровскомъ уѣздѣ нѣсколько тысячъ десятинъ земли, *) независимо отъ другихъ милостей. Во время посѣщенія Крыма Николаемъ I, балаклавцы держали здѣсь почетный караулъ. Ихъ посылали также и въ Новороссійскъ для защиты нашихъ укрѣпленій отъ горцевъ. Черкесы называли ихъ «крымскими казаками», а татары—«людоѣдами». Во время Крымской войны эти отважные греки, въ составѣ двухъ ротъ, отчаянно защищали свою родную Балаклаву отъ натиска союзниковъ; со скалъ, окружающихъ этотъ городъ, они упорно отстрѣливались, держа непріятеля на приличной дистанціи,—до тѣхъ поръ, пока не выпустили всѣхъ зарядовъ. Но не сдались. Только въ 1859 году это войско упразднено.

Не должно смѣшивать албанцевъ съ тѣми греками (выходцами съ острова Милета), которые издавна жили въ Крыму,—еще за 600 лѣтъ до Р. Х. Эти древніе греки сперва плавали по «Эвксинскому» (Черному) морю, заходили и въ Меотійское озеро (Азовское)—съ торговой цѣлью. Потомъ завели у «Босфора Киммерійскаго» **) (Керченскаго пролива) складъ для товаровъ въ гор. «Киммеріонѣ» (Тамани) и основали на Таманскомъ полуостровѣ первую колонію подъ названіемъ «Фанагорія». Тутъ была крѣпость на высокихъ утесахъ, у самаго берега бухты, недалеко отъ р. Ку-

*) Земли эти тогда не могли переходить во владѣніе постороннихъ лицъ,—не принадлежавшихъ къ составу Балаклавскаго батальона.

**) Отъ Киммеріанъ (Кимвровъ), жившихъ здѣсь и въ степяхъ за 1700 л. до Р. Х.

бани. Впослѣдствіи греки такъ разбогатѣли, что открыли еще колоніи: въ «Пантикапеѣ» (Керчи) *) и «Ѳеодосіи». У гавани этихъ трехъ колоній останавливалось множество караблей, привозившихъ сюда различные товары тѣхъ временъ: сукна, коренья, разныя издѣлія, особенно шелковыя матеріи изъ Бруссы. Отсюда же на этихъ корабляхъ, въ обмѣнъ, вывозили: хлѣбъ, посѣвомъ котораго въ степяхъ занимались Скиѳы (славянскаго происхожденія) **), вина, соль, кожи, лѣсной матеріалъ; также золото (изъ Уральскихъ горъ); желѣзо и мѣхъ (изъ Сибири). Древніе греки вели всемірную торговлю.

Пантикапейскіе греки придерживались обычаевъ своей метрополіи Аттики; какъ аѳиняне, такъ и милетяне вели однородную общественную и семейную жизнь; были воинственны, признавали одни и тѣ же законы Солона. Они боготворили силы и явленія природы, почему и существовали у нихъ миѳическіе боги и богини, которымъ ставили статуи,—воздвигали храмы и поклонялись, какъ истиннымъ божествамъ.

Храмы строились въ акрополѣ (цитадели),—всегда колоссальныхъ размѣровъ, съ колоннадой, имѣвшей базисы и красивыя капители, съ фронтонами, карнизами; украшались живописью по стѣнамъ и потолкамъ (между колоннъ). Посреди храма потолка не выводили, такъ какъ тамъ совершались жертвоприношенія и воскурялся ѳиміамъ. Но алтарь, гдѣ стояла статуя божества, по-

*) *Пантикапея* древними евреями называлась «Сафарадъ»; она основана за 1230 лѣтъ до Р. Х.

**) Скиѳы заняли степи за 1500 лѣтъ до Р. Х., вытѣснивъ Киммеріанъ.

крывался всегда потолкомъ. Въ жертву приносили преимущественно быковъ, почему такое мясо считалось священнымъ. Совершеніе этихъ обрядовъ лежало на обязанности жрецовъ и жрицъ, получавшихъ отъ гражданъ большіе доходы.

Кромѣ храмовъ, древніе греки обращали вниманіе на постройку красивыхъ общественныхъ зданій, въ которыхъ они собирались для коллективнаго обсужденія разныхъ дѣлъ: по образованію юношества, политическихъ, торговыхъ и поземельныхъ. Здѣсь они назначали войны и рѣшали ихъ исходъ; здѣсь они вѣнчали героевъ; здѣсь судили согражданъ (но чаще на площадяхъ), съ участіемъ адвокатовъ: *) выслушавъ обѣ стороны, свидѣтелей и рѣчи сикофантовъ, судьи постановляли рѣшенія по большинству голосовъ; если же по уголовнымъ дѣламъ голоса раздѣлялись по ровну, обвиняемый оправдывался. Здѣсь происходили состязанія ораторовъ, восхвалявшихъ или порицавшихъ мѣстныя законоположенія, управленіе архонтовъ или дѣятельность гражданъ. Въ подобныхъ же зданіяхъ и на площадяхъ происходили бѣги, ристалища, состязанія атлетовъ-борцовъ, обучавшихся въ особой школѣ «палестра», и другія игры. Отъ солнца и дождя публичное зданіе покрывалось тентомъ.

Постройки же, гдѣ жили пантикапейцы, не отличались величиной и красивымъ внѣшнимъ видомъ, за исключеніемъ домовъ богатыхъ коммерсантовъ; но всѣ они любили разводить сады («Панти-кепосъ»—

---

*) Адвокаты древнихъ грековъ не заслуживали хорошей репутаціи; ихъ называли «сикофантами»,—эксплоататорами тяжущихся.

вездѣ сады). Жилыя помѣщенія строились вокругъ акрополя—изъ мѣстнаго известковаго камня, небольшой высоты, съ плоскими кровлями, а послѣднія—изъ каменныхъ же плитъ или плоской черепицы. Стѣны покрывали тонкой штукатуркою, орнаментами и живописью. Дома внутри не имѣли печей и половъ. Крыши нѣкоторыхъ жилищъ поддерживались, вмѣсто столбовъ арками. Помѣщенія для женщинъ, съ кухней и кладовою, называвшіяся «гинекой», во всякомъ домѣ отдѣлялись отъ мужской половины—«андрона». Сообщеніе между ними происходило черезъ внутреній дворикъ (перистиль), который освѣжался у нѣкоторыхъ фонтаномъ и садикомъ,—или же черезъ крытую галлерею, съ колоннами, вокругъ дворика. Посреди него стоялъ жертвенникъ. Черезъ этотъ то дворикъ проникалъ въ жилище чистый воздухъ и свѣтъ, такъ какъ оконъ вовсе не дѣлали. У зажиточныхъ гражданъ настилались мозаическіе полы; надъ домомъ иногда выстраивали мезонинъ, даже съ оконцами, только не на улицу. Всѣ внутреннія помѣщенія согрѣвались помощью жаровень и имѣли дверные просвѣты, благодаря которымъ и очищался въ нихъ воздухъ. Просвѣты закрывались занавѣсками. Свѣтъ-же при закрытыхъ просвѣтахъ, проникалъ въ комнаты черезъ отверстія въ стѣнахъ галлереи. На улицу выходила только одна дверь, постоянно запертая; при ней находился привратникъ (рабъ) и собака, или же ея изображеніе на полу.

Цитадель города Пантикапеи стояла на крутомъ холмѣ (Митридатовой горѣ). У его залива имѣлась

корабельная верфь, гдѣ строились суда изъ прекраснаго лѣснаго матеріала, частью рубившагося въ здѣшнихъ лѣсахъ, частью вывозившагося съ Кавказа. По множеству цѣнныхъ вещей, найденныхъ въ керченскихъ надробныхъ курганахъ, легко заключить о высокой степени богатства пантикапейцевъ.

Женщины ихъ вели замкнутую жизнь, занимались только домашнимъ хозяйствомъ; главы семействъ обращались съ ними деспотически; образовнія никакого онѣ не получали, и потому были мало развиты,—но жили нравственнѣе херсонатянокъ, о которыхъ будетъ сказано въ особой статьѣ. Первыя могли появляться среди общества граждан только во время религіозныхъ процессій, или похоронъ близкихъ родственниковъ, но подъ «иматіонами» (накидками).

Эти иматіоны (или гиматіи) служили наружной одеждою и мужчинамъ, которые нерѣдко одѣвались въ одни только эти плащи. Нижнее же одѣяніе обоего пола составляли длинныя «туники» *) льняныя или шерстяныя,—смотря по времени года; это были просто рубахи, которыя опоясывались и носились, то безъ рукавовъ, то съ пришитыми рукавами, болѣе или менѣе длинными. Цвѣта онѣ были преимущественно бѣлаго, но красились и въ зеленый, голубой, красный оттѣнки. Толстый плащъ (дорожный, военный) назывался «хламидой». Древніе греки обыкновенно ходили съ непокрытой головою, но въ дурную погоду или въ дорогѣ надѣвали шапки изъ мѣха, кожи или войлока (во время зноя); а женщины носили повязки, ленты и

*) *Туника* сшивалась изъ двухъ полотнищъ.

вѣнки. Когда выходили изъ дому къ ногамъ подвязывали «сандаліи» (подошвы). На улицѣ каждый гражданинъ обязанъ былъ имѣть при себѣ посохъ.

Домохозяева со всѣми членами семьи работали, обѣдали и спали на землѣ, подстилая шкуры или войлоки, а впослѣдствіи усаживались за обѣдомъ передъ легкими столиками и ѣли полулежа (возлежали за столомъ) на коврахъ, скамейкахъ, кушеткахъ, или деревянныхъ креслахъ. Впрочемъ, женщины и дѣти не возлежали, а сидѣли за столомъ. О другихъ обычаяхъ пантикапейцевъ, какъ сходныхъ съ херсонистскими, изложено будетъ ниже.

Къ заболѣвшему призывался одинъ изъ цеха врачей, но не всегда; обыкновенно въ такихъ случаяхъ прибѣгали къ разнымъ суевѣрнымъ способамъ лѣченія. Когда умирающій находился въ агоніи, его лицо тотчасъ закрывали, а умершаго обмывали, намазывали благоуханіями, одѣвали въ бѣлую одежду и убирали зеленью. Держали трупъ въ сѣняхъ, у наружной двери,—чтобы не осквернить имъ дома; всѣхъ, выходившихъ изъ дому, окропляли водою. Затѣмъ нанимали плакальщицъ и подъ плачевные ихъ напѣвы выносили умершаго, всегда на зарѣ. Въ ротъ ему опускали мелкую монету—для уплаты на томъ свѣтѣ старцу Харону за перевозъ души его черезъ рѣку Стиксъ.

Когда покойнаго вносили въ гробницу, уложивъ тѣло на каменное ложе,—всѣ бросали немного земли, желали умершему счастливаго пути и затѣмъ приносили жертвы въ серебряныхъ сосудахъ, которые оставлялись тутъ-же. Предавая землѣ урну съ пепломъ

героя, убитаго на полѣ битвы, произносили и надгробныя рѣчи. Первоначально умершихъ погребали возлѣ ихъ собственныхъ домовъ, причемъ тѣла ихъ бальзамировали, но позднѣе стали ихъ относить за городъ. Подлѣ трупа или урны (изъ мрамора, мѣди, бронзы) помѣщали любимыя покойнымъ вещи, напримѣръ: этрусскія вазы, украшенныя прекрасными рисунками, золотые вѣнки и маски, вызолоченную сбрую. Нерѣдко возлѣ гроба умершаго убивали его рабовъ, даже лошадей, и тутъ-же ихъ укладывали.

Пантикапеянокъ погребали или въ мраморныхъ саркофагахъ, украшавшихся барельефами, или въ деревянныхъ гробахъ съ орнаментами,—но непремѣнно въ любимой при жизни ихъ праздничной одеждѣ, съ золотыми кольцами, ожерельемъ и діадемой, серебряными, слоновыми и другими вещицами. Гробницы пантикапейцевъ воздвигались въ видѣ куполообразныхъ сводовъ, съ уступами, изъ огромныхъ тесанныхъ камней, сложенныхъ на сухо, и съ пирамидальнымъ входомъ (корридоромъ) египетской архитектуры; большей частью устраивались раскрашенные склепы съ нишами, въ родѣ катакомбъ (подземныхъ галлерей), а то и просто ямы, обложенныя плитами. Надъ ними насыпали курганы. Погибшимъ на морѣ,—тѣла которыхъ нельзя было похоронить или сжечь,—ставили тоже памятники (пустые).

«Ѳеодосія» въ переводѣ—даръ Божій. Эта колонія при милетскихъ грекахъ процвѣтала долгое время. Здѣсь образовался богатый, обширный и красивый городъ. На площадяхъ его стояли статуи боговъ и

героевъ, а также огромныя общественныя зданія и храмы іонійскаго же стиля. Образъ жизни ѳеодосійцевъ былъ тотъ-же, что и въ Пантикапеѣ. На горахъ росли густые лѣса, въ которыхъ имѣлись резервуары прекрасной воды, пропускавшейся, посредствомъ водопроводовъ, въ самый городъ....

Но съ нашествіемъ въ Тавриду Гунновъ,—предъ тѣмъ временемъ владѣвшихъ землями по рѣкѣ Кубани и Таманскимъ полуостровомъ (въ IV ст. по Р. X.), — не только пала Пантикапея, столица Босфорскаго (Воспорскаго) царства, существовавшаго съ 480 г. до Р. X., но и Ѳеодосія была раззорена до основанія, а также соперникъ ихъ Херсонесъ *).... Гунны отличались дикимъ нравомъ, и потому миролюбивые земледѣльцы скиѳы называли ихъ «дѣтьми злаго духа», а царя ихъ Аттилу—«бичемъ Божіимъ». Гунны, чтобы навести страхъ на непріятеля, нарочно уродовали свои лица, а къ шеѣ коней навѣшивали кожи, содранныя съ череповъ убитыхъ ими враговъ,—и этимъ страшнымъ видомъ болѣе брали, нежели мечемъ. Сперва они были идолопоклонниками, но въ VI вѣкѣ приняли христіанство. Нѣкоторые писатели полагаютъ, что потомки ихъ - современные Болгары

До нашествія татаръ, въ Ѳеодосіи, а также Судакѣ и другихъ прибрежныхъ мѣстахъ, находились Венеціанскія колоніи. Венеціанцы, главнымъ образомъ, торговали по берегамъ Азовскаго моря;—вели торго-

*) Противъ этихъ то варваровъ, Гунновъ, имп. Юстиніанъ построилъ по берегамъ Крыма укрѣпленія, а впослѣдствіи освободилъ отъ нихъ страну.

выя сношенія и съ Сарматами, занимавшими степи между Дономъ и Волгою. Они устраивали колоніи также вдоль восточнаго берега Крыма, куда стремились и Генуэзцы. Вслѣдствіе этого обѣ націи между собой враждовали,—вели войны. Наконецъ, въ концѣ XIII столѣтія генуэзцы окончательно вытѣснили своихъ соперниковъ, — чему содѣйствовалъ крымскій ханъ *Оранъ-Тимуръ*. Послѣдній, живя въ Эски-Крымѣ, бралъ съ генуэзцевъ большую дань, такъ какъ они завели обширную торговлю. Генуэзцы, занявъ подъ свои колоніи все прибрежное пространство отъ Еникале до Балаклавы, которой дали названіе «Цимбало»,— болѣе всего укрѣпились въ Ѳеодосіи. Эту колонію они назвали «Кафа».—Здѣсь они, по заключеніи съ ханомъ мирнаго трактата, построили крѣпость (въ 1386 году) съ башнями, бастіонами, которые обнесли глубокими рвами.*) Затѣмъ взялись за оживленіе этого города: построили по склону холма, амфитеатромъ, множество зданій; костеловъ византійской и готической архитектуры; распланировали улицы, очистили площади и рейдъ для удобной якорной стоянки; исправили водопроводы и открыли фонтаны. Образовали здѣсь республиканское правленіе, во главѣ консуловъ, но при депутатѣ отъ хана. Построили корабли и галеры. Заведя торговлю со всѣми извѣстными тогда коммерческими портами, они сдѣлали Кафу однимъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ въ свѣтѣ. Будучи образованными мореплавателями, они перенесли сюда всѣ искусства среднихъ вѣковъ изъ знаменитыхъ въ тѣ времена го-

*) Цитадель ихъ была на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь карантинъ.

родовъ Рима, Генуи и Венеціи. Они впервые завели въ Крыму рыбные промыслы и весьма выгодно торговали рыбой, которую перевозили въ глинянныхъ глубокихъ сосудахъ (амфорахъ) въ Византію. Отъ одной лишь рыбной торговли съ Крымомъ, Византія получала пошлинами значительный государственный доходъ. *).

Со времени присоединенія Крыма къ русской державѣ прошло сто лѣтъ, а Θеодосія никакъ не можетъ подняться, хотя на нѣкоторую степень торговаго значенія, какое она имѣла когда-то. Между тѣмъ при этомъ городѣ имѣется глубокая и просторная бухта, въ которой нѣкогда помѣщалось множество торговыхъ судовъ. Еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія торговля здѣсь развивалась, **) но вскорѣ затихла; тогда какъ въ Керчи она замѣтно оживилась, не смотря на мелкую и тѣсную ея гавань.

Генуэзцы, заходя къ Кавказскимъ берегамъ, заводили торговыя сношенія и съ Арменіей. Жители этой страны (арійскаго племени) ***), склонные отъ природы къ наживѣ, на генуэзскихъ корабляхъ посѣщали берега Крыма. Многіе изъ нихъ, послѣ завоеванія Арменіи монголами, совсѣмъ сюда переселились, но прибыли изъ Астраханскаго царства, гдѣ они находились въ плѣну. Армяне водворились въ Крыму въ 1340 г. Одни изъ нихъ, вступая въ родственныя связи съ ге-

*) То-ли мы видимъ теперь въ знаменитой Θеодосіи?...
**) Одни таможенные сборы давали тогда болѣе 500/т. руб.
***) Геродотъ называлъ ихъ «алародіерами»; родъ ихъ происходитъ отъ Іафета.

нуэзцами, принимали и ихъ религію,—почему и образовались армяно-католики.

Для обращенія въ католицизмъ жителей Крыма, въ Кафу присылались въ XIV ст. изъ Рима миссіонеры. Первый изъ нихъ монахъ Джироламо состоялъ здѣсь епископомъ. Католическое духовенство преслѣдовало иновѣрцевъ. Такъ какъ татаръ трудно было окрестить, то миссіонеры взялись за Армяно-Григоріанъ. Сперва послѣдніе согласились только признавать главою церкви Папу, но въ XV вѣкѣ они вынуждены были іезуитами принять и обряды католической вѣры, однако, не всѣ.—Армяно-григоріане утвердились въ Старомъ-Крымѣ, а Армяне-католики въ Карасубазарѣ. Въ 1779 году, для населенія береговъ Азовскаго моря, были переведены туда, вмѣстѣ съ греками, и армяне, основавшіе тамъ городъ Нахичевань. Впослѣдствіи многіе изъ нихъ обратно возвратились въ Крымъ.

Когда, по повелѣнію Магомета II, великій его визирь Ахметъ-паша въ маѣ 1475 года прибылъ съ 20.000 войска на 482 судахъ къ стѣнамъ Кафы,—генуэзцы отчаянно защищались, и еслибъ, послѣ шестидневной осады, не выдали ихъ подкупленные армяне, генуэзцы не скоро-бы сдались *). Ахметъ-паша разорилъ Кафу, нѣкоторые храмы обратилъ въ мечети; **) взялъ нѣсколько десятковъ тысячъ генуэзцевъ въ плѣнъ,—взрослыхъ въ рабы, мальчиковъ въ

---

*) Турки напали на Кафу, чтобы отомстить генуэзцамъ за ихъ противодѣйствіе османамъ во взятіи Константинополя въ 1453 г., при Византійскомъ императорѣ Константинѣ-Палеологѣ; генуэзцы защищали Византію потому собственно, что предмѣстья Пера и Галата принадлежали имъ.

**) Феодосійскій музей помѣщается въ одной изъ такихъ мечетей.

янычары,—дѣвушекъ въ гаремы. Турки переименовали Кафу въ «Кефе», а потомъ дали городу названіе «Кучукъ-Стамбулъ»; здѣсь сосредоточено было турецкое управленіе Крымомъ.

Затѣмъ турки овладѣли остальными генуэзскими колоніями по берегамъ Чернаго моря и тоже раззорили ихъ, а съ жителями поступали немилосердно: гарнизонъ Судака былъ заморенъ голодомъ. При нападеніи турокъ, генуэзцы толпами бросались спасаться въ горы и пещеры; изъ пещеръ нѣкоторыя въ то время были весьма глубоки и обширны. Въ настоящее время въ эти пещеры загоняютъ овецъ зимою и рогатый скотъ въ лѣтнія жары.

После генуэзцевъ торговля Тавриды перешла въ руки армянъ, грековъ и караимовъ.

X.

Гераклійскій полуостровъ. Тавры. Амазонки. Храмъ Артемиды. Херсонесская республика и обычаи ея жителей. Торговое значеніе херсонитянъ, ихъ искусства.

Въ юго-западномъ углу Крыма, за 500 лѣтъ до Р. Х., поселился другой древне-греческій народъ, который тоже вышелъ изъ Малой Азіи,—изъ Геракліи. Эти греки прибыли съ войсками Дарія Гистаспа и заняли территорію, имѣющую видъ полуострова, ограничивъ свое владѣніе съ востока линіей, соединявшей заливъ «Симболонъ» (у Балаклавы) съ Инкерманскими горами. Вдоль этой границы они сложили изъ огромныхъ камней стѣну, съ башнями,—для защиты отъ безпокоившаго ихъ полудикаго сосѣдняго народа Тавро-Скиѳовъ*). Надъ Балаклавской гаванью они построили обширную крѣпость. Защитивъ себя отъ внѣшнихъ враговъ, они образовали республику. Полуостровъ этотъ получилъ названіе Гераклійскаго, а впослѣдствіи назывался Трахейскимъ (каменистымъ). Республиканцы основали здѣсь колонію—«Херсонесъ».

*) Этотъ народъ произошелъ отъ смѣшенія двухъ племенъ: Тавровъ и Скиѳовъ,—скиѳовъ-воиновъ, а не скиѳовъ землепашцевъ. «Скиѳы-воины» были столь же кровожадны, какъ и Тавры. «Скиѳы-землепашцы» жили въ степяхъ внѣ Крыма, какъ уже извѣстно.

Утвердившись на этой приморской полосѣ Тавриды, греки свободно начали плавать по Черному морю; выѣзжали и въ Средиземное, гдѣ открывали торговыя сношенія съ самыми отдаленными странами. Развитіе такой обширной торговли сблизило ихъ съ тогдашнимъ цивилизованнымъ міромъ, отъ котораго они переняли разныя познанія въ архитектурѣ, пластикѣ, живописи, поэзіи и музыкѣ. Гераклійцы до того разбогатѣли, что привлекли къ себѣ новыхъ переселенцевъ. Они на столько умственно развились, что изъ мало-азіатскихъ городовъ и даже эллинской метрополіи къ нимъ присылали дѣтей въ обученіе. Здѣсь учили ихъ поэзіи, музыкѣ и гимнастикѣ: первые два предмета облагораживали душу, а гимнастика придавала тѣлу красоту, ловкость и силу.

Четыре столѣтія спустя, Херсонесская колонія, помѣщавшаяся на томъ самомъ скалистомъ берегу, гдѣ въ до-историческія времена стоялъ храмъ богини «Артемиды»,—не могла болѣе вмѣстить всего населенія. Тогда херсонитяне перешли къ заливу «Ктеносъ» (Севастопольскому); сюда они перебрались со всѣми пожитками, статуями боговъ, со всѣмъ строительнымъ матеріаломъ своихъ жилищъ и храмовъ. Такимъ образомъ, основался второй Херсонесъ.

Вся мѣстность Гераклійскаго, или Херсонесскаго полуострова для насъ, русскихъ христіанъ, столь священна, что нахожу не безполезнымъ передать читателямъ, незнакомымъ съ исторіей Крыма, о болѣе выдающихся событіяхъ, совершившихся здѣсь.

Въ самыя древнія времена, за 1800 лѣтъ до Р. Х.,

въ горной части Крыма обитало дикое племя Тавровъ. Тавры занимались охотой, питались плодами и кореньями, мясомъ оленей и дикихъ козъ, водившихся въ густыхъ дубовыхъ и буковыхъ лѣсахъ. Одѣвались въ кожи; жили въ каменныхъ (циклопическихъ) пещерахъ, выдолбленныхъ (помощью кремневыхъ орудій), какъ полагаютъ, Троглодитами,—наидревнѣйшимъ народомъ, жившимъ здѣсь. Тавры защищались отъ своихъ враговъ стрѣлами съ заостренными кремневыми или костяными наконечниками,—или же глыбами дикаго камня, который сбрасывали со скалъ. Врагами ихъ были, вѣроятно, номады,—кочующій народъ, переходившій съ однихъ пастбищъ на другія; они славились конокрадствомъ, грабежемъ и похищеніемъ людей, которыхъ приносили въ жертву своимъ божествамъ.

Отъ Тавровъ и самая страна,—одна изъ лучшихъ земнаго шара,—получила названіе *Тавриды.* Таврида впослѣдствіи названа *Крымомъ*—отъ мидійскаго слова «керымъ» (подарокъ); а по другимъ источникамъ, отъ арабскаго слова «крымъ»—благодать. По сказаніямъ историковъ Геродота, Страбона и Плинія,—Таврида въ древнѣйшія времена была островомъ.

Изъ Малой Азіи, спустя сто лѣтъ, приплыли сюда воинственныя Амазонки,—орды неукротимыхъ женщинъ. Онѣ сошлись съ Таврами, но съ ними не вступали въ родственныя связи; — оставались дѣвами, имѣя, впрочемъ, своихъ общихъ мужей. Оба племени поклонялись верховной силѣ—«Артемидѣ», богинѣ охоты (она же богиня дѣвственности), въ честь которой Амазонки построили главное капище на мысѣ Парѳе-

ніонѣ *). Впослѣдствіи Амазонки сроднились со скиѳами и перешли съ ними на Кавказъ. Отъ нихъ-то происходятъ черкешенки.

Древніе греки, до похода Аргонавтовъ, пускаясь въ отважныя морскія путешествія для открытія колонизаціи, заходили и въ Черное море, тогда еще «Понтъ-Аксеносъ» (море негостепріимное); сюда ихъ бывали заносимы бурей къ скалистымъ берегамъ Крыма, гдѣ и разбивались. Кровожадные Тавры, выплывая изъ бухты «Симболонъ», бросались на добычу; забирали чужеземцевъ и приносили ихъ въ жертву Артемидѣ. Со многихъ сдирали кожу кремневыми скребницами и шили изъ нея себѣ одежду костяными иглами; черепы ихъ обращали въ сосуды, изъ которыхъ пили кровь жертвоприносимыхъ.

Во время Троянской войны сюда была привезена, обреченная было на кровавую жертву, дочь царя Агамемнона — Ифигенія. Глава тавровъ Ѳоасъ ее пощадилъ, но съ тѣмъ, чтобы она на всю жизнь осталась жрицею при Парѳеніонскомъ капищѣ. Она принуждена была окроплять виномъ несчастныхъ плѣнныхъ предъ жертвоприношеніемъ; на ея глазахъ отсѣкали имъ головы надъ сосудами, а тѣла сбрасывали въ морскую пучину..... Довольно общеизвѣстна легенда о томъ, какъ она едва было не принесла въ жертву своего брата Ореста, прибывшаго за нею, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Пиладомъ; когда же она узнала брата, немед

*) Возлѣ Георгіевскаго монастыря. Нѣкоторые полагаютъ, что это капище стояло на Аю-Дагѣ. Такихъ языческихъ храмовъ было здѣсь нѣсколько и всѣ основаны Амазонками.

ленно отплыла съ ними въ Спарту, захвативъ съ собой и статую Артемиды.

Херсонесская республика процвѣтала до полуторы тысячи лѣтъ. «Второй Херсонесъ» былъ построенъ изъ прекраснаго инкерманскаго камня, сложеннаго на сухо, и обнесенъ высокой городской стѣною (—между теперешними бухтами Карантинной и Стрѣлецкой) *). Внутри города устроены небольшія, узкія улицы; сдѣланы цистерны, къ которымъ проводилась вода, помощью глиняныхъ трубъ,—отъ колодцевъ, прорытыхъ далеко за городомъ; на площадяхъ стояли бюсты и статуи изъ мрамора, мѣди и бронзы. Сооружены были общественныя зданія для гражданъ и храмы въ честь миѳическихъ боговъ. Построилось до 5.000 домовъ, при 50.000 жителей. Въ окрестностяхъ образовались селенія, фермы, заводы, окруженные виноградниками и садами, которые обильно орошались посредствомъ водопроводовъ **).

Изъ числа древне-греческихъ фантастическихъ боговъ и богинь особенно почитались: «Зевсъ»—отецъ всѣхъ боговъ и вселенной, «Гера»—царица неба (жена его); «Посейдонъ»—богъ моря (братъ Зевса); «Деметра»—мать земли, «Паллада-Аѳина»—богиня мудрости и нравственной чистоты; «Афродита»—богиня красоты и любви; девять «Музъ»—богинь наукъ и искусствъ, которыми управлялъ «Аполлонъ», дававшій даръ пѣснопѣній. «Артемида» также почиталась; даже

*) *Херсонесъ*—пустынный островъ.

**) Въ началѣ текущаго вѣка Сумароковъ видѣлъ слѣды улицъ, хорошо распланированныхъ, между развалинами обѣихъ Херсонесовъ.

чеканили монеты съ ея изображеніемъ. Древніе греки боготворили всякую красоту, какъ физическую, такъ и нравственную; вотъ почему у нихъ было такъ много идеальныхъ боговъ. Поклоненіе имъ совершалось въ особыхъ открытыхъ зданіяхъ,—храмахъ, которые у херсонитянъ украшались внутри и снаружи мраморными колонами съ каннелюрами, но простыми капителями и безъ базисовъ (дорійскаго стиля); красивыми карнизами, барельефными фронтонами и фризами; мозаичными полами, мраморными плитами, живописью по стѣнамъ. У жертвенника, находившагося въ святилищѣ («целля»), стояли золотые треножники, разрисованные вазы, сферическія зеркала, а вдоль стѣнъ— статуи, мѣдные и золотые сосуды. *) Богослуженіемъ занимались жрицы, подъ руководствомъ хитрыхъ помощниковъ-жрецовъ. Жрицы приносили богамъ молитвы и жертвоприношенія изъ царства животныхъ или растеній; онѣ тоже пророчествовали. Никто не имѣлъ права приближаться непосредственно къ жрицѣ или предлагать ей лично вопросы. Просящій откровенія божества подавалъ жрецу „гекзаметръ“ (досчечку), на которомъ писался вопросъ. Тогда являлась жрица въ дыму оиміама. Когда нервы ея отъ угара начинали возбуждаться и появлялись конвульсіи, она начинала произносить безсвязную рѣчь.... Жрецы, придерживая ее крѣпко на треножкѣ, подхватывали ея слова и составляли изъ нихъ отвѣтъ.

Въ обрядъ языческаго богослуженія входили так-

*) Многія цѣнныя вещи ставились въ храмахъ, не столько для украшенія, сколько съ цѣлью сбереженія ихъ.

же процессіи, въ которыхъ участвовали греки обоего пола, всѣхъ званій и даже рабы. Во время такихъ процессій, жрицу везли въ колесницѣ, запряженной быками, а вокругъ нея слѣдовали хоры юношей и дѣвушекъ подъ управленіемъ молодыхъ женщинъ, шествовавшихъ впереди всѣхъ. Гимны пѣли съ лавровыми вѣнками на головахъ и оливковыми вѣтками въ рукахъ (—символъ молитвы). При входѣ же во храмъ, женщины становились за колонами; мужчины, носившіе оружіе, снимали вооруженіе.

Въ праздничные дни всегда было въ обычаѣ собираться на публичныя игры и бѣги. На этихъ играхъ херсонитяне соперничали между собой въ красотѣ и ловкости. Дѣвушки, распустивъ волосы и обнаживъ празое плечо изъ подъ короткаго и прозрачнаго «хитона», *) состязались въ бѣгѣ, ни въ чемъ не уступая юношамъ. Бѣги совершались также на колесницахъ и верхами на лошадяхъ. Игры заключались въ гимнастическихъ упражненіяхъ, въ бросаніи на далекое разстояніе диска (металлическаго кружка), дротика, мяча, въ игрѣ шаромъ. Бывали состязанія въ поэзіи или музыкѣ, въ которыхъ принимали участіе и женщины. Музыка состояла тогда изъ игры на флейтѣ и лирѣ (арфѣ). Побѣдители на такихъ ристалищахъ получали въ награду: масличный вѣнокъ, немного священнаго масла, или порцію отъ принесеннаго въ жертву животнаго. Побѣдительницу въ мячъ побѣжденная должна была носить на своихъ плечахъ.

---

*) *Хитонъ* состоялъ изъ двухъ полотнищъ, какъ и туника, но съ разрѣзомъ сбоку.

Однако, замужнія женщины не могли участвовать, даже присутствовать на играхъ. Во время бѣга, холостые и вдовцы высматривали себѣ невѣстъ.

Херсонитяне, какъ потомки дорійскаго племени, придерживались спартанскихъ обычаевъ и законовъ Ликурга. У спартанцевъ мужчины вели жизнь общественную. Одни изъ нихъ съ ранняго утра отправлялись на рыночныя площади за привознымъ товаромъ, другіе въ лавки (подъ колоннами), ремесленники — на работы; но большая часть жителей — въ гавань, къ товарнымъ складамъ или къ своимъ кораблямъ, на которыхъ служили вольнонаемные матросы. До полудня каждый изъ нихъ бывалъ занятъ своимъ дѣломъ. Но въ полдень собирались въ общественныя зданія на обѣды; тамъ рабами подавалась въ мѣдной посудѣ мучная, рыбная и мясная пища, которую брали пальцами, сдѣлавъ предварительно омовеніе; сыръ изъ козьяго или овечьяго молока, маслины, медъ и вина; вина пили обыкновенно съ водою. Столоваго бѣлья не полагалось, а утирались плоскимъ хлѣбомъ. *) Застольныя ихъ бесѣды сопровождались хоровымъ пѣніемъ. Послѣ обѣда, умывъ руки, граждане отдыхали или проводили время въ ресторанахъ, гдѣ играли въ кости (бабки) и шашки; а предъ вечеромъ снова принимались за свои занятія. Ночь же проводили въ кругу своего семейства, а нѣкоторые холостые между женщинами въ ресторанахъ; тамъ пили съ ними вино и безъ воды.

*) Въ родѣ кавказскаго «лавашъ», который складывается, какъ салфетка.

Всѣ заботы по семьѣ и домашнему хозяйству лежали на обязанности ихъ женъ. Впрочемъ, трудъ послѣднихъ облегчался служанками — плѣнницами (между ними бывали и наложницы мужей),—или рабами, которыхъ херсонитяне покупали въ чужихъ странахъ и надъ которыми имѣли неограниченную власть. Рабовъ обыкновенно заставляли работать на виноградникахъ и въ поляхъ, пасти скотъ и овецъ. Въ домахъ же они шили одежды и обувь, исполняли всѣ черныя работы. Съ ними обращались весьма грубо, даже убивали по приказанію ихъ владѣльца,—за что послѣдній никакой отвѣтственности не подвергался *). Во время судопроизводства, когда вынуждали признаніе у гражданина,—его же рабовъ подвергали пыткѣ. У пастуховъ было свое божество, изображавшееся въ видѣ чудовища на козлиныхъ ногахъ и съ ослиными ушами,—подъ названіемъ «Панъ» **). Этого «пана» рабы ужасно боялись,—до *паническаго* страха.

Если мужья не находили взаимной любви у своихъ женъ, просто давали имъ разводъ или же утѣшались посреди «гетеръ» (свободныхъ женщинъ). Нѣкоторыя изъ гетеръ, случалось, вліяли на ходъ республиканскихъ дѣлъ.

Дѣти рано развивались тѣлесно и умственно, потому что начинали свое образованіе съ семилѣтняго возраста. Если рождался мальчикъ слабаго тѣлосложенія, его умерщвляли. Мальчики принадлежали все-

---

*) Не далеко ушло то время, когда и въ Россіи свободно совершалась *продажа* крестьянъ, какъ рабовъ.

**) Не отсюда ли наше слово *панъ* (баринъ)—въ воображеніи бывшихъ крѣпостныхъ?

цѣло республикѣ: ихъ пріучали къ покорной, почтительной, скромной, но суровой жизни; ежедневно посылали, въ сопровожденіи рабовъ, въ общественную школу, гдѣ они учились, тѣлесно упражнялись, будучи всегда одѣты въ «тривонъ» (родъ грубаго хитона), и вмѣстѣ обѣдали, подчиняясь самому строгому надзору. Дѣвочки же оставались при матеряхъ до выхода замужъ. Дѣвочки, вмѣстѣ съ матерями, приготовляли пряжу и ткали льняныя и шерстяныя матеріи; вышивали узоры на покрывалахъ и завѣдывали кухней, при помощи рабынь, ходившихъ по воду и проч. Молодыя херсонитянки дома никогда не стѣснялись въ присутствіи гостей-мужчинъ, хотя бы чужестранцевъ; рѣзвились, пѣли, танцовали, играли на лирѣ.

Молодые люди, по окончаніи воспитанія и образованія у софистовъ, вносились въ списки гражданъ. Давъ клятву на вѣрность своему отечеству, они прежде всего опредѣлялись года на два въ пограничную стражу,—для военной практики *). Послѣ того они получали право вступать въ бракъ.

Въ жены они себѣ избирали всегда дѣвицъ молодыхъ и цѣломудренныхъ. При выходѣ замужъ, дочь получала отъ родителей приданное, женихъ тоже дѣлалъ ей подарки; то и другое состояло изъ покрывалъ, туникъ, ковровъ, сосудовъ, зеркалъ изъ бронзы и разныхъ туалетныхъ цѣнныхъ вещей, какъ напр.: золотыхъ браслетъ, застежекъ, коралловъ, жемчуга. У

*) Въ военное время войска преимущественно составлялись изъ вольнонаемныхъ; оттого то эти воины, не смотря на воинскую осанку, были трусливы

дорійцевъ существовалъ обычай увозить своихъ невѣстъ до брака, при содѣйствіи свахъ; умѣвшихъ отлично устраивать это дѣло. Въ такихъ случаяхъ влюбленные видѣлись между собой украдкою.

На раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна,
Серебрятся листочки оливъ.
Дикой воли полна,
Заходила волна,
Жемчугомъ убирая заливъ.

Эта чудная ночь и темна, и свѣтла,
И огонь разливаетъ въ крови....
«Я свѣтильню зажгла,
«Я цвѣтовъ нарвала:
«Поспѣшай на свиданье любви»!....

Эта ночь пролетитъ и замолкнетъ волна,
При сіяньи безстрастнаго дня.
«И, заботой полна,
«Буду я холодна;—
«Ты тогда не узнаешь меня».... *)

А когда наставало время брачной церемоніи,—невѣста являлась уже матерью. Прижитыхъ до брака (и даже послѣ) дѣтей иногда подкидывали,—чаще девочекъ; подкидыши поступали рабами къ тому лицу, у котораго ихъ находили.

Существенная часть брачнаго обряда **), незави-

*) Изъ древне-греческихъ стихотвореній.
**) Бракъ этотъ—чисто гражданская сдѣлка.

симо жертвоприношеній, состояла въ отвозѣ разукрашенной и надушенной невѣсты къ жениху. Новобрачныхъ сажаютъ въ конную колесницу, которою правитъ одинъ изъ дружковъ; толпа молодежи окружаетъ и сопровождаетъ ихъ по узкимъ улицамъ, съ хоровыми веселыми пѣснями и музыкой. Это шествіе рабы освѣщаютъ факелами, такъ какъ невѣсту отвозятъ вечеромъ. Колесницу молодыхъ провожаетъ мать невѣсты, тоже съ факеломъ, который передается ею матери жениха, при входѣ въ его домъ, украшенный гирляндами изъ зелени. Въ ту же ночь женихъ или его отецъ устраиваетъ пиръ, нанимая на рынкѣ хорошаго повара. Въ числѣ гостей, непремѣнно приглашается пѣвецъ, который воспѣваетъ Гомеровыхъ героевъ, акомпанируя себѣ на лирѣ....

На другое утро молодыхъ обыкновенно разлучали на цѣлый день; новобрачная посылала мужу подарки и снимала съ себя покрывало..... Когда рождался мальчикъ, немедленно вывѣшивали надъ дверьми того дома оливковый вѣнокъ, а если дѣвочка,—шерстяную повязку.

Дома у херсонитянъ строились такіе-же скромные, какъ и у пантикапейцевъ.

Херсонитяне своимъ героямъ, а также доблестнымъ гражданамъ и общественнымъ благотворителямъ, не исключая и женщинъ, надѣвали золотые вѣнки или ставили въ городѣ въ честь ихъ статуи,—въ назиданіе потомству о ихъ заслугахъ. Такъ напр., за извѣстное спасеніе Херсонеса отъ вѣроломства бос-

форцевъ, героинѣ Гикіи *) поставили двѣ мѣдныя статуи; а служанку ея Эригонію, за открытіе тайны, изъ рабыни возвели въ гражданки.

Всѣхъ умершихъ они предавали землѣ. Одѣвши тѣло, нерѣдко набальзамированное, въ нарядную одежду, съ золотыми и другими цѣнными украшеніями, выносили трупъ за городъ и помѣщали въ небольшія пещерообразныя гробницы, выдолбленныя въ скалистой почвѣ. Ихъ называли «гипогеями»; это были крипты для нѣсколькихъ семействъ. Оставляли при покойномъ слезницы, сосуды, свѣтильники (ламиочки)—изъ стекла, глины, бронзы; амфоры съ пищей, а также разные любимые предметы умершаго: цѣнное оружіе, ..ксъ, туалетныя принадлежности, складни для письма, хрустальныя вазы, статуэтки; клали тоже монеты и медали. Наконецъ, самую гробницу закладывали плитой и вырѣзали на нѣкоторыхъ эпитафіи.

Херсонесъ, владѣя двумя глубокими и закрытыми бухтами (теперь Севастопольская и Балаклавская), имѣлъ важныя преимущества въ торговомъ и стратегическомъ отношеніи предъ всѣми древними городами Тавриды. Херсонитяне имѣли большой коммерческій флотъ, помощью котораго снабжали рынки Средиземнаго моря хлѣбомъ, рыбою, виномъ, медомъ, солью, а также строевымъ лѣсомъ и вообще всѣми произведеніями страны, которая отличалась въ тѣ времена своимъ плодородіемъ. Предметы ввоза были тѣ же товары, что въ Пантикапеѣ и Ѳеодосіи. Сюда привозили тоже

*) Гикія дочь херсонскаго «протевтона» (правителя) Ламаха; на ней хотѣлъ женится царевичъ Пантикапея (или Босфора) съ той цѣлью, чтобы овладѣть Херсонесомъ.

невольниковъ изъ Ѳракіи и Македоніи. Эти рабы цѣнились здѣсь ниже быка, стоимость котораго равнялась цѣнѣ пяти овецъ*). Отсюда доставляли въ Италію и Грецію инкерманскій камень. Херсонитяне заѣзжали и въ древній русскій городъ Галичъ, на р. Днѣстрѣ, гдѣ сосредсточена была торговля южной Руси.

Они въ торговлѣ конкурировали съ греками Пантикапеи, вслѣдствіе чего между собой враждовали. Небезъизвѣстенъ рядъ войнъ Босфорскихъ царей съ Херсонесскою республикой, послѣдствіемъ которыхъ было присоединеніе Херсонеса къ Босфорскому царству. Послѣ же обращенія сего царства, заключавшаго въ себѣ почти весь Крымъ, въ Римскую провинцію,—*) Херсонесъ тоже подчинялся римлянамъ, въ правленіе Юлія-цезаря. Босфорское же царство пало по тому, что царь Митридатъ замышлялъ овладѣть самымъ Римомъ.

Выше было сказано, что Гераклійцы, вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ просвѣщенными иноземцами, переняли отъ нихъ познанія въ искусствахъ. Нѣкоторыя искусства древнихъ грековъ доведены были до совершенства. Для художниковъ христіанскаго міра произведенія греческаго античнаго искусства прежде считались и теперь служатъ образцами красоты и соразмѣрности формъ

Возьмемъ зодчество: храмы и общественныя зда-

*) Въ древнѣйшія времена, когда еще не чеканили монетъ, всѣ цѣнные предметы были переводимы на крупную или мелкую голову скота.

**) При Митридатѣ Евпаторѣ, въ 81 году до Р. Х.

нія тогда строились въ видѣ удлиненнаго прямоугольника, изъ огромныхъ каменныхъ плитъ, почти необтесанныхъ, сложенныхъ безъ цемента и державшихся помощью скобъ. Эти постройки назывались циклопическими. Впереди—портики съ рядомъ или двумя рядами колоннъ, надъ ними фронтоны и карнизы, какъ выше описано. Внѣшій видъ этихъ строеній представлялся величественнымъ и красивымъ. Архитекторы пользовались особымъ уваженіемъ.

Пластика у нихъ развилась съ попытки изображенія боговъ по своему образцу. Сперва они вырѣзывали фигуры человѣческой головы изъ мягкаго дерева или высѣкали изъ извѣстковаго камня; насаживая такія фигуры на деревянные или каменные столбы, устраивали родъ бюста (идола) и раскрашивали его, даже золотили. Но въ послѣдній періодъ развитія скульптуры они достигали совершенства: ставили богамъ и героямъ своимъ прекрасныя статуи изъ мрамора, бронзы и мѣди.

Живопись ихъ ограничивалась въ росписаніи архитектурныхъ орнаментовъ водяными, клеевыми или восковыми красками; а также въ раскрашиваніи деревянныхъ и глиняныхъ статуэтокъ, всякаго рода вазъ и другихъ вещей.

Поэзія у нихъ играла первенствующую роль, такъ какъ всѣ научныя ихъ познанія (философія, исторія, религія, законодательство) излагалось въ формѣ стихотвореній. Пѣсни Гомера имѣли въ народѣ образовательное значеніе. Рукописи же доставлялись изъ Аѳинъ.

Музыка, какъ предметъ преподаванія, душевно развивала дѣтей. Музыканты и пѣвцы, во время праздничныхъ церемоній, разъигрывали пріятныя мелодіи. Въ театрахъ давались драмы, во время которыхъ участвовалъ и хоръ, сидѣвшій въ оркестрѣ; какъ только представленіе прерывалось, хоръ вставалъ и въ напѣвахъ выражалъ то впечатлѣніе, какое публика могла вынести изъ всего услышаннаго со сцены. Если драматическое произведеніе исполнялось дурно, зрителямъ поспѣшали разносить сладкія яства, чтобы усладить горечь игры дурныхъ актеровъ. Но хорошимъ артистамъ подносили въ награду—козла («трагосъ»)!

XI.

Климатъ. Господство римлянъ, ихъ нравы и обычаи. Посѣщеніе Крыма св. апостоломъ Андреемъ. Св. Климентъ и пещерный храмъ инкерманскій.

Климатъ древней Тавриды былъ умѣренно-теплый; вотъ почему тогдашніе жители не строили теплыхъ жилищъ и не носили мѣховыхъ одеждъ. Хотя и встрѣчались суровые и бурные годы,—но въ промежуткахъ нѣсколькихъ десятилѣтій. Крымъ тогда принадлежалъ къ числу лѣсистыхъ странъ; здѣсь находилось много рѣчекъ и разныхъ водовмѣстилищъ, орошавшихъ сады, огороды и виноградники древнихъ грековъ. Густые, вѣковые лѣса увлажали почву, отчего увеличивалось плодородіе крымскихъ земель. Въ лѣсахъ роились пчелы, дававшія медъ хорошаго качества; въ нихъ водились олени, козы. Даже степная часть полуострова нѣкогда имѣла лѣса. Но они были срублены кочевыми племенами, заходившими сюда, во время извѣстнаго переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу. При Потемкинѣ задумали было развести здѣсь лѣса, но почему-то сіе благое дѣло затянулось.

Полагаю, будетъ не лишнимъ передать читателямъ

о нравахъ и обычаяхъ римлянъ, тоже владѣвшихъ Крымомъ и имѣвшихъ по берегамъ моря свои колоніи.

Когда Босфорское царство пало и Таврида обращена была въ Римскую провинцію, сюда римскій сенатъ сталъ присылать своихъ проконсуловъ съ магистратами (чиновниками). Съ того роковаго времени знаменитые города Пантикапея и Херсонесъ перестали вести самостоятельную торговлю; ихъ граждане вынуждены были подчиниться римской власти *) и римскимъ нравамъ. Магистраты управляли страной вообще деспотически, а нравы римлянъ рѣзко отличались отъ греческихъ. Нисколько не заботясь о благосостояніи мѣстныхъ жителей, римляне брали съ нихъ чрезмѣрные налоги и производили разныя насилія, даже грабежи, при помощи такъ называвшихся «всадниковъ». Многіе изъ преслѣдуемыхъ спасались отъ ихъ жестокости въ пещеры, гдѣ и скрывались долгое время.

Проконсулы, благодаря такому управленію, быстро обогащались. Ихъ «ликторы» слѣдовали, конечно, примѣру своихъ патроновъ. Хотя Римъ и прославился образцовымъ законодательствомъ, но въ провинціяхъ обходили строгіе его законы.

Лучшія архитектурныя и скульптурныя произведенія греческаго искусства, разныя золотыя рѣдкости и вообще драгоцѣнности отсюда вывозили въ Римъ; а здѣсь сбывали мануфактурные товары. Сюда же ссылали преступниковъ на тяжелыя въ каменоломняхъ работы.

Въ языческій періодъ жизни, римляне также по-

*) Въ частности, впрочемъ, Херсонесъ имѣлъ свое управленіе.

клонялись миѳическимъ богамъ и богинямъ, которыхъ заимствовали отъ грековъ. Извѣстно, что Грецiя и въ религiозномъ отношенiи влiяла на Римъ. Высшимъ божествомъ у римлянъ считался «Юпитеръ» — богъ неба (у грековъ Зевсъ). Равносильное почитанiе имѣла у нихъ и «Веста», богиня домашняго очага (у грековъ Гестiя). Изъ чисто-римскихъ боговъ извѣстны: «Марсъ» — богъ творческой силы; ему всегда посвящалось весеннее время (отъ Марса—Мартъ мѣсяцъ). Впослѣдствiи Марса признавали за бога войны. «Царера» соотвѣтствовала Деметрѣ грековъ, «Миневра» —Палладѣ-Аѳинѣ, „Нептунъ“ – Посейдону. „Янусъ“—богъ солнца, его сестра «Дiана» – богиня луны, ночи. «Юнона» — богиня женственности, «Венера»—богиня грацiи. Боговъ у римлянъ было такъ много, что каждое ихъ дѣйствiе въ жизни состояло подъ покровительствомъ особаго божества.

Жрецы римлянъ молились въ святилищѣ (целля), въ которомъ стояло изображенiе божества, а предъ нимъ жертвенникъ; во время богослуженiя они всегда обращались лицомъ къ востоку. Въ самомъ Римѣ извѣстенъ былъ храмъ въ честь «Весты». Въ немъ служили непорочныя жрицы—«весталки». Онѣ избирались во всѣхъ провинцiяхъ изъ числа болѣе красивыхъ и молодыхъ дѣвушекъ, безъ всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ. Каждая весталка должна была прослужить въ этомъ храмѣ не менѣе тридцати лѣтъ; а обязанность ихъ, главнымъ образомъ, заключалась въ поддерживанiи священнаго огня. Но горе той, въ очередь которой огонь погасалъ; виновную тотчасъ раз-

дѣвали, привязывали и безпощадно сѣкли. Вообще же весталокъ всюду встрѣчали съ особымъ уваженіемъ; онѣ не лишались права посѣщать циркъ и театръ, гдѣ всегда занимали почетныя мѣста. Однако, случалось, что эти невинныя жрицы, увлекшивь любовью, тайно нарушали обѣтъ дѣвственности.... Такъ-какъ римляне молитвѣ и обѣту весталокъ придавали громадную силу предъ богиней, то вѣсть объ опорочившейся священной дѣвушкѣ приводила всѣхъ въ неописанный ужасъ. Въ такихъ случаяхъ несчастную подвергали страшной казни: предъ виновной рыли могилу и, послѣ совершенія публично торжественныхъ обрядовъ, зарывали ее живою въ землю. А соблазнителя ея тутъ же засѣкали до смерти.

Многіе обычаи свои римляне переняли тоже отъ грековъ. Высшее образованіе они получали всегда отъ нихъ, нерѣдко въ самомъ Херсонесѣ. Сыновей своихъ они воспитывали въ любви къ отечеству,— особенно развивали ихъ мускульную силу. Сами держали себя важно, даже надменно; на чужестранцевъ смотрѣли, какъ на враговъ своихъ. Любили окружать себя толпой бѣдняковъ, которыхъ и кормили на свой счетъ. Эти кліенты умѣли вездѣ угождать своему патрону, лишь бы не потерять его покровительства и не остаться безъ пищи.

Въ домашнемъ быту, хотя римляне и были суровы въ отношеніи дѣтей, но женъ своихъ любили, уважали,—не смотря на то, что и надъ ними тоже имѣли неограниченную власть. Отецъ каждой семьи состоялъ и жрецомъ въ своемъ домѣ; богослуженіе до-

машнимъ богамъ, съ жертвоприношеніемъ онъ совершалъ въ «атріумѣ» (главной, обѣденной комнатѣ, открытой сверху). Жены, вмѣстѣ съ дочерьми, занимались домашнимъ хозяйствомъ, сами пряли шерсть для своей одежды; онѣ-же имѣли надзоръ и за рабами,—обыкновенно, изъ плѣнныхъ. Римлянки не вели замкнутой жизни. Честь замужней женщины до того почиталась, что оскорбившій ее подвергался казни. Уродливыхъ, даже слабыхъ здоровьемъ дѣтей, не только подкидывали, но и топили. Сыновья ихъ, при жизни отца, не могли имѣть своей собственности. Дочери выдавались замужъ помимо ихъ согласія; онѣ просто бывали продаваемы отцомъ жениху, по особому контракту.

Древне-римскій брачный обрядъ нѣсколько отличался отъ греческаго: по прочтеніи брачнаго договора, одна изъ женщинъ (сваха), возложивъ руки на плечи жениха и невѣсты, вела ихъ къ домашнему жертвеннику. Во время молитвы, женихъ съ невѣстою, взявшись за руки, ходили вокругъ жертвенника, на которомъ жарилась овца, поросенокъ или корова. Послѣ того начиналось пиршество, во время котораго съѣдалось мясо принесенныхъ въ жертву животныхъ. Съ наступленіемъ ночи, невѣсту вели въ домъ жениха, причемъ путь освѣщался факелами, а воздухъ оглашался веселымъ пѣніемъ и свистомъ флейты. Прійдя къ дому новобрачнаго, его будущую подругу подхватывали и переносили черезъ порогъ, чтобы она не споткнулась,—что̀ послужило бы дурнымъ предзнаменованіемъ. Молодой мужъ встрѣчалъ свою жену въ

атріумѣ и тутъ-же объявлялъ ее участницей въ «огнѣ и водѣ» своего дома,—т. е., что между ними съ того момента все должно быть общее. Принеся жертву богамъ новаго дома, она вступала во всѣ права римской «матроны».

Одежда римлянъ немногимъ была отлична отъ греческой. Выходя изъ дому, мужчины обертывались въ бѣлую шерстяную «тогу» (иматіонъ грековъ), которая обвивала собой тунику, прилегавшую къ тѣлу. На голову они надѣвали иногда шляпу (изъ войлока) съ широкими полями, а на ноги башмаки. Женщины носили всегда «столу» (длинную тунику) поверхъ нижней туники, а сверху драпировались въ «паллу» (родъ иматіи). Дѣвицы надѣвали столы. Бѣдные же люди ходили въ одной лишь туникѣ и босикомъ.

Почти всѣ римскія увеселенія были сходны съ греческими; даже исполнители, напр., актеры, большей часть были греки. Но бой гладіаторовъ—чисто римскаго происхожденія.

Какъ только римлянинъ умиралъ, тотчасъ всѣ домочадцы поднимали неистовый крикъ, непремѣнно выкликая его собственное имя,—и если покойный молчалъ, то это служило несомненнымъ доказательствомъ его смерти. Сейчасъ принимали мѣры, чтобы никто изъ постороннихъ не осквернился, еслибъ неожиданно посѣтилъ мертваго; для сего, обыкновенно, привѣшивали къ наружной двери кипарисную вѣтку. Умершаго выносили всегда днемъ. Процессію открывали музыканты, игравшіе печальную мелодію; за ними слѣдовали плакальщицы, которыя обязаны были еще

болѣе наводить уныніе плачевнымъ пѣніемъ. Носилки покойнаго окружались бывшими его кліентами, родными,—мужчины съ тогой на головѣ. Трупъ укладывали на костеръ и, при похоронномъ же пѣніи, поджигали его.... Затѣмъ, пепелъ собирали въ урну и относили въ фамильную гробницу. Но не всегда тѣло умершаго сжигали; предавали его и землѣ въ „катакомбахъ",—общественныхъ кладбищахъ.

«Катакомбы», строго говоря, относятся къ христіанскому періоду римской жизни. Эти подземныя галлереи въ мученическій вѣкъ служили и мѣстомъ для богослуженія христіанъ, и мѣстомъ для ихъ погребенія. Въ Крыму катакомбамъ соотвѣтствовали пещеры, напр. инкерманскія, тепе-керманскія и другія.

Римляне вѣровали въ безсмертіе души и объясняли, что души умершихъ живутъ въ царствѣ тѣней, посѣщая, однако, и тѣла свои. Душамъ этимъ воздавали почести,—поминали ихъ у семейнаго алтаря и въ храмѣ Весты. Во время сего богослуженія, присутствующіе пѣли, играли и даже танцовали.

Выше было сказано, что римляне управляли Крымомъ деспотически. Жестокостямъ ихъ не было предѣловъ. Чтобы ознакомиться съ этой особенностью ихъ нравовъ, приведу образцы наказаній, какимъ они подвергали подвластныхъ себѣ людей. Съ рабами, напр., они обращались, какъ со скотомъ, а слабосильныхъ, болѣзненныхъ или состарѣвшихъ продавали, вмѣстѣ съ негодными животными.

Плѣнныхъ всегда обращали въ рабовъ. Ихъ посылали на разныя работы, а чтобы они не могли бѣ-

жать,—сковывали; на ночь загоняли ихъ въ подземныя или пещерныя помѣщенія, почти безъ свѣта. Привратники въ домѣ самаго владѣльца держались, обыкновенно, прикованными къ дверямъ. Въ случаѣ побѣга, пойманныхъ клеймили раскаленнымъ желѣзомъ по лбу и заковывали ихъ въ ошейникъ. Пища рабовъ была самая скудная; одѣвали ихъ въ грубую шерстяную ткань. За малѣйшіе проступки людей сѣкли, то розгами, то гибкимъ прутомъ, то плетью съ нѣсколькими узловатыми концами. Чтобы наказуемые не могли сопротивляться, ихъ просто подвѣшивали, привязывая къ ногамъ тяжести. За болѣе важныя провинности—къ плети, вмѣсто узловъ прикрѣпляли острыя косточки или крючки. Подъ такими ударами нерѣдко несчастные умирали.

Римскія матроны были не менѣе жестоки: за какую нибудь небрежность или неосторожность во время туалета, служанокъ своихъ онѣ кололи по лицу и груди длинной иглою; а тѣ, обливаясь кровью, не смѣли пикнуть.

Но за совершеніе преступленій,—или же вслѣдствіе особаго озлобленія рабовладѣльцевъ,—виновныхъ выводили въ народъ подъ ударами крючковатыхъ плетей; изорвавши этимъ орудіемъ пытки все ихъ тѣло, подводили несчастныхъ къ кресту и распинали....

Это было въ эпоху появленія на землѣ Божественнаго Искупителя. Когда ученіе Спасителя о любви къ истинному Богу и ближнему стало быстро распространяться,—со стороны язычниковъ появились противъ христіанъ страшныя гоненія. Принявшіе св. вѣру,

будучи преслѣдуемы, бросались спасаться въ пещеры, катакомбы, въ пустынныя и другія уединенныя мѣста. Въ этихъ убѣжищахъ они среди себя образовали первыя христіанскія общины,—новую церковь (собраніе вѣрующихъ).

Первые христіане собирались молиться всегда по ночамъ, чтобы разойтись до восхода солнца. Молились, обыкновенно, надъ могилами мучениковъ; на ихъ же надгробныхъ камняхъ совершали и безкровную жертву. Такія надгробныя камни служили первыми жертвенниками, первыми алтарями. Ихъ называли тогда «исповѣдальницами», потому что мученики умирали съ исповѣдью святой вѣры. Во время молитвъ, христіане освѣщали свои мрачныя подземелья факелами или свѣтильниками. Съ тѣхъ именно поръ вошло въ обычай освѣщеніе храмовъ свѣчами и лампадами, а также храненіе мощей подъ св. престоломъ.

Около 50 года послѣ Р. Х. на Херсонесскій полуостровъ явился св. Андрей-Первозванный,—первый изъ апостоловъ, призванныхъ Спасителемъ для проповѣдованія Евангелія. Св. апостолъ вышелъ изъ Синопа (основаннаго Милетянами) и приплылъ къ Херсонесскому берегу. Здѣсь проповѣдью и чудесами онъ обратилъ многихъ язычниковъ въ христіанъ. Отсюда прошелъ въ Ѳеодосію и Пантикапею, обращая по пути грековъ и тавро-скиѳовъ въ истинную вѣру. Съ того именно времени вдоль Крымскаго берега и въ горной части страны образовались первые христіанскіе храмы, слѣды которыхъ видны и теперь. Затѣмъ, св. проповѣдникъ, перейдя Кавказскія горы, посѣтилъ Грузію,

Арменію... . Есть преданіе, что онъ ходилъ на берега рѣки Днѣпра, былъ въ Кіевѣ, Новгородѣ....

Спустя 45 лѣтъ, по повелѣнію извѣстнаго гонителя христіанъ кесаря Траяна, привезенъ былъ въ Херсонесъ, для заточенія въ Инкерманскія каменоломни, первый римскій папа Климентъ, крестникъ и ученикъ св. апостола Петра. Епископъ Климентъ на этомъ полуостровѣ нашелъ болѣе двухъ тысячъ христіанъ, которымъ устроилъ до 75 пещерныхъ храмовъ,—по числу образовавшихся духовныхъ общинъ. Продолжая и здѣсь ревностно учить язычниковъ слову Божію, онъ снова навлекъ на себя гоненіе. По приказанію того-же Траяна, святитель, послѣ жестокихъ мукъ, живымъ брошенъ былъ въ море, съ якоремъ на шеѣ. Это случилось въ 101 году.

Изъ числа первыхъ крымскихъ пещерныхъ храмовъ болѣе извѣстны: Инкерманскій и Георгіевскій. Первый былъ выдолбленъ и освященъ самимъ св. Климентомъ. Этотъ замѣчательный храмъ служитъ образцомъ монолитной постройки,—какъ и всѣ пещеры, которыми изрыта Инкерманская скала. Въ ней, строго говоря, было нѣсколько долбленныхъ храмовъ; но въ той части скалы, гдѣ теперь монастырь, сохранилось двѣ церкви, изъ коихъ одна освящена въ память бывшаго тутъ въ ссылкѣ-же епископа св. Мартина, исповѣдника, здѣсь скончавшагося (въ 665 г.). Особенно замѣчателенъ предѣлъ храма св. Климента съ каменной преградой, соотвѣтствующей нашему иконостасу. Въ ихъ алтаряхъ престолъ, жертвенникъ и сѣдалище вырублены въ скалѣ же; престолъ стоитъ

не посреди алтаря, а у восточной сторонѣ скалы. Въ этихъ пещерныхъ храмахъ заключались и гробницы подъ каменнымъ поломъ.

На вершинѣ скалы стояла крѣпость, съ которой спускались въ храмъ по выдолбленной въ скалѣ-же потайной лѣсенкѣ. Эта крѣпость греками называлась «Θеодоро» *); она господствовала надъ окрестностями и бухтою,—а въ окружности существовало Θеодорійское княжество, которое позднѣе было разорено турками. До сихъ поръ сохранилась часть крѣпостныхъ стѣнъ съ башнями.

Но Георгіевскаго пещернаго храма, основаннаго св. Василіемъ, епископомъ Херсонесскимъ, теперь не существуетъ; видна лишь часть алтаря въ одной отбитой пещерѣ, въ запущенномъ видѣ. Надземная церковь, сооруженная въ началѣ IV вѣка, посвящена св. великомученику Георгію, отличавшемуся въ юности геройскими подвигами; онъ былъ замученъ римскимъ императоромъ Діоклетіаномъ за нежеланіе отказаться отъ христіанской вѣры. Здѣсь находится монастырь (Балаклавскій). Онъ стоитъ надъ страшной крутизной берега моря, надъ поверхностью котораго возвышаются фантастическія базальтовыя скалы.... Георгіевскій монастырь служилъ разсадникомъ христіанства очень долгое время,—до XV ст., т. е. до турецкаго владычества въ Тавридѣ.

*) Впослѣдствіи турками названа «Инкерманъ»—пещерная крѣпость.

XII.

Древніе евреи и древніе христіане въ Крыму. Хазары. Св. Кириллъ и Меѳодій.

Вмѣстѣ съ Гераклійцами, тоже за 500 лѣтъ до Р. Х., поселились на полуостровѣ іудеи изъ Палестины.... Видя успѣшное обращеніе херсонитянъ въ христіанскую вѣру, благодаря проповѣдямъ епископовъ, совершавшихъ и чудеса посредствомъ молитвы,—евреи вмѣстѣ съ закоренѣлыми язычниками, начали миссіонеровъ преслѣдовать, истязать ихъ, таскать въ народъ на поруганіе и даже подвергать мученической смерти. Такъ окончилъ жизнь свою первый Херсонесскій епископъ св. Василій. Мученическій вѣнецъ воспріяли и другіе святители изъ числа его преемниковъ, коихъ чтитъ наша церковь.

Въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ по Р. Х. и въ Крыму христіане, опасаясь преслѣдованій за исповѣданіе истинной вѣры, совершали Богослуженіе въ подземныхъ пещерныхъ храмахъ, по ночамъ, при свѣтѣ факеловъ или лампочекъ, для которыхъ приносили елей. Всенощныя молитвы они оканчивали всегда къ разсвѣту. Въ день же «солнечный», или «день хлѣба» (воскресный) всѣ вѣрующіе собирались вмѣстѣ,—каж-

дая община въ свою церковь, и здѣсь совершалась древняя литургія.

Во второмъ вѣкѣ обѣдня шла такъ: пѣли хоромъ псалмы,—и благозвучное пѣніе сильно вліяло на религіозный духъ молящихся; читали посланія апостоловъ или пророковъ; слушали благочестивыя наставленія своего священнослужителя, облачавшагося въ «епитрахиль» и «фелонь» (которая изображала верхнюю одежду апостоловъ) *). Когда онъ произносилъ молитвы и благодареніе Богу, діаконъ, имѣя на плечѣ «орарь» изъ бѣлаго полотна (съ изображеніемъ на немъ ангельскихъ словъ: святъ, святъ, святъ!),—кадиломъ воскурялъ ѳиміамъ (ладонъ), въ знакъ благоуханья усердныхъ молитвъ. Послѣ славословій и хвалебной пѣсни «Аллилуіа», всѣ присутствующіе восклицали: «Аминь!» **) Тогда прихожане приступали къ св. дарамъ и всѣ обязательно причащались: тѣло Христово священнослужитель бралъ съ «дискоса» пальцами (подобно Спасителю) и передавалъ въ руки причастникамъ; потомъ подносилъ отдѣльно кровь Христову въ «потирѣ» ***). Для причастія сами молящіеся приносили хлѣбъ, вино и воду. Но тѣмъ христіанамъ, которые отсутствовали,—по болѣзни или по случаю заключенія въ темницу,—св. дары непремѣнно посылались съ діакономъ. Изъ храма выходили не ранѣе, какъ послѣ благословенія священника. Послѣ «собра-

*) *Фелонь*—бѣлый плащъ, или хламида,—вѣрнѣе, кусокъ широкаго сукна или полотна, безъ рукавовъ и шитья; онъ накидывался на плечи, гдѣ и укрѣплялся.

**) *Аллилуіа* и *аминь*—слова еврейскія; первое означаетъ: хвалите Господа, а послѣднее, какъ печать молитвъ: истинно, да будетъ.

***) *Дискосъ* и *потиръ* первоначально дѣлались изъ дерева или стекла.

нія» (литургіи) христіане шли въ трапезную часть храма, гдѣ совершалась «трапеза любви», т. е. братское угощеніе. Духовныя лица вообще между христіанами очень почитались; сами-же духовные, въ знакъ непорочной жизни, носили всегда бѣлую одежду.

Въ инкерманскихъ пещерныхъ церквахъ служилась литургія св. Климента. Порядокъ совершенія литургіи (общественнаго Богослуженія) церковь наша приняла отъ апостоловъ—по преданію, а не письменно. Апостолы же управляли самой церковью до конца перваго столѣтія, т. е. до своей кончины. Таинство Евхаристіи, во время котораго Духъ Святой претворяетъ хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову, какъ извѣстно, установлено самимъ Спасителемъ въ Тайной вечери. Обряды въ литургію введены преемниками апостоловъ, называемыхъ «мужами апостольскими». Обряды приняты въ Богослуженіе для нагляднаго объясненія догматовъ вѣры и поученія народа въ благочестіи.

Погребеніе древними христіанами совершалось такимъ образомъ: послѣ омовенія тѣла, обертывали его въ саванъ и переносили въ храмъ; здѣсь надъ умершимъ, лежавшимъ на полу, читали псалтырь; послѣ кажденія, совершавшагося въ воспоминаніе ароматовъ, принесенныхъ, къ погребенію Іисуса Христа,—произносилась разрѣшительная молитва и тѣло предавали землѣ. Покойнаго или укладывали въ каменную усыпальницу, въ храмѣ-же, которую закрывали только плитой, или же въ могилу; въ послѣднемъ случаѣ, голову усопшаго всегда обкладывали камнями, а сверху

накрывали плитою. Затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ могилу разрывали, съ достойными обряду молитвами, собирали кости и, омывъ ихъ виномъ, складывали въ общую усыпальницу—тоже въ храмѣ, подъ поломъ или въ стѣнѣ; черепъ же присоединяли къ черепамъ—въ другой гробницѣ.

Въ началѣ четвертаго вѣка, при Римскомъ императорѣ Константинѣ Великомъ, принявшемъ св. крещеніе, христіанство, наконецъ, восторжествовало! Тогда и въ Крыму свободно стали воздвигать церкви,—особенно въ Херсонесѣ. Войска Константина, стоявшія въ этомъ городѣ, имѣли уже на щитахъ и знаменахъ кресты. Жители стали открыто носить на шеѣ металлическіе и каменные крестики,—символъ христіанской вѣры. Іерусалимскій патріархъ, исполняя волю самого св. апостола Андрея, присылалъ сюда миссіонеровъ-епископовъ, которые назывались «корсунскими».

Сперва зданіе церквей строили овальными, потомъ продолговатыми и прямоугольными,—изъ массивныхъ штучныхъ камней безъ цемента, или же изъ кирпичей, спаивавшихся слоями замазки, которая, при высыханіи, превращалась въ твердую массу. Нѣкоторые храмы внутри подраздѣлялись продольно, колоннадой на три или пять частей, а восточная сторона дѣлалась нѣсколько возвышенной и съ полукругомъ—для алтаря. Такая постройка, называвшаяся первоначально «базиликой», впослѣдствіи, съ удлиненіемъ алтарной части строенія и расширеніемъ боковыхъ, принимала крестообразный видъ, Надъ алтаремъ выводили арку на мраморныхъ колоннахъ, съ красивыми капителями;

украшали храмы,—какъ внутри, такъ и снаружи,—цѣнными остатками матеріаловъ отъ языческихъ капищъ, которыя быстро разрушали. Полы покрывали мраморомъ и мозаикой, а стѣны орнаментами, съ изображеніемъ крестовъ.

Каждая надземная церковь имѣла: алтарь (святая святыхъ), самый храмъ и притворъ (трапезу). Сперва алтарь православной церкви отдѣляли одной лишь завѣсой, а потомъ—преградой (иконостасомъ). Въ первыя времена христіанства св. престолы, на которыхъ совершалась безкровная жертва, были изъ камней или дерева, а съ четвертаго вѣка ихъ сооружали изъ серебра и золота,—какъ напримѣръ, въ храмѣ св. Софіи (въ Царьградѣ); этотъ престолъ, вслѣдствіе своей драгоцѣнности и изящества, вовсе не былъ покрытъ одеждами. Съ того же времени дискосы, потиры и другія священные сосуды тоже дѣлались изъ серебра и золота. Въ притворѣ, обыкновенно, молились оглашенные; допускались сюда, для слушанія поученій, и еретики, язычники, евреи,—только на литургію оглашенныхъ. А на паперти стоялъ особый видъ кающихся. Ихъ называли «плачущими», - потому что они предъ всякимъ богомольцемъ, имѣвшимъ право войти въ храмъ, бросались на земь и съ плачемъ просили помолиться объ отпущеніи грѣховъ ихъ.

Въ дни Великаго поста всѣ вели себя воздержанно; также много плакали—въ очищеніе греховъ. Постомъ оглашенные (просвѣщаемые) готовились къ крещенію, которое совершалось въ Великую субботу вечеромъ,—

такъ какъ Таинство крещенія изображаетъ погребеніе и воскресеніе Господне.

Древніе христіане призывались въ храмъ Божій первоначально звономъ въ деревянныя или желѣзныя доски. Прежде чѣмъ войти въ церковь, они,—для очищенія совѣсти,—умывали руки водой изъ купели, стоявшей при входной двери. Войдя же въ храмъ, дѣлали земной поклонъ къ алтарю и кланялись во всѣ стороны народу,—въ знакъ привѣтствія и примиренія. Въ Проскомидіи и Литургіи оглашенныхъ слушали церковное пѣніе псалмовъ *), чтенію ветхаго и новаго завѣта, потомъ Евангелія; затѣмъ,—пастырскія поученія и молитвы объ оглашенныхъ, съ благословеніемъ молящихся словами: «Миръ всѣмъ!» (—въ воспоминаніе привѣтствія Спасителемъ этими словами учениковъ своихъ). Предъ начатіемъ Литургіи вѣрныхъ,—всѣ оглашенные выходили. Эта часть обѣдни прежде начиналась «молитвами тайными» (т. е. молились про себя); но впослѣдствіи эти молитвы замѣнены общими прошеніями, возглашаемыми діакономъ (эктеніями), во время которыхъ священникъ тайно молится въ алтарѣ о достойномъ совершеніи приготовляемой безкровной жертвы. По перенесеніи св. Даровъ на престолъ, послѣ возгласа діакона: «возлюбимъ другъ друга».... всѣ прихожане между собой цѣловались (мужчины отдѣльно отъ женщинъ); кто въ руку, кто въ голову, кто въ плечо, но не въ уста. Когда діаконъ возглашалъ: «двери, двери, премудростію вон-

*) Церковное пѣніе по нотамъ (крюковатымъ знакамъ) введено впервые папой Григоріемъ Великимъ.

мемъ!»—всѣ церковныя двери тотчасъ запирались и никто не выпускался. Этотъ обычай объясняется тѣмъ, что, во время молитвы символа Вѣры (введенной въ концѣ V вѣка), всѣ чувства (двери) христіанъ должны быть закрыты для всего вещественнаго. Молитву Господню пѣли хоромъ-же съ особымъ благоговѣніемъ. Послѣ Евхаристіи, оставшіяся просфоры раздавались всѣмъ въ трапезной, кромѣ оглашенныхъ. Въ такіе «дни хлѣба» всѣ христіане ликовали, т. е. праздновали. Приносить Богу жертву значитъ торжествовать, а Божественная жертва заключаетъ въ себѣ всѣ виды древнихъ жертвъ *). Съ IV вѣка священнослужители надѣвали уже золототканное облаченіе.

Съ конца VII и въ VIII стол. степной частью Тавриды владѣли Хазары **). Они вели войны съ Русью. Послѣ ряда побѣдъ князя Святослава, вынуждены были просить помощи у Византійскихъ императоровъ, которые и присоединили земли хазаръ, въ томъ числѣ и Крымъ, къ своей Имперіи. Въ IX вѣкѣ этотъ дикій народъ отправилъ въ Византію пословъ съ просьбою прислать къ нимъ человѣка, который бы могъ на ихъ родномъ языкѣ открыть предъ ними истинную вѣру. Послы говорили, что ихъ единоплеменники съ давнихъ временъ язычники; что евреи увѣщеваютъ ихъ принять іудейское вѣроученіе, а магометане увѣряютъ, что ихъ религія лучше. Тогда къ хазарамъ былъ посланъ Константинъ философъ,—въ

*) Въ Бахчисарайскомъ монастырѣ первоначально существовалъ обычай—въ день Успенія Пр. Богородицы приносить къ храму животныхъ, которыхъ греки тутъ-же, возлѣ храма, заколали и поѣдали.

**) Хазарское царство включало въ себѣ: Кавказъ, Донскія степи, Молдавію, Венгрію и другія страны.

монашествѣ св. Кириллъ, жившій предъ тѣмъ въ монастырѣ на горѣ Олимпѣ. Прибывъ въ Херсонесъ, вмѣстѣ со старшимъ братомъ Меѳодіемъ, оба они принялись изучать хазарскій и еврейскій языки. Затѣмъ, св. братья отправились къ хазарамъ въ ихъ столицу Балангіаръ (около Астрахани), гдѣ и были приняты съ почестью. Хазарскій «каганъ» (глава, князь), выслушавъ религіозный споръ проповѣдниковъ съ мудрецами еврейскаго и магометанскаго закона, провозгласилъ со своими старѣйшинами преимущество христіанской вѣры! Однако, немногая часть крымскихъ хазаръ успѣла уже раньше (въ VIII вѣкѣ) обратиться въ іудейство,—и отъ нихъ то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, произошли нынѣшніе караимы *). Св. Кириллъ и Меѳодій извѣстны, въ особенности, переводомъ книгъ священнаго писанія съ латинскаго на славянскій языкъ,—тысяча лѣтъ тому назадъ. До нихъ же славяне совершали Богослуженіе на латинскомъ нарѣчіи. Эти славянскіе просвѣтители обрѣли въ Инкерманѣ мощи св. Климента, которые были торжественно внесены въ херсонесскій Софійскій храмъ, а впослѣдствіи часть мощей ими же была отвезена въ Римъ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ построена была позднѣе церковь и въ честь св. Климента.

*) Фирковичемъ была открыта гробница одного караимскаго раввина, обращавшаго хазаръ въ іудейство еще въ VII столѣтіи.

XIII.

Взятіе гор. Корсуня кн. Владиміромъ и крещеніе его. Торговое значеніе гор. Сурожа. Успенскій монастырь. Насилія турокъ надъ духовенствомъ. Фирманъ Магомета о вѣротерпимости. Бывшія въ Крыму епархіи. Готѳы. Манкупъ и другія укрѣпленія. Переселеніе христіанъ въ Азовскую губернію.

Въ 988 году великій князь Владиміръ на небольшихъ плоскодонныхъ судахъ,—вѣрнѣе, парусныхъ лодкахъ, приплылъ отъ устьевъ р. Днѣпра къ Херсонесскому полуострову. Его флотилія, войдя въ теперешнюю Севастопольскую бухту, высадилась на берегъ. Оттуда русская дружина обложила гор. Корсунь (Херсонесъ). Граждане упорно защищались и долго не сдавались. Русскіе, желая взять городъ приступомъ; ежедневно насыпали у городскихъ стѣнъ земляной валъ, но за ночь вся эта насыпь тайно уносилась въ городъ. Наконецъ, одинъ священникъ Анастасъ пустилъ въ русскій станъ стрѣлу съ запиской: «за вами, къ востоку, находятся колодцы, откуда херсонесцы получаютъ воду черезъ трубы,—перекопайте водопроводы». Тогда Владиміръ воскликнулъ: «Если это сбудется, я крещусь!»—и приказалъ воспользоваться этою

случайностью. Когда вода была отрѣзана,—херсонитяне сдались.

Оттуда онъ послалъ войска свои занять Тмутаракань. По взятіи этого важнаго пункта, великій князь изъ Корсуня отправилъ въ Византію пословъ просить руки царевны Анны, сестры императоровъ Василія и Константина, приказавъ имъ сказать: «Вашъ славный городъ я взялъ; такъ поступлю и съ вашею столицей, если не отдадите за меня сестры своей, еще не замужней, которая, какъ слышно, есть у васъ». Императоры изъявили согласіе, съ тѣмъ, однако, чтобы Владиміръ крестился. «Скажите царямъ своимъ»,—отвѣчалъ онъ греческимъ посламъ,—«я крещусь, я еще прежде испыталъ законъ вашъ чрезъ нарочитыхъ своихъ мужей и полюбилъ вашу вѣру, ваше богослуженіе». Тогда императоры начали умолять сестру отправиться къ русскому князю, такъ какъ она добровольна не хотѣла ѣхать, боясь плѣненія; наконецъ, братья убѣдили ее согласиться. Она выѣхала съ намѣреніемъ быть посредницей обращенія русскаго народа въ христіанство для спасенія своего отечества отъ русскаго оружія. Когда царевну привезли въ Херсонесъ, Владиміръ немедленно принялъ крещеніе въ храмѣ св. Богоматери *). Вскорѣ послѣдовало и бракосочетаніе его съ царевною Анной. Въ память своего крещенія, кн. Владиміръ воздвигнулъ здѣсь храмъ на томъ самомъ холмѣ, который образовался отъ земли, уносившейся херсонитянами во время осадныхъ работъ. Въ Херсонесѣ кн. Владиміръ отчеканилъ бронзовую монету съ

*) По другимъ источникамъ,—въ храмѣ св. Василія.

вензелемъ слитыхъ буквъ «В» и «А» (Владиміръ и Анна). Корсунь былъ возвращенъ Византіи, какъ дань за руку царевны. Но Тмутаракань великій князь оставилъ за собою и образовалъ тамъ удѣльное княжество *).

Возвращаясь обратно въ Кіевъ, Владиміръ взялъ съ собою прибывшаго съ царевной изъ Константинополя епископа Михаила и духовенство, а также главу св. Климента и часть мощей одного изъ его учениковъ св. Фива; кромѣ того,—кресты, иконы и церковные сосуды, для крещенія народа. Епископъ Михаилъ былъ возведенъ въ санъ митрополита Кіевскаго. Въ числѣ разныхъ рѣдкостей, вывезенныхъ тогда же въ Кіевъ, были: бронзовыя царскія врата, четыре мѣдныя конныя статуи; послѣднія были поставлены въ Кіевѣ на площади.

Православная церковь причла кн. Владиміра къ лику святыхъ, назвавъ его Равноапостольнымъ. На мѣстѣ, гдѣ онъ принялъ крещеніе,—въ 1861 году, 23 августа, освященъ фундаментъ новаго храма во имя св. Владиміра; закладку совершилъ лично императоръ Александръ II. Внутри этой величественной церкви **), византійской архитектуры,—сохранилась каменная купель гдѣ св. Владиміръ крестился, и фундаментъ древняго христіанскаго храма изъ огромныхъ каменныхъ плитъ. А снаружи ясно видны части стѣнъ и половъ церквей, строившихся даже при частныхъ домахъ. Въ томъ-же

*) Впослѣдствіи это княжество было захвачено половцами, а отъ нихъ перешло къ татарамъ.

**) Пока она выстроена вчернѣ.

году, на развалинахъ Херсонеса, основанъ первоклассный Владимірскій монастырь.

Послѣ взятія Корсуня, торговое значеніе сего города пало. Но поднялся гор. Сурожъ (Судакъ). Онъ сдѣлался главнымъ торговымъ (и укрѣпленнымъ) портомъ береговъ Крыма. Сурожъ велъ торговлю съ Азіей и Европой; самое Черное море тогда называлось «Сурожскимъ». Московскіе купцы сюда пріѣзжали за шелковыми и другими цѣнными тканями, которыя носили тамъ названіе «сурожскихъ»; въ обмѣнъ-же привозили дорогіе мѣха. Въ XIV ст. торговля Сурожа слилась съ кафинской и осталась въ рукахъ генуэзцевъ.

Съ XV вѣка честь поддержанія и развитія православія въ Крыму перешла отъ Георгіевскаго въ Успенскій (Бахчисарайскій) монастырь, пещерный храмъ котораго открытъ въ IV ст. Этотъ монастырь тоже едва не погибъ отъ турецкаго гнета; уцѣлѣлъ же благодаря покровительству самихъ хановъ, которые вообще были вѣротерпимы, кромѣ одного—Капланъ-Гирея.

Съ того-же стол. Успенскій скитъ постоянно получалъ изъ Россіи денежныя пособія, на которыя онъ, главнымъ образомъ, существовалъ. Возлѣ него, въ древнихъ пещерахъ и въ ущельѣ, жили греки, образовавшіе поселеніе «Маріанополь». Турки часто этотъ монастырь грабили, такъ какъ не могли его сжечь, подобно другимъ; а настоятелей сажали въ темницы, подвергая ихъ и другихъ иноковъ разнымъ насиліямъ. Не оставляли безъ преслѣдованій и бѣлое духовен-

ство ихъ; раззоряли ихъ имущество, отрѣзали имъ языки, какъ и многимъ другимъ грекамъ, безчестили ихъ женъ и дочерей. Изъ церквей уносили священные сосуды, цѣнные образа *) и церковную утварь; а церковныя книги сжигали.

Я сказалъ, что Крымскіе ханы были вѣротерпимы. Эту вѣротерпимость можно объяснить существованіемъ завѣщанія самаго пророка Магомета—объ огражденіи христіанъ отъ притѣсненій, за исповѣданіе своей религіи. Этотъ интересный документъ хранится въ особой комнатѣ султанскаго дворца въ Константинополѣ, а комната замыкается желѣзной дверью и охраняется стражей. Въ ней бережется также клочекъ волосъ отъ бороды Магомета и кусокъ матеріи отъ его одежды. Фирманъ этотъ, данный инокамъ Синайскаго монастыря, начинается такъ: «Во имя Аллаха, всемилостиваго, всемилосердаго! Писалъ писаніе Мухамедъ, сынъ Абдъ-Аллаховъ, въ радость и увѣщаніе всѣмъ людямъ. Писалъ, какъ для своихъ единовѣрцевъ, такъ и для всѣхъ, исповѣдующихъ христіанство на востокѣ и на западѣ земли, ближнихъ и дальнихъ, грамотныхъ и безграмотныхъ, знатныхъ и простыхъ, давая писаніе сіе въ завѣтъ. И кто нарушитъ этотъ завѣтъ и поступитъ въ противность заключающемуся въ немъ, и преступитъ повелѣваемое онымъ,—тотъ есть нарушитель завѣта Аллахова и преступникъ, посмѣивающійся надъ его религіею и достойный проклятія, будь онъ владыка народовъ или простой пра-

*) Иковы, обыкновенно, были росписныя—по стѣнамъ, корсунской живописью.

вовѣрный». Затѣмъ излагается: «Если священникъ или отшельникъ поселится на горѣ какой, въ долинѣ, въ пещерѣ» (или въ другихъ мѣстахъ), «то пребуду я скрестъ ихъ защитникомъ отъ враговъ ихъ... и всѣ исповѣдники вѣры моей...., потому что эти отшельники суть паства».... «Да не смѣнится епископъ съ епархіи своей, ни священникъ съ прихода своего, ниже изгонится монахъ изъ монастыря своего».... «Да не разрушится ни единая изъ церквей ихъ и да не употребится ничего изъ принадлежащаго церквамъ ихъ на постройку мечетей или домовъ мусульманъ. Кто же сотворитъ сіе, тотъ есть нарушитель завѣта Аллаха и противникъ его пророка». «Да не налагается никакого сбора и никакой повинности на епископовъ, ни на священниковъ, ниже на кого изъ посвятившихъ себя на служеніе Богу»... «не брать съ нихъ ни харадуса (подати), ни десятины (съ посѣвовъ), такъ какъ это дѣлается ими только ради пропитанія себя».... «Да не подвергнется ни одинъ изъ нихъ правосудію..., но да распрострутъ (мусульмане) надъ ними крыло милосердія».... «Если случится христіанкѣ быть между мусульманами, то не принуждать ее ни къ чему насильно, позволять ей молиться въ церквахъ».... «Кто поступитъ въ противность сего завѣта Божія и замыслитъ противное сему, тотъ есть бунтовщикъ противъ союза заключеннаго Аллахомъ и его пророкомъ. Да оказываютъ имъ помощь въ построеніи церквей и мѣстъ поклоненія, и да служитъ эта помощь къ сохраненію ихъ религіи».... «Да не принуждаютъ ихъ носить оружіе, но да носятъ его за

нихъ сами мусульмане. Да не нарушатъ сіи послѣдніе этого завѣта во вѣкъ, пока существуетъ время и міръ стоитъ».—Фирманъ писанъ на кожѣ газели и скрѣпленъ, вмѣсто подписи, оттискомъ собственной руки Магомета.

Не смотря на завѣтъ Магомета, турки упорно преслѣдовали христіанъ. Послѣдніе скрывались въ пещеры и тамъ усердно молились, сопровождая всякое молитвословіе пѣніемъ. Мелодичное церковное пѣніе поддерживало и укрѣпляло ихъ духовное настроеніе. Они страдали, но были бодры духомъ. Независимо отъ молитвы, они держали строгій постъ, позволяя себѣ ѣсть рыбу только въ день Благовѣщенія. Въ Бахчисарайскомъ пещерномъ храмѣ Богослуженіе не прерывалось и тогда, когда этотъ монастырь подвергался грабежу.

Въ Крыму существовало съ IV вѣка пять епархій: Босфорская, Херсонесская, Сурожская, Фульская (между Алуштой и Ялтою) и Готская (между тремя послѣдними). Босфорская была соединена въ IX вѣкѣ съ Сурожскою. Херсонесская епархія перестала самостоятельно существовать послѣ раззоренія Херсонеса Литовскимъ княземъ Олгердомъ, въ 1360 году. Сурожская (Сугдейская) и Фульская (Фунская) существовали до XV ст. Въ Судакѣ былъ соборный храмъ св. Софіи, въ которомъ покоились мощи св. Стефана—сурожскаго, бывшаго здѣсь епископомъ (въ первой половинѣ VIII в.) Наконецъ, во время покоренія Крыма оставалась одна епархія Готская. Епископъ ея имѣлъ прежде свою каѳедру въ гор. Мангубѣ (Манкупѣ). Здѣсь была и

резиденція князей готѳовъ, прибывшихъ въ Тавриду во второмъ стол. по Р. Х.

Въ половинѣ перваго вѣка по Р. Х. въ Крымъ вторгнулись варвары,—кочевой народъ, занимавшійся только грабежомъ. Они опустошали страну почти сто лѣтъ сряду. Это были Аланы. Но воинственные Готѳы (происходившіе отъ скиѳовъ) покорили Алановъ и укрѣпились въ горахъ. Впослѣдствіи Готѳы приняли христіанство (въ III вѣкѣ) и слились съ греками; основали здѣсь республику, и потомъ Готѳское княжество съ главнымъ городомъ Манкупомъ, выстроенномъ на скалѣ. Это былъ (въ десятомъ вѣкѣ) прекрасный городъ, съ замками и богатыми храмами. Это была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и неприступная крѣпость, обнесенная съ доступныхъ сторонъ стѣнами и башнями,—центральный военный пунктъ, защищавшій горную часть Тавріи отъ степныхъ народовъ, особенно отъ Гунновъ. Князья готѳовъ назывались «Топархами». Эти послѣдніе происходили отъ Византійскихъ императоровъ, изъ рода Комниныхъ *).

Отъ Манкупа, на востокъ и западъ, а также вдоль береговъ моря, на возвышенностяхъ стояли другія укрѣпленія, имѣвшія взаимное сообщеніе. Одни изъ нихъ устроены были крѣпостями, съ жилищами и христіанскими храмами внутри, а другія,—какъ наблюдательные посты.

Особенно извѣстны внутри горъ: „Черкесъ-кер-

*) Въ XIV в. извѣстенъ былъ князь Манкупскій Исайко, предлагавшій свою дочь за сына царя Іоанна III.

манъ", въ которомъ имѣется чрезвычайно глубокій колодезь, продолбленный въ скалѣ; за водой сходили внизъ по крутымъ ступенямъ. Въ этой крѣпости были храмы и жилища, изсѣченные въ скалѣ-же; остатки ихъ и теперь видны. «Тепе-керменъ» не менѣе замѣчателенъ. Въ этомъ укрѣпленіи множество пещеръ, которыя расположены ярусами и соединены лѣстницами, вырубленными въ скалѣ, но уже слизанными временемъ. У вершины горы—пещерный храмъ съ преградой, купелью, гробницами. «Качь - кальонъ» имѣлъ тоже пещерныя жилища, куда приносилась ключевая вода съ вершины этого утеса. Когда обитали здѣсь генуэзцы, они воздвигли большую церковь, остатки которой еще видны. «Сюрейнская» башня—образецъ наблюдательныхъ пунктовъ. Изъ береговыхъ бывшихъ укрѣпленій назовемъ Алуштинское, Балаклавское, а между ними: «Кастель», «Гурзуфъ», «Учансу-исаръ», «Гаспра-исаръ», «Ай-Петри-исаръ»; всѣ они теперь въ развалинахъ.

Съ нашествіемъ турокъ, послѣ покоренія ими генуэзскихъ колоній, пало и Готское княжество; всѣ сооруженія ихъ обращены въ руины.

Въ концѣ XVIII ст. въ Манкупѣ еще жили караимы и татары (до трехсотъ семействъ), занимаясь кожевеннымъ ремесломъ; была тутъ ихъ синагога и мечеть. Теперь-же видны тамъ только ихъ кладбища.

Послѣднимъ архіепископомъ Готской епархіи былъ митрополитъ Игнатій. Его каѳедра находилась въ Успенскомъ монастырѣ. Онъ просилъ русское пра-

вительство (черезъ князя Долгорукова) принять подъ свое покровительство здѣшнихъ христіанъ, такъ-какъ они враждовали съ татарами, которые многихъ изъ нихъ обращали въ свою вѣру. Вслѣдствіе такого ходатайства, графъ Н. Панинъ запрашивалъ въ 1772 г. генерала Щербинина о состояніи крымскихъ церквей и христіанскаго здѣсь духовенства. По полученіи отзыва, просьба митрополита была уважена. Въ 1779 году множество христіанъ, болѣе 30000 душъ обоего пола, было переведено въ Азовскую губернію. Этотъ выводъ обошелся правительству въ 230 тысячъ руб. ассигн. Съ ними отправился и Игнатій съ духовенствомъ.

Послѣ напутственнаго молебствія въ Успенскомъ пещерномъ храмѣ, всѣ христіане и окрестившіеся татары, поднявъ чудотворную икону св. Богородицы, тронулись въ путь со всѣмъ движимымъ имуществомъ, вдоль живописнаго Бахчисарайскаго ущелья; они прошли подъ охраною Суворовскихъ солдатъ. Въ концѣ города къ митрополиту подъѣхалъ Шагинъ-Гирей и пожелалъ всѣмъ счастливаго пути. Христіане, затѣмъ, размѣстились на шестистахъ русскихъ подводахъ, нарочно за ними присланныхъ Азовскимъ губернаторомъ и двинулись къ Перекопу.

Съ тѣхъ поръ на берегахъ Азовскаго моря образовались города: Маріуполь (въ память о Маріанополѣ), заселившійся греками, и Нахичевань (въ воспоминаніе о Нахичеванѣ, въ Арменіи)—армянами. *)

---

*) Армяно-католики перешли въ г. Екатеринославъ.

Предъ выходомъ изъ Крыма христіане сами разобрали свои храмы, а строительный матеріалъ закопали глубоко въ землю, чтобы магометане не могли имъ воспользоваться; даже на этихъ мѣстахъ посадили деревья, чтобы скрыть отъ татаръ слѣды церковныхъ мѣстъ.

XIV.

Общее понятіе объ учрежденіи Таврической области. Характеристика тогдашнихъ отношеній татаръ къ русскимъ. Грабежи и разбои. Злоупотребленія мурзъ и простыхъ татаръ. Сельская промышленность у татаръ. Соляной промыселъ.

По окончательномъ присоединеніи Крыма, указомъ отъ 8 февраля 1784 года, учреждена Таврическая область. Въ составъ ея вошло семь уѣздовъ: Симферопольскій (Акъ-Мечетскій), Левкопольскій (Старо-Крымскій), Евпаторійскій (Козловскій), Перекопскій, Днѣпровскій, Мелитопольскій (Ногайская степь) и Фанагорійскій (Таманскій полуостровъ). Въ іюнѣ того года генералъ Игельстромъ въ Карасубазарѣ открылъ «Крымское земское правительство» и объявилъ, что государыня назначила правителемъ области ст. сов. Каховскаго (Василія), а главнымъ начальникомъ, совмѣстно съ Екатеринославскимъ намѣстничествомъ, князя Потемкина. Всѣ кади, каймаканы и муфтіи утверждены въ своихъ должностяхъ *).

*) При ханахъ Крымъ раздѣлялся на шесть каймаканствъ (провинцій): Акъ-Мечетское, Карасубазарское, Бахчисарайское, Гезлевское, Орское и Кефинское. Каймаканства дѣлились еще на кадылыки (уѣзды,—вѣрнѣе, волости), коихъ было 42; а деревень всего числилось 1600.

Тогда же поселокъ деревни «Ахтіаръ» переименованъ въ Севастополь (въ переводѣ—знаменитый городъ) *); городъ „Кефе“ названъ по прежнему Θеодосіей, «Гезлевъ»—Евпаторіей. Манифестомъ отъ 22 февраля 1784 года объявлялось, что всѣ народы, состоящія въ дружбѣ съ Россійскою имперіей, могутъ свободно производить торговлю въ Херсонѣ, Севастополѣ и Θеодосіи. Вскорѣ, въ іюлѣ того же года, къ Таврической области присоединили Керчь, Еникале и Кинбурнъ съ ихъ округами **).

На устройство вновь пріобрѣтенной страны Потемкинымъ было издержано нѣсколько сотъ милліоновъ рублей. Естественныя богатства края привлекли промышленниковъ и торговцевъ, которые и были поселены во вновь отстроенныхъ городахъ. Морскія пристани были освобождены на пять лѣтъ отъ платежа пошлинъ. У береговъ Крыма появились иностранныя коммерческія суда и образовалась правильная торговля. Въ Севастопольской бухтѣ весь Черноморскій флотъ могъ найти убѣжище отъ бурь и защиту отъ непріятеля. Степная часть области, внѣ Крыма (Ногайская степь), заселилась земледѣльцами изъ великороссіянъ и малороссовъ, привлеченныхъ сюда многими льготами; а позднѣе—менонитами, молоканами и др.

Татарамъ даны были разныя преимущества: они освобождались отъ платежа податей и другихъ повинностей; дома ихъ—отъ постоя, семейства—отъ рек-

*) Самая дер. «Ахтіаръ» находилась на сѣверной сторонѣ бухты, въ небольшой балкѣ.

**) Область переименована въ губернію въ 1802 году; съ того времени Симферополь назначенъ губернскимъ городомъ.

рутскаго набора. Имъ дано было право свободно совершать свое богослуженіе и разбирать по шаріату всѣ духовныя дѣла; рѣшать даже нѣкоторыя гражданскія дѣла,—напр., о раздѣлѣ наслѣдства. Мурзы и простые татары были осыпаны разными наградами. Всѣ мурзы возведены въ дворянское достоинство—по свидѣтельству лишь двѣнадцати лицъ о ихъ благородномъ происхожденіи. Не смотря на эти привиллегіи, многіе татары (до 80 тысячъ, а съ ногайцами до 300 тысячъ человѣкъ), отнесясь недовѣрчиво къ дѣйствіямъ русскаго правительства, вслѣдствіе своего фанатизма, ушли въ Турцію,—чему, впрочемъ, Потемкинъ не препятствовалъ.

Многимъ мурзамъ и русскимъ дворянамъ были розданы въ Крыму свободныя земли,—хотя самый отводъ земель производился безъ всякаго порядка и не безъ злоупотребленій. Тогда вельможи сами себѣ жаловали земли въ пріобрѣтенномъ краѣ. Имъ стоило только заявить о такомъ желаніи мѣстнымъ властямъ. Такъ напр., Таврическое областное правленіе, по одному лишь частному письму къ Каховскому Потемкина, закрѣпило за симъ послѣднимъ болѣе 460 тысячъ десятинъ земли подъ названіемъ Ачуевской.

Оставшіеся мурзы вскорѣ стали употреблять во зло дарованныя имъ права. Напримѣръ, на дворянскихъ выборахъ, въ которыхъ участвовали и русскіе чиновники, мурзы, не входя въ оцѣнку баллотирующихся лицъ, поддерживали преимущественно своихъ единовѣрцевъ;—и тѣмъ устраняли способныхъ русскихъ чиновниковъ отъ должностей. Вотъ почему губернскіе

и уѣздные предводители дворянства, земскіе исправники, засѣдатели въ уѣздныхъ судахъ—почти всѣ были тогда изъ мурзъ. Такимъ образомъ, всѣ дѣла находились *въ ихъ рукахъ!* Русскіе съ большимъ трудомъ получали удовлетвореніе по своимъ претензіямъ къ татарамъ.

Земская полиція не понимала,—лучше сказать, не хотѣла знать своихъ обязанностей; отъ ея бездѣятельности появились разные безпорядки въ области и даже шайки разбойниковъ изъ татаръ. По всѣмъ уѣздамъ и городамъ полиція была завалена жалобами на грабежи и разбои; однако, вся дѣятельность ея заключалась въ однихъ только донесеніяхъ о происшествіяхъ и письменныхъ сношеніяхъ по этому предмету между собой. Виновныхъ въ преступленіяхъ вовсе не задерживали, а если нѣкоторыхъ и преслѣдовали, посылая противъ нихъ даже военныя команды, — они легко скрывались у татаръ-же, дававшихъ имъ безопасный пріютъ. Если же гнались за разбойниками по горячимъ слѣдамъ, тогда они бросались въ труднодоступныя пещеры (напр. Кизиль-коба, Бимбашъ-коба и др. под.), въ которыхъ нѣкогда генуэзцы спасались отъ турокъ. Никакіе строгіе указы не прекращали грабежей, потому что сами мурзы дѣлали поблажку, даже передерживали разбойниковъ, - что впослѣдствіи обнаружилось, благодаря энергіи вице-губернатора Куруты. Особенно былъ извѣстенъ въ то время разбойникъ духовнаго званія Турдю-Ахметъ, убившій болѣе двадцати христіанъ; онъ скрывался въ пещерахъ Ласпи.

Когда было разрѣшено простымъ татарамъ продавать свои земли, они стали захватывать и чужія. Цѣны въ то время на земли были очень низкія: одинъ «занъ» (три десятины) продавался по 50 к. Тогда-то много имѣній перешло къ русскимъ помѣщикамъ. Хотя земли пріобрѣтались дешево, но во время покупки ихъ татары ухищрялись обманывать русскихъ; такъ напр., продавали двумъ-тремъ лицамъ одну и ту же землю подъ разными наименованіями. Отъ того появилось множество тяжбъ, а дѣла эти вѣдались и рѣшались мурзами, причемъ татары же являлись свидѣтелями противъ русскихъ. Впослѣдствіи, когда учреждена была (въ 1814 г.) особая коммиссія по разбору земельныхъ споровъ, татары старались удержать спорныя земли за собой—разными путями, даже посредствомъ фальшивыхъ документовъ. Многіе изъ нихъ;—дѣйствительно владѣвшихъ съ давнихъ временъ, по наслѣдству или по покупкѣ, спорными землями,—тоже не могли доказать правъ земельной собственности;—то за потерей документовъ, то вслѣдствіе представленія такихъ татарскихъ бумагъ, напр. продажныхъ росписокъ, которыя нашимъ законодательствомъ не могли быть признаны за акты укрѣпленія. Поэтому предоставлено было имъ только право пользованія землею; дозволено татарамъ свободно жить на земляхъ помѣщиковъ (мурзъ и русскихъ дворянъ) съ тѣмъ, чтобы они взносили имъ десятину («оннама») съ хлѣба и сѣна, т. е. десятую часть отъ урожая и отбывали натуральную повинность („ангарья“) по восьми рабочихъ дней въ году, а также выдавали ежегодно по одной подводѣ

на разныя нужды помѣщиковъ. Сверхъ того вошло въ обычай выходить всѣмъ татарамъ на «толоку»*) для снятія хлѣбовъ или сѣнокосовъ своихъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, многіе татары остались безземельными.

Татары нерѣдко производили возмущенія; а первоначально они до того были враждебны русской власти, что, если бы турецкіе корабли появились у береговъ Крыма, и турки имѣли бы, хотя малый, успѣхъ противъ русскихъ войскъ,—то смѣло стали бы съ оружіемъ въ рукахъ противъ послѣднихъ.

Однако, оставшіеся въ Крыму татары вынуждены были свыкнуться со своимъ положеніемъ. Эмиграція въ Турцію имъ ничего утѣшительнаго не принесла; это переселеніе только раззорило ихъ да погубило множество семействъ, такъ-какъ въ турецкихъ владѣніяхъ они не нашли той матеріальной поддержки, которая была имъ обѣщана усердными фанатиками. Степные татары принялись снова за хлѣбопашество и скотоводство, а горные—за сады, огороды, табачныя плантаціи, отчасти виноградники.

Поля ихъ обрабатывались самымъ примитивнымъ способомъ: землю они вспахивали деревянными громадными плугами («чельсабанъ»), въ которые впрягали воловъ и лошадей; посѣявъ зерно, боронили «тернаками» (бревнами), волочившимися парой верблюдовъ. Созрѣвшій хлѣбъ снимали косами; подбирали граблями колосья и топтали ихъ ногами, устраивая «басины»

*) «Толока»—общественныя работы, хотя безплатныя, но съ угощеніемъ отъ землевладѣльца.

(миніатюрныя копицы), которыя потомъ собирали вмѣстѣ, по двадцати одной,—и такимъ образомъ складывали копны. Хлѣбъ «армановали» (молотили) всегда лошадьми, гоняя ихъ на веревкѣ вокругъ столба, утвержденнаго въ центрѣ «армана». Очищали зерно отъ соломы ручными рѣшетами, издѣліемъ мѣстныхъ цыганъ, а хранили зерно въ ямахъ кувшинообразныхъ.

Такими же земледѣльческими орудіями и пріемами большинство татаръ сѣютъ и убираютъ хлѣбъ до настоящаго времени. Они сѣяли и теперь сѣютъ: пшеницу, ячмень и просо, немного ржи и овса. Сѣяли ежегодно баштаны арбузовъ и дынь, которые давали имъ хорошіе заработки въ урожайные годы. Продавали свой хлѣбъ благодѣтелямъ своимъ караимамъ,—о чемъ было уже сказано выше.

Много скота они не разводили,—а только потребное количество для запашки, да немного коровъ для прокормленія семьи. Держали съ большею выгодой и овецъ стадами, если бывалъ подножный кормъ. Поили скотъ въ степи изъ глубокихъ колодцевъ, вытаскивая воду помощью кожаныхъ мѣшковъ.

Садоводство и табаководство у горныхъ татаръ не могли быть обширны, такъ какъ они не владѣли большими участками поливной земли, будучи окружены и стѣснены бывшими ханскими (казенными) и мурзацкими владѣніями. Во фруктовыхъ своихъ садахъ разводили, посредствомъ прививки къ дикорастущимъ плодовымъ деревьямъ,—яблони (преимущественно сорта синапа, челеби), груши, айву, сливы, абрикосы, персики, черешни и др. Изъ овощей они сажали: чеснокъ,

огурцы, капусту, тыкву, фасоль и др. О разведеніи хорошихъ сортовъ табака она понятія не имѣли; сѣяли табакъ, обыкновенно, для собственнаго употребленія. Виноградъ продавали мѣстнымъ барышникамъ-караимамъ. Винодѣліемъ же они вовсе не занимались, потому что мусульманамъ по корану запрещается пить вино.

Татары, жившіе у береговъ моря, промышляли, вмѣстѣ съ греками, и рыболовствомъ. Особенно изобильный рыбный уловъ бывалъ въ Керченскомъ проливѣ, гдѣ ловилась крючками и красная рыба: бѣлуга, осетеръ и севрюга. Другіе, мелкіе виды, какъ-то: кефаль, хамса, камбола и особенно сельди попадались во всѣхъ бухтахъ Южнаго берега,—отъ Ѳеодосіи до Севастополя включительно. Ловили ихъ сѣтями, неводами. Въ Балаклаву болѣе заходила султанка и мокрель (скумбрія). Крупная кефаль метала икру въ Акмечетской бухтѣ (выше Евпаторіи). Вдоль береговъ водились и прежде дельфины, на которыхъ охотились съ ружьями; изъ этой рыбы добывался только жиръ.

Горные татары занимались немного и пчеловодствомъ. Медъ ихъ высоко цѣнился.

Соляная промышленность въ Крыму съ древнихъ временъ играла выдающуюся роль. Полагаю, не лишнимъ будетъ сообщить и объ этомъ промыслѣ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія *).

Всѣ тѣ соляные источники, которые принадлежали ханамъ,—какъ состоявшіе внѣ «бейлыковъ»,—посту-

*) Подробная статья моя по этому предмету, въ особенности объ Актачинскомъ озерѣ (принадлежащемъ мнѣ), была уже помѣщена въ Горномъ журналѣ за 1883 годъ.

пали въ казну. Промышленники платили пошлины солью же, которая складывалась въ большіе магазины при озерахъ. Этотъ доходъ былъ такъ великъ, что изъ него отпускалось ежегодно до 30 тысячъ рублей на издержки по водворенію въ степныхъ мѣстахъ переселенцевъ. При Потемкинѣ соляной частью завѣдывалъ бригадиръ Синельниковъ, который продавалъ ханскую (казенную) соль по десяти руб. ассигн. за фуру. Съ 1795 г., по представленію графа Платона Зубова (преемника Потемкина), казенныя соляныя озера и солончаки отдавались на откупъ. При немъ построены въ «Гаджибеѣ» (Одессѣ) огромные соляные магазины, вмѣщавшіе въ себѣ до двухъ милліоновъ пудовъ одной крымской соли. Перевозили ее изъ Евпаторіи на гребныхъ транспортныхъ судахъ. Откупщиками являлись изъ Россіи купцы: Калугинъ, Перетцъ и Штиглицъ. Съ 1805 г. нѣкоторые внутри Крыма соляные источники снова были отдаваемы въ откупное содержаніе городскимъ обществамъ, съ представленіемъ залоговъ. Въ такихъ случаяхъ мурзы, при выдачѣ подъ залогъ своихъ земель, брали съ солепромышленниковъ чрезмѣрные проценты,

Нерѣдко нѣсколько мурзъ, сговорившись между собой, отъ имени гражданъ сами являлись откупщиками и каждый изъ нихъ представлялъ въ залогъ одну и ту же землю, но подъ различнымъ названіемъ. Это имъ сходило съ рукъ, потому что тогда земли не были еще обмежеваны. Впослѣдствіи по солянымъ откупамъ накопилась недоимка до двухъ милліоновъ рублей. Вслѣдствіе разныхъ ходатайствъ, эта недоимка была

сложена,—и тѣмъ только мурзы отдѣлались отъ уголовной отвѣтственности.

Такъ какъ нѣкоторыя городскія общества захватывали и частныя озера, или же притѣсняли ихъ владѣльцевъ во время выволочки соли, то въ 1807 году послѣдовалъ указъ изъ сената, въ силу котораго крымскимъ помѣщикамъ разрѣшалось, безъ всякаго ограниченія, пользоваться родящеюся на ихъ земляхъ солью,—за исключеніемъ продажи ея въ другія губерніи.

Съ 1824 г. внутреннія владѣльческія озера освобождены отъ акциза внутри Крыма, а также отъ контроля со стороны мѣстнаго Соляного Правленія и Казенной Палаты. Съ 1858 г. допущены и частныя лица къ разработкѣ казенныхъ озеръ, съ уплатою одной коп. съ каждаго добытаго и проданнаго пуда соли.

Первоначально для выволочки соли не требовалось никакихъ особенныхъ техническихъ приспособленій. Когда соль, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, садилась, ее немедленно ломали руками или сгребали въ кучки «чалпами» (родъ желѣзныхъ дырчатыхъ лопатъ),—т. е. отдѣляли отъ илистой подошвы (матки). Потомъ въ «чувалахъ» (мѣшкахъ) сносили на берегъ, гдѣ и сбрасывали въ особыя кучи; здѣсь ее обмывали отъ грязи рапою (разсоломъ, соленой водою). По отдѣльнымъ кучамъ узнавали, сколько каждый рабочій добылъ соли,—для уплаты ему за трудъ солью же. Они получали обыкновенно половину или одну треть изъ всего количества. Этотъ заработокъ татары тутъ же продавали или же развозили по

деревнямъ. Впослѣдствіи эта простая работа нѣсколько усложнилась; вмѣсто переноски на своихъ плечахъ татары вывозили соль на конныхъ «арбахъ» (двухъколесныхъ тачкахъ) или «мажарахъ» (четырехъ-колесныхъ повозкахъ) волами, или же вытаскивали на плоскодонныхъ «каюкахъ». Позднѣе стали употреблять доски, по которымъ свозили соль ручными тачками, а также начали устраивать бассейны. Съ 1817 года соль уже складывали въ бугры.

Приближаясь къ любому озеру, во время выволочки соли,—можно было видѣть по берегамъ его выдѣлявшіеся ослѣпительно—бѣлые курганы, родъ усѣченныхъ пирамидъ; на эти бугры (кагаты) ловко взбѣгала цѣлая вереница рабочихъ съ тачками, изъ которыхъ тутъ же и высыпалась соль. Пирамиды постепенно удлинялись, уравнивались, а затѣмъ сверху округлялись деревянной лопатою расторопнаго «кагатчика» (бугорщика). Сбросивъ соль, каждая артель тотчасъ сбѣгала съ тачками по тѣмъ же доскамъ въ озеро. Тутъ солеломщики расходились по бассейнамъ, чтобы снова набрать изъ кучекъ соль и тѣмъ-же путемъ, гуськомъ-же, взобраться на свой бугоръ Работа весьма тяжелая. Отъ рапы у многихъ на рукахъ и ногахъ являлись раны, которыя сильно разъѣдались при дальнѣйшей работѣ. Въ послѣднее время, для предохраненія рукъ отъ порѣзовъ, рабочіе надѣвали кожаныя рукавицы, а на ноги натягивали холщевые сапоги съ кожаной подошвою подбитой гвоздями.

Тяжелый налогъ на соль былъ введенъ при царѣ Алексѣѣ, по проэкту боярина его Морозова. Еще Ека-

терина Великая сознавала, какъ этотъ налогъ отягощалъ народъ, и потому она его понизила на 20%. Однажды, при докладѣ Могилевскаго вице-губернатора о дороговизнѣ соли въ Польшѣ, съ объясненіемъ, что отъ этого казна получаетъ хорошій доходъ,—императрица возразила: «Нѣтъ, я съ вами несогласна; пусть соль, столь необходимая для жизни и сохраненія здоровья, будетъ даже съ убыткомъ казнѣ, нежели наложить (солью) подать на народъ». Наконецъ, благодаря ходатайствамъ русскаго купечества предъ графомъ Игнатьевымъ, въ 1880 году императоръ Александръ II совершенно отмѣнилъ соляной акцизъ—и тѣмъ освободилъ народъ отъ угнетавшаго его косвеннаго налога. Съ отмѣной сего акциза, несомнѣнно улучшится сельско-хозяйственная промышленность, такъ какъ соль составляетъ неизбѣжный продуктъ для человѣческаго и животнаго организма. Однимъ словомъ, отмѣна солянаго налога—историческое событіе.

Цѣлебная сила грязей въ соляныхъ озерахъ была извѣстна еще въ ханское время. Такъ напримѣръ, къ Сакскому озеру татары привозили своихъ больныхъ и, не разбирая свойства болѣзни, сажали ихъ въ грязь подъ открытымъ небомъ; на открытомъ же воздухѣ ихъ обмывали. Тутъ роль медика игралъ мулла, получавшій всегда приличный гонораръ. Онъ здѣсь и распоряжался, и за всѣхъ страждущихъ молился, читая коранъ.

XV.

Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій.

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ весьма интересная историческая личность. Онъ былъ послѣ Григорія Орлова главнымъ любимцемъ Екетерины II. Будучи плохимъ полководцемъ, онъ не былъ лишенъ здраваго ума; получилъ хорошее образованіе, но имѣлъ большія странности. Съумѣвъ войти въ полное довѣріе императрицы, онъ достигъ въ ея царствованіе такихъ почестей, которыхъ едва-ли кто другой дослуживался въ Россіи. Такъ напр., когда онъ куда нибудь пріѣзжалъ, въ предѣлахъ государства, ему воздвигали тріумфальныя арки,—встрѣчали его, какъ властителя царства. Иностранцы называли его «неслыханнымъ баловнемъ счастья». Между тѣмъ, самъ онъ,—отъ упоенія счастьемъ,—собою тяготился; томился отъ пресыщенной жизни. Онъ считалъ себя «несчастнымъ» отъ того, что былъ необыкновенно счастливъ.

Однако, Потемкинъ не происходилъ изъ знатнаго рода; его предки были польскими шляхтичами, а отецъ—смоленскимъ помѣщикомъ, служившимъ нѣкогда въ гарнизонѣ капитаномъ (или маіоромъ). Потемкинъ родился въ одномъ селѣ Смоленской губерніи въ 1739

году. Сперва онъ учился въ тамошней семинаріи, но оттуда былъ исключенъ «за нехожденіе на лекціи». Въ юности еще онъ говорилъ своимъ товарищамъ: «я буду или фельдмаршаломъ, или архіереемъ»! Нерѣдко онъ удалялся въ монастырь, гдѣ удивлялъ монаховъ своими познаніями въ Богословіи.....

При восшествіи Екатерины II на престолъ (28 іюня 1762 года), онъ, въ званіи вахмистра, находился въ числѣ немногихъ лицъ, сопровождавшихъ ее изъ Петергофа въ Петербургъ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, на смотру, онъ ей особенно понравился, какъ ловкій конногвардеецъ, и произведенъ въ офицеры. Вскорѣ онъ былъ принятъ въ избранное общество государыни. Затѣмъ пошли сами собой чины, ордена и повышенія.....

Онъ участвовалъ въ походахъ противъ Турціи, даже сражался при Ларгѣ и Кагулѣ, но войска подъ его личнымъ начальствомъ никогда не отличались успѣшными дѣйствіями. Не смотря на то, онъ сталъ первымъ вельможей въ Россіи. Предъ нимъ всѣ преклонялись, даже иностранные государи искали его дружбы. Титулъ «Свѣтлѣйшаго князя» пожалованъ ему Римскимъ императоромъ Іосифомъ II. Самъ Потемкинъ говорилъ о себѣ, что онъ могъ быть польскимъ королемъ или курляндскимъ герцогомъ, если бы того пожелалъ. Всѣ его приказы исполнялись на-равнѣ съ Высочайшими указами. Честолюбію его не было предѣловъ.....

Награды онъ получалъ исключительныя. Независимо отъ разныхъ первостепенныхъ орденовъ русскихъ и иностранныхъ, государыня ему разновременно пожа-

ловала: саблю съ алмазами, свой портретъ, сто сорокъ четыре тысячи рублей годоваго жалованья *), при квартирѣ въ Зимнемъ дворцѣ; богатыя помѣстья, деньги безъ счета, Аничковый дворецъ. Въ честь его выбита особая медаль. Онъ получилъ фельдмаршальскій жезлъ, осыпанный лаврами и алмазами; кромѣ того, брильянтовый орденъ св. Александра Невскаго; сто тысячъ руб. на отдѣлку одного его «Таврическаго дворца»; шпагу съ брильянтами, брильянтовый вѣнокъ въ 150 тысячъ рублей; титулъ Великаго Гетмана казацкихъ войскъ»..... Повелѣвалось даже воздвигнуть ему при жизни памятникъ въ Херсонѣ,—поставить тамъ въ честь его статую, подобно древнимъ грекамъ, боготворившимъ своихъ героевъ; хотѣли сшить ему мундиръ, обложенный брильянтами.....

Въ подаренномъ ему дворцѣ онъ давалъ неслыханныя пиршества..... При всемъ томъ, бывалъ въ долгахъ. Онъ умеръ въ 1791 году въ дорогѣ, въ степи Молдавіи, недалеко отъ гор. Яссъ,—на рукахъ своей племянницы графини Браницкой и В. С. Попова,—того самаго, который былъ правителемъ канцеляріи у Долгорукова-Крымскаго. Онъ умеръ отъ неумѣренности въ пищѣ и вообще изнурительной болѣзни, вслѣдствіе безпорядочной жизни.

Императрица, узнавъ о его кончинѣ, сказала: «это былъ мой ученикъ,—человѣкъ геніальный!» Потеря Потемкина сильно опечалила Екатерину. Хотя послѣ него она приблизила къ себѣ князя Платона Зубова

*) Въ 1786 году въ кабинетъ самой императрицы отпускалось 2.200.000 руб., а Потемкину 3.805.934 руб. 36 коп. (изъ нихъ столовыхъ 36.000 руб.).

(онъ также состоялъ начальникомъ Новороссійскихъ областей, однако постоянно жилъ въ Петербургѣ), но скорбь объ утратѣ Потемкина была отчасти причиной недолгой послѣ того ея жизни. Внѣшняя политика при немъ, быть можетъ, не довела бы саму императрицу до апоплексическаго удара.

Для большей характеристики Потемкина, приведу о немъ нѣсколько анекдотовъ.

Черезъ два года послѣ путешествія Екатерины II въ Крымъ, войска Потемкина обложили одно турецкое укрѣпленіе *). Долго не думая, онъ послалъ къ пашѣ сказать, чтобы турки сдались безъ кровопролитія. Между тѣмъ, приказалъ приготовить великолѣпный обѣдъ и пригласилъ къ себѣ особъ, составлявшихъ его свиту. Сѣли уже за столъ, а парламентера нѣтъ. Потемкинъ сталъ тревожиться, постоянно грызъ ногти, ничего не ѣлъ и безпрестанно спрашивалъ «не ѣдетъ-ли посланный?» Обѣдъ уже оканчивался и нетерпѣніе его возрастало. Наконецъ, вбѣгаетъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что парламентеръ ѣдетъ.

«Скорѣй, скорѣй сюда его!»

Черезъ нѣсколько минутъ входитъ, запыхавшись, офицеръ и подаетъ письмо. Письмо тотчасъ распечатано. Но вотъ бѣда: написано по турецки.

«Скорѣй переводчика!» внѣ себя кричитъ князь. Является переводчикъ.—«На, читай, да говори скорѣй: сдается укрѣпленіе или нѣтъ?»

*) Должно быть, Бендеры, такъ какъ эта крѣпость сдалась въ 1789 г. безъ выстрѣла.

Переводчикъ осторожно беретъ бумагу, читаетъ, оборачиваетъ письмо, вертитъ имъ передъ своими глазами и молчитъ.

— «Да говори же скорѣе: сдается укрѣпленіе или нѣтъ?» кричитъ князь въ сильномъ нетерпѣніи.

— Какъ вашей свѣтлости доложить, медленно отвѣчаетъ переводчикъ; я въ толкъ не возьму. Вотъ изволите видѣть: въ турецкомъ языкѣ встрѣчаются слова, которыя имѣютъ двоякое значеніе,—утвердительное и отрицательное,—смотря по тому бываетъ ли поставлена надъ ними точка или нѣтъ. Въ этомъ письмѣ находится именно такое слово Если надъ нимъ поставлена точка перомъ, то укрѣпленіе не сдается; но если эту точку насидѣла муха, то на сдачу укрѣпленія паша согласенъ.

— «Разумѣется, насидѣла муха!» воскликнулъ Потемкинъ, и тутъ же соскабливаетъ чернильную точку ножемъ, а затѣмъ приказываетъ подать шампанскаго.

Въ тотъ же день послано было донесеніе императрицѣ о сдачѣ сего укрѣпленія, хотя оно перешло къ намъ только черезъ два дня,—и то послѣ переговоровъ и обѣщаній пашѣ подарковъ.

Однажды Потемкинъ спросилъ себѣ кофе. Адъютантъ сейчасъ же пошелъ приказать. Не прошло и минуты онъ снова спросилъ: «что же кофе?» Другой адъютантъ бросился поторопить. Черезъ нѣсколько секундъ, князь съ нетерпѣніемъ опять сталъ требовать кофе. Всѣ присутствовавшіе спѣшили, одинъ передъ другимъ угодить ему. Наконецъ, кофе подапъ.

Но Потемкинъ отвернулся и сказалъ: «Не надо; я только хотѣлъ чего нибудь ожидать, но и этого удовольствія меня лишили!»

Онъ любилъ икру,—икра доставлялась ему съ курьерами изъ Урала; рыба—изъ Астрахани; огурцы изъ Нижняго-Новгорода, тѣсто изъ Калуги, съ курьерами же.

Какъ-то онъ ухаживалъ за княгиней К. Ѳ. Д-вой. Въ бесѣдѣ она ему, между прочимъ, сказала, что ей нравится цыганская пляска. Зная, что въ Кавказскомъ корпусѣ есть два брата Кузьмины, ротмистры, мастера плясать по цыгански,—онъ приказалъ ихъ немедленно привезти въ Петербургъ. На балу, гдѣ княгиня должна была находиться, сдѣланъ былъ ей сюрпризъ; одного Кузьмина нарядили цыганкою, а другаго цыганомъ и заставили ихъ предъ нею проплясать. Затѣмъ ихъ отпустили въ свои полки,—съ тою лишь для нихъ пользою, что посѣщеніе столицы ничего имъ не стоило.

Въ дѣтствѣ грамотѣ онъ учился у одного дьячка. Этотъ дьячекъ, наслышавшись въ своей деревенской глуши, что ученикъ его попалъ въ знатные люди, рѣшился отправиться въ Петербургъ искать его покровительства. Прибывъ туда, старикъ явился въ Зимній дворецъ и потребовалъ доложить о себѣ. Его тотчасъ-же ввели въ кабинетъ вельможи. Дьячекъ хотѣлъ было броситься въ ноги, но Потемкинъ удержалъ его и посадилъ въ кресло.

— Зачѣмъ ты прибрелъ сюда, старина?

— Да вотъ, ваша свѣтлость, 50 лѣтъ Богу служилъ, а теперь выгнали за неспособностью; говорятъ,

сталъ дряхлъ, глухъ и глупъ. Приходится на старости лѣтъ побираться мірскимъ подаяніемъ; а я-бы еще послужилъ матушкѣ-царицѣ. Не поможешь ли мнѣ чѣмъ нибудь опредѣлиться ко двору?

— Ладно, я похлопочу. Въ какую-же должность тебя опредѣлить? Развѣ въ придворные дьячки?

— Э, нѣтъ,—ты теперь на мой голосъ не надѣйся; нынче я пѣть-то ужь того.... да и видѣть сталъ плохо; а все таки не хотѣлось бы даромъ хлѣба ѣсть.

— Трудную, братъ, ты мнѣ задалъ задачу,—сказалъ, улыбаясь, князь. Куда же тебя примкнуть?... Приходи ко мнѣ завтра, а я подумаю.

На слѣдующій день, проснувшись, Потемкинъ вспомнилъ о своемъ старомъ учителѣ. Узнавъ, что онъ давно уже сидитъ въ пріемной, велѣлъ его позвать.

— Ну, старина, я нашелъ для тебя отличную должность!

— Вотъ спасибо, ваша свѣтлость; дай Богъ тебѣ здоровья!

— Знаешь Исакіевскую площадь?

— Какъ не знать,—черезъ нее къ тебѣ тащился.

— Видѣлъ монументъ Петру Великому?

— Видѣлъ.

— Ну, такъ сходи-же туда, посмотри: благополучно-ли онъ стоитъ на мѣстѣ? и тотчасъ мнѣ донеси.

Дьячекъ въ точности исполнилъ приказаніе.

— Ну, что?—спросилъ князь, когда тотъ возвратился.

— Стоитъ, ваша свѣтлость!

— Крѣпко?

— Крѣпко, ваша свѣтлость!

— Ну, хорошо. Вотъ ты каждое утро за этимъ наблюдай и доноси мнѣ; жалованье же тебѣ производиться будетъ изъ моихъ доходовъ.

И дьячекъ до самой смерти исправно исполнялъ эту должность.

Однажды князь сѣлъ за ужинъ, былъ веселъ, любезенъ, много шутилъ; но къ концу ужина сталъ задумываться, началъ грызть ногти,—что всегда было знакомъ неудовольствія,—и наконецъ произнесъ: «Можетъ-ли быть человѣкъ счастливѣе меня? Все, чего я ни желалъ, всѣ прихоти мои исполнялись; хотѣлъ чиновъ—имѣю, орденовъ—имѣю; любилъ играть—проигрывалъ суммы несчетныя; любилъ праздновать—давалъ великолѣпныя пиршества; любилъ покупать имѣнія—имѣю; любилъ строиться—построилъ дворцы; любилъ дорогія вещи—имѣю столько, что не одинъ частный человѣкъ не имѣетъ такъ много и такихъ рѣдкостей; всѣ страсти мои въ полной мѣрѣ выполнялись».... Вслѣдъ за этими словами—хлопнулъ тарелкою объ полъ и ушелъ къ себѣ въ спальню, гдѣ и заперся.

Въ главной квартирѣ Потемкина въ Яссахъ, въ 1789 году, при немъ постоянно находились дамы знатнѣйшихъ фамилій, которыя составляли его живой цвѣтникъ. Говорили, что это былъ просто военнопоходный гаремъ. Онъ особенно благоволилъ къ одной изъ нихъ—женѣ своего троюроднаго брата и однофамильца (бывшаго начальникомъ войскъ на Кавказѣ и отчасти содѣйствовавшаго къ водворенію благоустрой-

ства въ Крыму). Благодаря красотѣ этой женщины, Потемкинъ сильно поддерживалъ ея мужа по службѣ. Онъ исполнялъ всѣ ея прихоти: устраивалъ въ Яссахъ блестящіе балы, фантастическіе спектакли: наряжалъ ее въ дорогія ткани, осыпая брильянтачи. Щедрыя служебныя награды и повышенія быстро укрощали тѣхъ смѣлыхъ мужей, которые бы вздумали предъ всесильнымъ вельможею предъявить свои права на своихъ женъ....

XVI.

Путешествіе Екатерины Великой по Новороссійскому краю. Торжественная встрѣча. Ея пріѣздъ въ Крымъ. Перекопъ. Екатерининскія мили. Альминская долина и Бахчисарай. Долины рѣкъ Качи и Бельбека.

Императрица Екатерина II пожелала лично обозрѣть вновь покоренныя страны и посѣтить Крымъ. Какъ только полученъ былъ объ этомъ указъ, съ подробнымъ предписаніемъ встрѣчъ и сопровожденій, командовавшій корпусомъ (послѣ генерала Игельстрома) генералъ Михаилъ Каховскій принялся строить дворцы, ровнять дороги, дѣлать мосты, рыть въ степи колодцы; началъ разводить по пути слѣдованія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плантаціи.... Потемкинъ, между прочимъ, предписывалъ полковнику Корсакову: «Дорогу отъ Кызы-керменя (гор. Берислава) до Перекопа сдѣлать такъ, чтобы она не уступала римскимъ дорогамъ; я назову ее «Екатерининскимъ путемъ».—По указамъ, даннымъ сенату въ 1786 году, повелѣвалось для Высочайшаго «шествія» выставить со всѣхъ губерній и городовъ, за исключеніемъ самыхъ отдаленныхъ, по 550 лошадей на 76 станціяхъ, а въ Таврической области по 420 лошадей на каждой-же станціи *).

*) Однако, отдаленныя губерніи, вмѣсто лошадей, должны были уплатить особый путевой сборъ, довольно значительный.

Государыня выѣхала изъ Петербурга 6-го января 1787 года. Она слѣдовала въ шестимѣстной, раззолоченной каретѣ (имѣвшей корону сверху), въ которую впрягалось по десяти отборныхъ и одношерстныхъ лошадей, при трехъ форейторахъ. За нею тянулся длинный поѣздъ богатыхъ экипажей и саней (болѣе 140, за исключеніемъ повозокъ) съ придворными сановниками и послами Европейскихъ державъ. Этотъ кортежъ растягивался на цѣлую версту. По пути были на скоро построены станціи,—красивые домики, возлѣ которыхъ толпились крестьяне въ праздничныхъ одеждахъ. Ихъ выгоняли тысячами со всѣхъ окрестностей, даже съ сосѣднихъ губерній, для исправленія дорогъ и постройки мостовъ. Людямъ предписывалось, «чтобы на лицахъ ихъ изображено было неизрѣченное блаженство и радостное умиленіе, со вѣрно-подданнически-почтительною веселостью сопряженное». Въ деревняхъ, вдоль почтоваго тракта, крестьянскія избы и хаты были обновлены, а на мѣстахъ разрушенныхъ строеній устанавливали разрисованныя декораціи,—для украшенія сельскихъ видовъ... только на время проѣзда государыни, чтобы удивить иностранныхъ пословъ богатствомъ россійскихъ владѣній! *) По ночамъ дорогу освѣщали огромные костры изъ сваленныхъ въ кучу сосенъ, елей и березъ Черезъ лѣса и гористыя мѣстности проведены были довольно широкія, прямыя дороги; по обѣимъ сторонамъ ихъ были вырыты канавы, а въ открытыхъ мѣстахъ —посажены

*) Декораціи эти брали на прокатъ и въ другія губерніи, черезъ которыя Екатерина проѣзжала на обратномъ пути.

деревья. По болотистымъ мѣстамъ устроены гати и мосты; черезъ рѣки—паромы. На почтовыхъ станціяхъ домики были прилично меблированы; содержаніе ихъ, равно лошадей и ямщиковъ, брали на себя сосѣдніе помѣщики по соглашенію съ казною,—что, однако, обходилось имъ очень дорого; расходы эти далеко не покрывались отпускавшеюся суммой.

При въѣздѣ въ города, граждане встрѣчали Высокую путешественницу съ образами и хлѣбомъ солью, при колокольномъ звонѣ. Въ гор. Мстиславѣ (Могилевскомъ) извѣстный духовный ораторъ архіепископъ Георгій Конисскій сказалъ Екатеринѣ слово: «Пресвѣтлѣйшая Императрица! Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше «Солнце» вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, дабы мы въ благополучіи почивали»... «къ западу только жизни твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, якоже Іисусъ Навинъ,—и руки, и сердца наши простирая къ Небу,—возопіемъ: Стой «Солнце» и не движись! дондеже вся, великимъ твоимъ намѣреніямъ противная, торжественно побѣдиши!» За эту рѣчь онъ получилъ тысячу рублей въ награду.

Отъ Кіева до Кременчуга императрица со свитой плыла по Днѣпру на особо выстроенныхъ и изящно убранныхъ (до 80-ти) галерахъ, составлявшихъ цѣлую флотилію. Ея галера отличалась позолотой *). Она изумилась великолѣпнымъ по пути пейзажамъ; не менѣе ея восхищались и послы. Чтобы оживить болѣе бе-

*) На время сего плаванія, повсемѣстно была запрещена переправа черезъ рѣку.

рега,—по обѣимъ сторонамъ рѣки были картинно разставлены войска, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, передъ искусственными деревнями, дѣвушки малороссіянки, въ праздничныхъ нарядахъ, съ цвѣтами на головахъ, водили хороводы....

Въ одномъ мѣстѣ царская галера сѣла было на мель. Свита вдругъ засуетилась. Но императрица шутя сказала: «чтобы сняться съ мели, надо галеру нашу разгрузить, и самому грузному изъ насъ придется поплавать». Послѣ этихъ словъ Л. А. Нарышкинъ (довольно тучный мужчина, извѣстный придворный весельчакъ, занимавшій должность оберъ-штальмейстера), не долго думая, бросается къ канату и садится на немъ въ довольно каррикатурной позѣ. Эта шутка всѣхъ разсмѣшила, а Екатерина, по поводу этого приключенія, тутъ-же набросала французскіе стишки, которые оканчивались такъ: «Оберъ-шталмейстеръ верхомъ!—На чемъ?—На канатѣ!»

Екатерина назначила свою встрѣчу съ Римскимъ императоромъ Іосифомъ II *) недалеко отъ порога „Старый-Койдакъ“, гдѣ и былъ выстроенъ дворецъ, стоившій до 120 тысячъ рублей. Она выѣхала сама къ нему на встрѣчу, въ сопровожденіи своего кабинетъ-секретаря гофмейстера Безбородко. На самомъ мѣстѣ ихъ свиданія основанъ городъ Екатеринославъ (слава Екатеринѣ). Оттуда они вмѣстѣ продолжали путешествіе сухимъ путемъ,—въ тѣхъ же экипажахъ, кромѣ

*) Іосифъ II, сынъ Маріи Терезіи, во время путешествій своихъ въ Россію именовался графомъ Фалькенштейномъ. Онъ, будучи недоволенъ присоединеніемъ Крыма къ Россіи, не хотѣлъ было ей сопутствовать, однако покорился силѣ обстоятельствъ.

саней. Посѣтили гор. Херсонъ, гдѣ Потемкинымъ выстроено уже было множество зданій, нѣсколько церквей и адмиралтейство. Видѣли на другомъ берегу отстроенный городокъ Алешки. Изъ Херсона, черезъ Бериславъ «шествіе» потянулось по «Екатерининскому пути» къ предѣламъ Тавриды.

Не доѣзжая крѣпости Перекопа, 19 мая императрица была встрѣчена мѣстнымъ предводителемъ дворянства преміеръ-маіоромъ Османъ-агою, съ шестью дворянами, а также исправникомъ и двумя засѣдателями Нижняго земскаго суда,—всѣ верхами. При въѣздѣ въ Перекопъ, царскій поѣздъ проѣхалъ подъ тріумфальными воротами, на которыхъ золотыми буквами было начертано: «Предпосла страхъ и привнесла миръ.» Тутъ же комендантъ поднесъ ключи отъ бывшей Орской крѣпости. Предъ дворцемъ государынѣ представились всѣ мѣстные военные и гражданскіе чины, въ томъ числѣ директоръ Соляной экспедиціи, знатнѣйшіе беи и мурзы. Высокіе путешественники съ особымъ любопытствомъ осматривали старинный каналъ (въ семь верстъ длиною, поперегъ перешейка) соединявшій нѣкогда Черное море съ Азовскимъ. По этому каналу (перекопу) и городъ получилъ свое названіе.

Изъ Перекопа, послѣ завтрака, императрицу сопровождалъ предводитель съ дворянствомъ до раіона Евпаторійскаго уѣзда, а оттуда—мѣстные дворяне, верхами же, до Симферопольскаго уѣзда. Царскую карету конвоировали молодые мурзы въ національныхъ костюмахъ, а остальные экипажи—отрядъ кавалеріи.

Впереди всѣхъ неслись гофъ-фурьеры для приготовленія обѣдовъ и ночлеговъ. Въ Армянскѣ (Новомъ-Базарѣ) обратила на себя вниманіе древняя греческая церковь*).

Въ степной равнинѣ путешественниковъ занимало все, что не представлялось ихъ взорамъ: и соляныя озера съ блестящей зеркальной поверхностью, и татарскія деревушки съ минаретами, вѣтряными мельницами и глубокими колодцами,—деревушки, хотя невзрачныя на видъ, но имѣвшія въ глазахъ европейцевъ свою оригинальность; и зеленыя поля, и засѣянныя нивы, дышавшія чистымъ воздухомъ, съ летавшими надъ ними дрофами и журавлями, стрепетами и перепелами. Пасущіеся вербдюды гордо, величественно поднимали головы къ приближавшемуся къ нимъ невиданному блестящему поѣзду; табуны лошадей и стада овецъ, нарочно пригонявшіеся къ дорогѣ, свободно ходили на сочныхъ пастбищахъ. Интересовало ихъ и неожиданное появленіе въ степи прекрасныхъ пейзажей съ садами и рѣками—миражей. Не оставлены безъ особаго вниманія и курганы, зарывшіе множество жертвъ, въ битвахъ разноплеменныхъ народовъ, за обладаніе столь чуднымъ уголкомъ вселенной....

Не всѣ курганы обозначали могилы; нѣкоторые изъ нихъ, имѣвшіе правильныя линіи, служили направленіемъ извѣстнаго пути; другіе—наблюдательными пунктами, через которые передавались сигналы, въ случаѣ появленія непріятеля; наконецъ, были и такіе, на которыхъ кочевники совершали свое богослу-

*) Надъ нею впослѣдствіи выстроенъ новый храмъ.

женіе, а впослѣдствіи на нихъ чобаны имѣли свои шалаши—для наблюденія за обширными стадами овецъ, пасшихся въ окружности.

Среди степной дороги Іосифъ II, въ разговорѣ съ французскимъ посломъ графомъ Сегюромъ, вдругъ воскликнулъ: «Какое удивительное путешествіе! Кто-бы повѣрилъ, что я съ Екатериной Великой и съ иностранными послами скитаюсь въ татарской пустынѣ!?» *).

У «Пяти-колодцевъ» былъ построенъ временный дворецъ, гдѣ императрица со свитой имѣла обѣденный столъ **). Здѣсь, а также у всѣхъ дворцовъ, гдѣ государыня останавливалась, для обѣда или ночлега, представлялись ей штабъ и оберъ-офицеры того полка, рота котораго стояла въ караулѣ. Здѣсь, въ качествѣ распорядителя по гостепріимству отъ Таврической области,—состоялъ кол. сов. Бантышъ. Жители окрестныхъ деревень, пріѣзжавшіе на скрипучихъ мажарахъ ***), допускались къ царскому поклону, во время котораго Екатерина давала нѣкоторымъ цѣловать свою руку. Вообразить не трудно, какія при этомъ татары корчили мины, чтобы изобразить предписанное «неизрѣченное блаженство», или же «радостное умиленіе»....

Съ наступленіемъ сумерекъ, конвойные козаки, съ факелами въ рукахъ, освѣщали дорогу. Въ Дюр-

*) Кромѣ гр. Сегюра, съ ними находились послы: Англіи—Фицгербертъ, Австріи—принцъ де-Линь, графъ Кобенцель; принцъ Нассаускій и многіе другіе знатные иностранцы. Въ свитѣ находились и дамы.

**) Для царскаго стола заготовлялся рогатый скотъ, овцы, разная птица; мука, масло, кофе, окорокъ и другіе припасы пудами. Доставляли и ледъ, который держали въ особыхъ ледникахъ при каждой станціи.

***) Татары осей своихъ никогда не смазываютъ; по ихъ понятіямъ—ѣзда честнаго человѣка не должна быть скрытной.

менѣ былъ первый ночлегъ во временномъ-же дворцѣ. Вокругъ дворца всю ночь горѣли плошки и смоляныя бочки. Для пріема Высокихъ гостей, отъ области сюда былъ назначенъ кол. ассес. Тарановъ.

По всѣмъ дорогамъ, по которымъ императрица проѣзжала, ставили каменные, четырехъ-гранные столбы, подъ названіемъ «Екатерининскихъ миль»; многія изъ нихъ до сего времени сохранились. Эти мили ставили черезъ каждыя десять верстъ.

Въ пути Екатерина перемѣщала своихъ собесѣдниковъ. Чаще другихъ сидѣли въ ея каретѣ: гр. Фалькенштейнъ, иностранные дипломаты, Потемкинъ, графъ Шуваловъ, графъ Дмитріевъ-Мамоновъ и Нарышкинъ; а изъ придворныхъ дамъ: графиня Растопчина, графиня Браницкая, Протасова и Перекусихина. Ведя съ ними пріятный, веселый разговоръ, она требовала отъ нихъ полной свободы мыслей, безъ всякаго придворнаго этикета. Фалькенштейнъ съ лестью во всемъ угождалъ ей. Самыми веселыми спутниками были: Сегюръ, де-Линь и Нарышкинъ, которые постоянно шутили, разсказывая разные анекдоты, а первый, сверхъ того, сочинялъ и стихи. Нарышкинъ нерѣдко шутками своими наводилъ государыню на справедливое рѣшеніе дѣлъ,—открывалъ въ сомнительныхъ докладахъ истину. Поэтому она его до того любила, что называла Левушкой.

Во время сего путешествія Екатерина занималась и государственными дѣлами, и политическими, которыми лично руководила. При ней постоянно состоялъ (въ теченіи 10 лѣтъ) извѣстный статсъ-секретарь Хра-

повицкій, который велъ «дневникъ». Главная его обязанность заключалась въ «перлюстраціи». т. е. вскрытіи чужихъ дипломатическихъ писемъ, депешъ, донесеній. Въ свой дневникъ онъ однажды занесъ слова императрицы: «Жаль, что не въ Крыму построенъ Петербургъ!».

Съ нею слѣдовала и часть ея библіотеки. Она любила ежедневно читать и писать,—особенно читать сочиненія современныхъ ей французскихъ мыслителей изъ группы энциклопедистовъ. Сама вела переписку съ Вольтеромъ, Мармонтелемъ, г-жей Жоффрень, особенно съ барономъ Гриммомъ. Однажды она писала Гримму о Вольтерѣ: «Онъ мой учитель; его сочиненіямъ я обязана образованіемъ моего ума». Нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. Дидеро и Даламбера, она выписывала къ себѣ въ Петербургъ, дѣлала имъ дорогіе подарки, даже высылала имъ заграницу щедрыя пособія золотомъ. Ненавидѣла только одного—Руссо, какъ философа-мизантропа. Интересно, что къ составленію «Греческаго проэкта» побудилъ ее Вольтеръ, вызывавшій въ ней сочувствіе къ древней Греціи. По его-же программѣ она освободила монастырскихъ крестьянъ, до полутора милліона душъ,—и отобрала имѣнія, принадлежавшія монастырямъ и архіерейскимъ домамъ.

Эти французскіе писатели постоянно льстили «Семирамидѣ Сѣвера»; они,—за недостаткомъ въ ея царствованіе просвѣщенныхъ русскихъ дѣятелей,—считались «русскими государственными людьми». Въ ея время вообще русское общество не отличалось образованіемъ. На сколько Екатерина благоволила къ чу-

жеземнымъ философамъ, приведу извѣстный фактъ: императрица купила у Дидеро за 15.000 франковъ всю его библіотеку, которую и оставила у него пожизненно, назначивъ его-же библіотекаремъ этой самой библіотеки, съ ежегоднымъ жалованьемъ по тысячѣ фр.; а чтобы какъ нибудь не просрочить этого жалованья, она выдала ему за пятьдесятъ лѣтъ впередъ 50.000 франковъ! Библіотека Дидеро, послѣ его смерти, хранилась сперва въ Эрмитажѣ, а потомъ перенесена въ Публичную библіотеку. Однако, объ этомъ любимцѣ она, во время Крымскаго путешествія, разсказывала Сегюру, что, еслибы она послѣдовала совѣтамъ Дидеро,—въ бесѣдахъ его съ нею,—относительно преобразованій, то пришлось бы все перевернуть въ Россіи и замѣнить несбыточными теоріями. Что относится до Гримма, то онъ служилъ Екатеринѣ въ качествѣ корреспондента; за сообщеніе ей политическихъ и общественныхъ новостей во Франціи, онъ получалъ 2.000 рублей жалованья.

Государыня, повторяю, сама любила писать; независимо массы писемъ, она оставила много литературныхъ статей, а въ пути изобрѣтала сюжеты драмъ, которыя потомъ разыгривались при ней на сценѣ въ Эрмитажѣ.

Однако обратимся къ дальнѣйшему ея «шествію». Въ Айбарѣ она со свитой отдыхала въ красивыхъ палаткахъ. По выѣздѣ отсюда, вдругъ появилось около тысячи татарскихъ всадниковъ, въ полномъ вооруженіи. Появленіе ихъ, столь неожиданное, очень смутило Іосифа II; а принцъ де-Линь, замѣтивъ это, сказалъ

Сегюру: «Согласитесь, было бы весьма страннымъ приключеніемъ, которое бы надѣлало много шуму въ Европѣ, если бы вдругъ эти татары, насъ окружающіе, повели всѣхъ насъ къ любому порту, посадили бы августѣйшую Екатерину и августѣйшаго римскаго императора Іосифа на корабль и повезли бы всѣхъ въ Константинополь, чтобы доставить нѣкоторое удовольствіе султану»....

Проѣхавъ, въ сопровожденіи такого почетнаго конвоя, Альминскую долину, густо покрытую растительностью и фруктовыми садами,—въ пяти верстахъ отъ Бахчисарая, у большаго фонтана императрицу встрѣтилъ Каховскій съ генералитетомъ; вмѣстѣ съ ними представлялся и инженеръ секундъ-маіоръ Рибасъ *). Тутъ для гостепріимства находился директоръ экономіи Габлицъ (онъ-же вице-губернаторъ), который главнымъ образомъ, былъ помощникомъ Потемкина по гражданскому устройству Крыма **).

При крутомъ спускѣ въ Бахчисарай ***), лошади не могли удержать массивнаго царскаго экипажа, такъ что самой государынѣ угрожала опасность; но ловкіе конвойные придержали карету,—и то послѣ того какъ подъ нею пали лошади ****). Предъ городомъ, у тріумфальной каменной арки, представился комендантъ съ магистратомъ Симферопольскаго уѣзда.

*) Де-Рибасъ впослѣдствіи адмиралъ; онъ отнялъ у Турціи дер. «Хаджи-бей», гдѣ и построилъ гор. Одессу, которая получила свое названіе отъ древняго греческаго города, находившагося неподалеку «Одиссосъ» (городъ Улисса).

**) Ему содѣйствовали въ этомъ также Гусеинъ-бей Мансурскій и Исламъ-бей Аргинскій.

***) «Бахчи сарай» въ переводѣ—садовый дворецъ, или дворецъ въ садахъ.

****) При спускахъ вообще назначали нѣсколько человѣкъ съ канатами, имѣвшими на концахъ желѣзныя крючья (родъ тормоза).

Императрица пожелала видѣть туземцевъ въ обыденной ихъ жизни, и потому приказано было, чтобы всѣ татарскія лавочки и кофейни были открыты. Благодаря такому распоряженію, путешественники, проѣзжая по узкой, длинной улицѣ возлѣ самыхъ плоскокрышихъ лавченокъ, открытыхъ съ фасада,—могли свободно видѣть всѣ ихъ товары, состоявшіе изъ сафьянныхъ и войлочныхъ, оружейныхъ и мѣдныхъ издѣлій. Могли осмотрѣть костюмы мѣстныхъ татаръ: мужскіе, состоявшіе изъ куртки, расшитой галунами, шароваръ, опоясанныхъ кушакомъ съ металлическими бляхами, изъ мерлушковой шапочки и сафьянной обуви; а женскіе—изъ бѣлой и зеленой чадры съ сѣткою для глазъ, изъ желтыхъ и красныхъ мèчтъ (туфлей). Муллы же выходили въ просторныхъ халатахъ съ чалмами на головѣ. Видѣли обстановку татарскихъ кофеенъ съ балкончиками, обвитыми плющемъ. Обозрѣли бузни, пекарни, кузни, мясныя и фруктовыя лавочки, тѣснившіяся одна подлѣ другой. А за ними—высокіе минареты между пирамидальными тополями.... Подъѣзжая къ ханскому дворцу, съ росписными наружными стѣнами, могли ознакомиться и со вкусомъ татарской музыки (зурны).... Она прибыла сюда 20 мая 1787 года, въ 6-мъ часу по полудни.

Екатерина остановилась во дворцѣ знаменитыхъ крымскихъ Гиреевъ; тамъ-же помѣстилась и вся ея свита. Ночью Бахчисарай, расположенный амфитеатромъ по обоимъ склонамъ горнаго ущелья, былъ живописно иллюминованъ;—все ущелье горѣло плошками. На другой день государыня съ Іосифомъ молилась

въ пещерномъ храмѣ Успенскаго монастыря и посѣтила съ нимъ Чуфутъ-Кале, гдѣ осматривали историческіе его памятники, синагогу и удостоила своимъ посѣщеніемъ домъ караимскаго старосты Веніаминъ-аги.

Предъ выѣздомъ изъ Бахчисарая, Екатерина объявила магометанскому духовенству, чтобы оно вело татаръ къ покорной и честной жизни; иначе отвѣчать будутъ муфтій и муллы, какъ ихъ руководители.

По дорогѣ въ Севастополь, 22 мая, въ предназначенныхъ мѣстахъ, были подобныя, описаннымъ выше, встрѣчи. По Качинской и Бельбекской долинамъ, богатыхъ фруктовыми садами, царицу конвоировали пятьдесятъ человѣкъ албанцевъ (арнаутовъ), при ихъ командирахъ, а Симферопольскій предводитель преміеръ-маіоръ Мехметъ мурза Зуйскій и исправникъ съ двумя засѣдателями неслись впереди золотой кареты.

XVII.

Инкерманскія высоты и р. Біюкъ-узень. Черноморскій юный флотъ и Севастополь. Вооруженныя амазонки. Балаклавская и Байдарская долины. Южный берегъ. Симферополь, Карасубазаръ, Старый-Крымъ и Феодосія. Царскій выѣздъ. Сооружаемый памятникъ Екатеринѣ Великой.

На Инкерманской горѣ *) для императрицы сервированъ былъ обѣдъ въ изящномъ павильонѣ. При началѣ обѣда, какъ только заиграла музыка, съ окна отдернули занавѣску и предъ Екатериной открылась картина Севастопольскаго рейда. Послѣ обѣда, осмотрѣвши развалины инкерманской крѣпости и пещерные подъ нею храмы; полюбовавшись живописными окрестностями съ протекающей въ глубинѣ долины рѣчкою «Біюкъ-узень» (впослѣдствіи Черная рѣчка), погруженной въ густую зелень,—государыня спустилась со скалы и сѣла, вмѣстѣ съ Іосифомъ II, въ роскошно убранную шлюпку, заказанную въ Константинополѣ и сходную съ султанскою. Блестящая золотомъ свита размѣстилась въ других баркасахъ, и всѣ тронулись по теченію этой рѣки.

* Высоты Инкермана, со времени перваго командира Ахтіарскаго порта (1783 г.) контръ-адмирала Мекензи (имѣвшаго здѣсь дачу и умершаго въ 1786 г.), получили названіе «Мекензіевыхъ высотъ».

14

Вдоль Ахтіарской бухты *) уже выстроены въ боевомъ порядкѣ пятнадцать линейныхъ кораблей, семь фрегатовъ и множество галеръ. Скользя мимо этихъ судовъ по тихой поверхности морскаго залива, Екатерина не могла удержаться отъ восторга, при видѣ юнаго Черноморскаго флота, привѣтствовавшаго ее оглушительнымъ «ура!» и грохотомъ орудійныхъ салютовъ.... Римскій императоръ и дипломаты крайне были удивлены столь быстрому сооруженію флота.

Въ Севастополѣ уже построено было адмиралтейство и нѣкоторыя укрѣпленія, при входѣ въ гавань, а также дворецъ, казармы и частные дома. На эти постройки, по приказанію Потемкина, употреблены развалины древняго Херсонеса. Дворецъ, стоявшій у „графской пристани“, отличался изумительной роскошью **). Вообще всѣ путевые дворцы, строившіеся для Екатерины, имѣли всевозможныя удобства. Главная улица въ городѣ съ тѣхъ именно поръ получила названіе «Екатерининской». Государыня изъ оконъ своего дворца восхищалась прекрасною иллюминаціей военныхъ судовъ, стоявшихъ въ гавани,—замѣчательной въ мірѣ по обширности, расположенію и глубинѣ; къ тому же, эта бухта никогда не замерзаетъ ***).

Изъ Севастополя монархиня посѣтила Балаклаву ****). Спустившись въ котловинообразную долину, усѣянную виноградниками, и подъѣхавъ къ предмѣстью

---

*) По названію деревушки «Ахтіаръ» (бѣлый утесъ).

**) Нѣкоторые утверждаютъ, что государыня здѣсь останавливалась въ домѣ Мекензи.

***) Севастопольская гавань у татаръ именовалась «Кады-лиманъ» (главный заливъ).

****) У турокъ—«Балыквы» (рыбное гнѣздо).

города «Кады-кіой,»—по искусственной аллеѣ изъ апельсиновыхъ, лимонныхъ и лавровыхъ деревьевъ,—она вдругъ увидала вооруженныхъ амазонокъ, выстроенныхъ фронтомъ. Это ее поразило. Она никакъ не ожидала встрѣтить здѣсь, въ XVIII ст., воинственныхъ амазонокъ, о пребываніи которыхъ въ Тавридѣ, въ доисторическія времена, осталось одно лишь преданіе.... Это была сотня балаклавскихъ гречанокъ въ албанскихъ костюмахъ, состоявшихъ изъ бархатныхъ юпокъ и курточекъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ; головы ихъ были украшены тюрбанами съ золотыми блестками и страусовыми перьями. Всѣ онѣ были при оружіи и верхами на смирныхъ впрочемъ, лошадяхъ. Впереди ихъ твердо держалась на сѣдлѣ довольно полная особа Е. И. Сарандова (впослѣдствіи Шидянская). Когда Екатерина проѣхала по фронту, Потемкинъ ее спросилъ: «не будетъ-ли угодно сдѣлать имъ ученье со стрѣльбой?», но императрица предложеніе это отклонила, къ великой радости всѣхъ гречанокъ, такъ какъ почти ни одна изъ нихъ не умѣла стрѣлять. Затѣмъ государыня подозвала къ себѣ Сарандову, подала ей руку къ поцѣлую и, потрепавъ ее по плечу, сказала: «Молодецъ капитанъ!». Отъѣзжая отъ амазонокъ, она приказала ей прибыть въ Бахчисарай. Императоръ-же Іосифъ, подъѣхавъ верхомъ къ Сарандовой, взялъ ее за подбородокъ и поцѣловалъ въ губы. Увидавъ это, вся сотня заволновалась и послышались изъ фронта слова укоровъ и мести...... «Капитанъ»-же, нисколько не растерявшись, крикнула своей командѣ: „Не бойтесь, поцѣлуй останется при мнѣ одной!“

Когда Іосифъ спросилъ ее:—Куда вы спрячете свои высокія груди, если придется вамъ сражаться?—она отвѣчала:—Груди драться мнѣ не помѣшаютъ, ваше сіятельство!

По возвращеніи въ Бахчисарай, императрица подарила Сарандовой брилліантовый перстень въ тысячу рублей, при Высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ она названа «капитаномъ»; всѣмъ-же прочимъ, состоявшимъ въ амазонской сотнѣ, государыня пожаловала по сто рублей каждой. Эту оригинальную встрѣчу приписываютъ находчивости Потемкина, который во все время царскаго путешествія придумывалъ разныя затѣи, не останавливаясь даже надъ искусственными видами деревень по пути.

Прелестная, здоровая климатомъ, Балаклавская мѣстность тоже не мало обратила на себя вниманія. Глубокая, извилистая бухта, окруженная мраморными скалами, была описана еще Гомеромъ въ его «Одиссеѣ». Въ тѣ давно минувшія времена здѣсь находился безопасный портъ извѣстныхъ тогда пиратовъ (морскихъ разбойниковъ) Лестригоновъ. На вершинѣ южной скалы и теперь развалины старинной древнегреческой (потомъ генуэзской) крѣпости, куда скрывались позднѣе и крымскіе ханы, во время междоусобій,—въ полной готовности спастись въ море на стоявшихъ въ бухтѣ судахъ.

Высокіе путешественники отсюда послѣдовали въ Байдарскую долину, извѣстную своей плодородностью. Они мчались мимо пастбищъ со стадами и вдоль тѣнистыхъ лѣсовъ. Самая долина вскорѣ открылась предъ

ними во всей своей красотѣ: внизу зеленѣли поляны, круглый годъ орошающіяся множествомъ источниковъ, впадающихъ въ рѣку Біюкъ-узень; вокругъ возвышались горы съ порфиромъ, діоритомъ, трахитомъ и другими горными породами. На нихъ росли дѣвственные строевые лѣса, въ которыхъ водились барсуки, лисицы и волки; а надъ ними - омывавшіяся облаками вершины горнаго хребта Яйлы *).

Екатерина остановилось въ дер. Скеля, гдѣ разбита была для нея, подъ тѣнистымъ орѣховымъ деревомъ, роскошная палатка. Тутъ она принимала оберъ-квартирмейстера Шостака, вмѣстѣ съ офицерами, назначенными съ ротой въ караулъ. Допускала къ себѣ и мѣстныхъ жителей,—горныхъ татаръ, рѣзкоотличающихся типомъ лица и стройностью отъ степныхъ, происходящихъ, какъ уже извѣстно, отъ монголовъ.

Горные татары суть потомки обитавшихъ нѣкогда здѣсь грековъ, готѳовъ и итальянцевъ (генуэзцевъ); вотъ почему языкъ ихъ составляетъ смѣсь нарѣчій турецкаго съ греческимъ и итальянскимъ. Они приняли исламъ во времена турецкаго владычества. Въ этой части Крыма они занимались садоводствомъ, табаководствомъ, пчеловодствомъ въ дикихъ лѣсахъ и свои произведенія сбывали въ Турцію черезъ бухту Ласпи, куда спускались верхами по крутому откосу «Шайтанъ-Мердвень» (Чертовой лѣстницы). Эти татары и теперь почитаютъ мѣстныя древнія христіан-

*) Байдарская долина до того понравилась Потемкину, что онъ заблагоразсудилъ пожаловать ее самому себѣ. Отъ его наслѣдниковъ эта земля съ лѣсами перешла къ гр. Мордвинову, съ которымъ мѣстные татары постоянно ведутъ споры и тяжбы.

скія святыни и нѣкоторые наши праздники; особенно почитаютъ дни св. Георгія (23 апрѣля)—«Хадырлесъ» и св. Дмитрія (26 октября)—«Касымъ». Женщины ихъ довольно красивы; многія изъ нихъ ведутъ свою родословную отъ черкешенокъ, которыхъ когда-то завозили и въ бухты Южнаго берега. Онѣ любятъ одѣваться изящно,—всегда въ пестрый бешметъ съ узкими рукавами, юбковидные шаровары и цвѣтныя мѐчты, а голову свою украшаютъ рядами червонцевъ, укрѣпленныхъ къ фескѣ или раззолоченной шапочкѣ, изъ подъ которой выпускаютъ заплетенныя косички. Онѣ особенно интересны, когда танцуютъ на плоскихъ кровляхъ своихъ домовъ, прислоненныхъ къ скаламъ амфитеатромъ.

Съ высоты Ласпи, куда для императрицы проведена была дорога, она любовалась видами Южнаго берега. Здѣсь, у теперешнихъ «Байдарскихъ воротъ»*), путешественниковъ поразила очаровательная картина: у ногъ ихъ—глубокая пропасть, покрытая лѣсами; въ сторонѣ—громадная скала Фороса, а отъ берега, съ выступающими надъ поверхностью утесами,—необъятный горизонтъ Чернаго моря.... Вокругъ виднѣются тропинки, сползающія по крутымъ спускамъ и извивающіяся между деревъ, которыя кажутся отсюда кустарниками; тамъ выступаютъ навѣсные огромные камни, а далѣе глубокія впадины, въ мрачной глубинѣ которыхъ слышится журчанье родниковой воды. По скаламъ прыгаютъ дикія козы, а въ чащѣ лѣсной пробираются олени къ тихому источнику.... Ароматный

*) Байдарскія ворота построены при кн. Воронцовѣ.

воздухъ, пѣніе ласточекъ; привлекательныя тѣнистыя рощи, съ многочисленными змѣевидными ручейками; грозныя пещеристыя скалы, въ трещинахъ которыхъ ростутъ деревья,—скалы, усѣянныя орлами и другими хищными пернатами; а еще выше—ясное голубое небо..... Эта живая панорама производила сильное впечатлѣніе.

Нѣкоторые изъ ловкихъ всадниковъ посѣтили верхами, на извѣстныхъ Байдарскихъ иноходцахъ, интересныя мѣстности: гдѣ за годъ предъ тѣмъ провалилась цѣлая деревушка (Кучукъ-кіой, возлѣ Кикинеиза), вмѣстѣ съ садами и виноградниками,—вслѣдствіе изобильныхъ подземныхъ истоковъ; гдѣ Потемкинъ разсадилъ экзотическія растенія (въ Алупкѣ) и гдѣ уже росли фиговыя и гранатовыя, масличныя, лавровыя и кипарисныя деревья.... Взбирались верхами-же на крутизны Яйлынскихъ вершинъ и восхищались оттуда безпредѣльной поверхностью синяго моря.....

Налюбовавшись замѣчательно прекрасными видами Южнаго берега, Екатерина направилась черезъ Бахчисарай, въ Симферополь. Во время обзора ею горныхъ мѣстностей, при ней состоялъ конвой всего изъ шести донскихъ казаковъ, при ихъ полковникѣ и оберъ-офицерѣ.

Предъ Симферополемъ*), за пять верстъ, представился областной (губернскій) предводитель дворянства ст. сов. Мехметъ-бей Ширинскій, съ двѣнадцатью дво-

*) «Симферополь» — отъ греческихъ словъ «сим феро» (городъ сборный), т. е. главный городъ.

рянами. По дорогѣ ко дворцу стояли, по обѣимъ сторонамъ, прилично одѣтые купцы, мѣщане и поселяне во главѣ съ городничимъ. Больныхъ же, калѣкъ, бродягъ и нищихъ сюда не допускали, чтобы ихъ внѣшность не могла произвести непріятнаго впечатлѣнія на царицу. Члены присутственныхъ мѣстъ, съ ихъ канцеляристами, занимали мѣста у зданій, гдѣ они служили. Отъ города, для гостепріимства, былъ назначенъ прокуроръ Мели.

Въ то время Симферополь начиналъ только строиться и заключался въ мѣстности, гдѣ теперь вторая полицейская часть. При ханахъ здѣсь находилась деревня, получившая свое названіе по цвѣту ея мечети— «Акъ-Мечеть» (бѣлая мечеть). Жители этой деревни неограниченно подчинялись калгѣ-султану, имѣвшему въ теперешнемъ «Петровскомъ предмѣстьѣ» свой дворецъ.

При рѣкѣ Зуѣ собраны были окрестные татары и русскіе поселяне для привѣтствія. Не доѣзжая Карасубазара,—тогда обширнаго уже города, украшеннаго садами, красивыми мечетями и домами, окаймленными высокими стѣнами,—государыню снова встрѣтилъ Каховскій съ властями. Для гостепріимства тутъ находился областной стряпчій Ибрагимовичъ. Въ этомъ городѣ находились уже три церкви: греческая, армяно-григоріанская и армяно-католическая; здѣсь также былъ построенъ дворецъ, гдѣ императрица ночевала. Этотъ дворецъ стоялъ на возвышенности, у подножія которой протекала бурливая рѣка «Кара-су». На противоположной сторонѣ выдѣляется громадная скала,

имѣющая контуръ крепости,—«Акъ-кая», на которой татары принимали присягу на вѣрность Россіи. Гористыя окрестности въ ту-же ночь были иллюминованы и пускался фейерверкъ (до 300.000 ракетъ), на который туземцы смотрѣли не безъ страха

Каразубазаръ въ ханскія времена, послѣ Солхата, извѣстенъ былъ, какъ главный торговый пунктъ полуострова. Здѣсь замѣчателенъ укрѣпленный базаръ, т. е. обширный торговый дворъ съ лавками, обнесенный съ четырехъ сторонъ высокими стѣнами, которыя сохранились до сего времени. Отсюда армяне съ генуэзцами вели торговлю, не только со Стамбуломъ и Кавказомъ, но даже съ Хивою, Индіей и Китаемъ. Товары сюда привозились длинными караванами и развьючивались въ «караванъ-сараяхъ». Лучшіе товары заключались въ парчевыхъ, шелковыхъ и бумажныхъ тканяхъ.

Въ Старомъ-Крыму, гдѣ былъ тоже временный дворецъ (павильонъ), происходили подобныя же встрѣчи. При первыхъ крымскихъ ханахъ этотъ городъ былъ весьма обширенъ. Недалеко находится армянскій древній монастырь «Сурпъ-хачь» (св. креста) съ подземными ходами

Предъ древнею Ѳеодосійской крѣпостью, въ татарскомъ предмѣстьѣ, разставлены были мѣстные жители. Здѣсь, у крѣпостныхъ воротъ, комендантъ города поднесъ рапортъ, и представились государынѣ чины карантиннаго и таможеннаго вѣдомства, во главѣ Нотары и Мовреля; также директоръ монетнаго двора *) и муф-

*) Монетный дворъ учрежденъ былъ въ Ѳеодосіи въ 1784 году· здѣсь перечеканивали турецкія монеты на русскія.

тій, имѣвшій здѣсь пребываніе. Она помѣстилась во дворцѣ, выстроенномъ недалеко отъ моря, а свита ея, какъ и въ другихъ городахъ, размѣстилась въ частныхъ домахъ. У каждаго изъ пословъ и сановниковъ состоялъ особый дворецкій съ прислугой и поварами; они были снабжены серебряннымъ и фарфоровымъ столовымъ приборомъ, разнымъ бѣльемъ, закусками и рѣдкими винами.

Съ этого именно года (1787 г.) Левкопольскій уѣздъ переименованъ въ Θеодосійскій.

Обратно царскій поѣздъ двинулся, сухимъ-же путемъ,на Перекопъ.При приближеніи его къ Карасубазару, на встрѣчу вышелъ въ полномъ составѣ Словесный судъ и городскіе жители въ разноцвѣтныхъ нарядахъ. Переночевавъ въ Карасубазарѣ, она двинулась далѣе,—на Ишунь. На этотъ трактъ уже успѣли перевезти два подвижныхъ дворца съ Бахчисарайской дороги. По пути всѣ наличные генералы, мѣстные штабъ и оберъ-офицеры, предводители съ дворянами, исправники съ засѣдателями выѣзжали верхами провожать императрицу отъ станціи до станціи. При выѣздѣ-же изъ Крыма, 31 мая,—назависимо казаковъ и отряда кавалеріи, слѣдовавшихъ по предписанному церемоніалу (за задними колесами, въ пяти саженяхъ въ сторону отъ экипажей),—въ эскортѣ находилось еще двадцать молодцоватыхъ мурзъ, джигитовавшихъ по обѣимъ сторонамъ золотой кареты....

Подъ вліяніемъ благопріятнаго впечатлѣнія отъ поѣздки въ Крымъ, Екатерина пожаловала Потемкину

титулъ «князя Таврическаго». Она говорила: «Крымъ— драгоцѣнная жемчужина въ моей коронѣ!».

Современники, удивляясь роскоши сего путешествія, стоившаго нѣсколько милліоновъ руб., обвиняли императрицу въ баснословной расточительности.

Послѣдствіемъ посѣщенія Крыма Екатериной съ Іосифомъ—состоялся между ними союзъ противъ Турціи. Война была объявлена, вслѣдствіе нарушенія самой Турціей мира и международныхъ правъ—тѣмъ, что султанъ заключилъ въ семибашенный замокъ русскаго посла Булгакова. Эта новая турецкая война еще болѣе прославила Россію, и сама Турція едва было не погибла окончательно.

Вслѣдствіе такихъ военныхъ успѣховъ, въ Европѣ писали, что Екатерина, съумѣвшая понять истинные планы Петра Великаго (почему ея правленіе считалось продолженіемъ его царствованія), желала вытѣснить турокъ въ Азію и возстановить Византійскую имперію! Что она предназначала императоромъ въ Константинополь внука своего Константина *), котораго съ этой цѣлью учила греческому языку. Писали о «Греческомъ проэктѣ». Вольтеръ прямо утверждалъ, что на самомъ «Атмайданѣ» (извѣстной въ Константинополѣ площади) должна быть воздвигнута Екатеринѣ II статуя—точно такая, какую она поставила Петру I. Эти толки особенно были въ ходу, когда Потемкинъ строилъ въ Херсонѣ военныя суда для Черноморскаго флота и воздвигалъ крѣпости.

*) Старшаго же внука, Александра, назначила послѣ себя преемникомъ Россійскаго престола.

Имѣется историческое свѣденіе, что на одной изъ заставъ гор. Херсона въ то время существовала надпись: «Здѣсь дорога въ Константинополь!» Эту надпись сдѣлалъ Потемкинъ, во время путешествія Екатерины по Новороссійскому краю, чтобы польстить ея славолюбію. Не безъизвѣстно, однако, что Потемкинъ дѣйствительно представлялъ императрицѣ планы, по ея иниціативѣ, для завоеванія Константинополя.

И такъ, съ того славнаго времени у береговъ Крымскаго полуострова сталъ развиваться русскій флагъ! Самое Черное море, считавшееся собственностью одной Турціи, стало не только общимъ, но скорѣе русскимъ. Благодаря коммерческимъ судамъ и открытію дорогъ, завелась въ Крыму торговля съ Россіей и иностранными государствами.

Чтобы еще обрисовать качества самой Екатерины II,—отличавшейся гуманностью, справедливостью, мудростью и даже либерализмомъ,—приведу о ней, хотя одинъ анекдотъ; анекдоты же, какъ извѣстно, часто весьма удачно характеризуютъ человѣка.

Однажды, молясь въ Казанскомъ соборѣ, она замѣтила, какъ одна женщина, опустившись на колѣни предъ образомъ Божіей Матери, положила предъ иконой бумагу. Императрица приказываетъ подать эту бумагу. Оказывается, что это жалоба бѣдной дворянки Пресвятой Дѣвѣ на несправедливое рѣшеніе тяжбы, утвержденной самой Екатериной. Въ прошеніи дворянка проситъ: «Владычица, просвѣти и вразуми благосердную нашу Монархиню, да судитъ судъ правый». Государыня, разсмотрѣвъ потомъ лично это сенатское

дѣло, призываетъ во дворецъ просительницу и говоритъ ей: «Вы правы,—я виновата; простите меня. Одинъ Богъ совершенъ. Я поправлю свою ошибку: имѣніе ваше вамъ возвращается, а это (вручая ей драгоцѣнный подарокъ) примите отъ меня и забудьте огорченія, вамъ нанесенныя».

Въ гор. Симферополѣ вскорѣ, въ 1889 году, будетъ поставленъ памятникъ Екатеринѣ Великой, 34-лѣтнее царствованіе которой столь прославило наше Отечество! Памятникъ сооружается по почину дворянъ Таврической губерніи; къ ихъ денежнымъ взносамъ присоединяются значительныя пожертвованія изъ Россіи, по Высочайше разрѣшенной повсемѣстной подпискѣ. Стоимость монумента была опредѣлена въ 50.000 руб., но обойдется гораздо дороже. Онъ будетъ изображать фигуру Екатерины и главныхъ участниковъ по присоединенію Крыма. На памятникѣ будетъ барельефъ съ изображеніемъ посѣщенія императрицей сего полуострова. Фигура и барельефъ будутъ вылиты изъ бронзы, а пьедесталъ устроится изъ гранита,—къ сожалѣнію, не крымскаго.

Этими строками заканчивая настоящій выпускъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ и по мѣрѣ досуга, надѣюсь продолжать свои разсказы, придерживаясь историческихъ данныхъ и стараясь, по возможности, разнообразить содержаніе статей.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	стр.	*Напечатано:*	*Читайте:*
3	18	если	Если
7	16	въ засаду	на засаду
8	4	за тѣмъ	затѣмъ
8	28	Разпредѣливши	Распредѣливши
11	19	колосальныхъ	колоссальныхъ
12	11	сраженій;	сраженій,
15	26	взя	вся
17	5	монастыръ	монастырь
17	20	возращаться	возвращаться
18	4	(кальчуги)	(кольчуги)
18	17	лошинъ	лощинъ
19	11	зайцемь	зайцемъ
21	20	валы,	валы;
22	28	„Орт-копу"	„Оръ-капу"
25	1	крыма	Крыма
26	7	богатой	богатою
27	1	стелется	осаждается
29	16	а ограбленное	а все ограбленное
29	19	доставалостъ	доставалось
29	27	тревегу	тревогу
30	15	Повѣлитель	Повелитель
31	9	кальяны,	кальяны;
31	25	„гаремь"	„гаремъ"
31	30	„Гургувита"	„Гурзувита"
32	2	отцовъ	отцевъ
32	7	волосами, ханы	волосами;—за такихъ красавицъ ханы
32	26	„Акъ-Меджи-бей"	„Акъ-Маджи-бей"
34	13	доставить	доставитъ
34	15	жазни!	жизни!
38	2	фонтановъ	крановъ
38	27	пѣвцовъ дервишей	пѣвцовъ-дервишей
39	5	вродѣ	въ родѣ, родъ
40	3	пѣсенъ	пѣсень
40	6	невиносимую	невыносимую
41	17	по тому	потому
41	27	„джюму"	„джюма"
45	14	изрѣченія	изреченія
47	28	во премя	во время

Стран.	стр.		
49	11	тюрьму	тюрьмы
49	17	вродѣ	въ родѣ
52	10	предсѣдетельствомъ	предсѣдательствомъ
52	12	балкону	балкончику
56	31	Шахматовыхъ	Шихматовыхъ
57	30	находившуюся	находящуюся
59	1	иноверцевъ	иновѣрцевъ
59	17	объ ней	о ней
59	25	скалою	скалой
59	30	имѣющій	имѣющей
60	16	Въ подтвержденіи	Въ подтвержденіе
60	20	по обыясненію	по объясненію
61	4	неизвѣстно. Караимы	неизвѣстно. То были евреи-талмудисты. Караимы
64	11	по тому	потому
70	2	такжа	также
73	28	была правительницей	была только правительницей
73	30	постановлено	поставлено
76	17	Каразубазаръ	Карасубазаръ
77	31	Кутузувъ	Кутузовъ
80	15	да 2000 пудовъ	до 2000 пудовъ
81	4	караблѣ	кораблѣ
82	10	колга-султаномъ	калга-султаномъ
83	7	дѣлившіеся	дѣлившіяся
86	16	Либгальта	Либгольта
87	26	изрѣченія	изреченія
92	28	1772 года	1773 года
96	19	оффиціальное	офиціальное
97	23	выѣхать въ Стамбулъ	выѣхать обратно въ Стамбулъ
98	25	утвержленіи	утвержденіи
101	9	Владиміра, Равноапостольнаго правнука	Владиміра Равноапостольнаго, правнука
102	21	ссылкѣ, но	ссылкѣ. Но
102	26	короновaніи	коронованія
106	6	, любилъ	. Любилъ
108	21	ознобь	ознобъ
110	4	филантропомъ и любилъ людей	филантропомъ,—любилъ людей
111	1	злоупотребленіа	злоупотребленія
112	3	Задумано сдѣлано	Задумано—сдѣлано
114		XI.	IX.
114	2	Гунны,	Гунны.
116	15	казнну	казну
116	26	учавствовали	участвовали

Стран.	стр.		
118	4	караблей	кораблей
119	7	на постройку	и на постройку
120	5	орнаментами и живописью	и орнаментами живописью
121	9	образовнія	образованія
121	11	херсонатянокъ	херсонитянокъ
122	11	херсонистскими	херсонитскими
122	15	лѣченія	леченія
127	13	Армяне-католики	Армяно-католики
127	29	Палеолегѣ	Палеологѣ
128	7	немилссердно,	немилосердно;
133	8	города устроены	города были устроены
133	24	„Афротида"	„Афродита"
133	30	обѣихъ	обоихъ
134	7	колонами	колоннами
134	13	разрисованные	разрисованныя
134	17	царстава	царства
134	26	треножкѣ	треножникѣ
138	8	Дѣвочки	Дѣвушки
138	29	воинскую	воинственную
139	20	церемоніи,—невѣста	церемоніи,—нерѣдко невѣста
139	22	девочекъ	дѣвочекъ
141	14	диксъ	дискъ
141	27	Предметы	Предметами
141	29	херсонскаго	херсонесскаго
141	30	женится	жениться
142	15	подчинялся	подчинился
142	17	по тому	потому
143	7	Внѣшій	Внѣшній
143	11	образцу	образу
143	13	извѣсткоmваго	известковаго
143	17	достигали	достигли
143	20	росписаніи	расписыванія
143	27	излагалось	излагались
144	10	явства	яства
147	10	„Царера"	„Церера"
147	11	„Миневра"	„Минерва"
147	28	заключалась	заключалась
148	5	увлекшивь	увлекшись
150	14	Дѣвицы надѣвали	Дѣвицы не надѣвали
150	18	часть	частью
150	23	несомненнымъ	несомнѣннымъ
153	10	Такія надгробныя	Такіе надгробные
154	26	(въ 665 г.)	(въ 655 г.)

Стр.	стр.		
157	17	св. дарамъ	св. Дарамъ
157	24	св. дары	св. Дары
158	12	святой	святый
159	18	зданіе	зданія
159	23	продольно	(продольно)
160	17	другія	другіе
160	27	греховъ	грѣховъ
161	11	чтенію	чтеніе
161	12	завѣта	Завѣта
164	18	пусстилъ	пустилъ
164	22	этою	этой
165	17	добровольна	добровольно
165	21	для спасенія	и для спасенія
168	1	духовенство ихъ;	духовенство;
168	8	самаго	самого
168	30	живописью.	живописи
169	5	эти отшельники	эти священнослужители и от-шельники
169	20	правосудію	неправосудію
171	10	и потомъ	а потомъ
172	5	„Тепе-керменъ"	„Тепе-кермаиъ"
173	16 и 17	имуществомъ, вдоль живописнаго Бахчисарайскаго ущелья; они	имуществомъ; вдоль живописнаго Бахчисарайскаго ущелья они
175	18	муфтіи	муфтій
176	6	состоящія	состоящіе
179	21	напр. продажныхъ росписокъ	(напр. продажныхъ росписокъ)
182	2	она	они
183	1	поступали	поступили
188	1	семинаріи, но оттуда	семинаріи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ, но оттуда
189	5	фельдмаршалскій	фельдмаршальскій
190 191	25 5	кричить	кричитъ
196	2	Торжественная встрѣча	Торжественныя встрѣчи.
196	10	строить дворцы	строить временные дворцы
198	27	изумилась	изумлялась
201	3	греческая	армянская
201	6	не представлялось	ни представлялось
208	2	гдѣ осматривали	гдѣ они осматривали
210	32	„Балыквы"	„Балыклы"
211	2	апельсиновыхъ	апельсинныхъ
211	10	юпокъ	юбокъ
211	17	не будетъ-ли	Не будетъ ли

Стран.	стр.		
211	18	но императрица	Но императрица
212	22	теперь развалины	теперь видны развалины
213	9	остановилось	остановилась
215	5	пернатами	пернатыми
217	1	крепости	крѣпости
217	6	Каразубазаръ	Карасубазаръ
218	22	назависимо	независимо
220	27	утвержденной	утвержденное
221	19	Фигура	Фигуры
221	22	заканчивая	заканчиваю

